

РЫЦАРИ

Л. Б. Горянов

АТАКИ

Москва
«Физкультура и спорт»
1983

Л. Б. Горянов

РЫЦАРИ АТАКИ

Москва
«Физкультура и спорт»
1983

ББК 75.579

Г71

Рецензент Ю. Лукашин

Горянов Л. Б.

Г71 Рыцари атаки. — М.: Физкультура и спорт, 1983.—128 с.

Документальная повесть «Рыцари атаки» посвящена выдающимся нападающим советского хоккея. В книге даны широкие спортивно-творческие портреты всех основных троек сборной СССР и ведущих клубов страны.

Автор рассказывает о тактике и манере игры ведущих троек, их выступлений в крупнейших международных турнирах.

Для массового читателя.

Г 420200000—225
009(01)—83 КБ 21—22—1983

ББК 75.579
7А8.6

От автора

Мы многое не успеваем в суете будней. Многие из того, к чему нас обязывают наши память и сердце. Земля не знает усталости в своем безостановочном вращении, и нам порою просто не хватает времени, чтобы достойно, по-настоящему торжественно оценить прошлое. А между тем это дело не только долга. В нашем прошлом заключены неисчерпаемые резервы моральной и материальной силы.

Сколько бы уверенности, силы, гордости прибавило нашей молодежи знание пути, пройденного их отцами и старшими братьями! Пути, на котором встречались сомнения, непонимание, неимоверные трудности. Пути, отмеченного беспредельным патриотизмом и сознанием каждым спортсменом своего долга перед страной, перед народом.

Прошлое должно привлекать нас и потому, что оно дало отечественному спорту целую плеяду поистине блистательных мастеров, людей удивительно талантливых, самобытных, людей красивой и яркой жизни. Мы должны постараться в памяти и сердцах тех, кто их не видел, воссоздать высокий класс и спортивные подвиги этих людей. Мы должны оживить содеянное ими, оживить историю, перенести вчерашнее в сегодняшний день.

Задача эта, конечно, трудная. Картины, написанные художниками, висят в музеях — можно пойти и посмотреть Врубеля и Левитана, Рембрандта и Федотова, Репина и Сурикова, Веласкеса и Шишкина... Можно зайти в библиотеку, взять томик Пушкина или Марины Цветаевой, почитать Симонова. Можно даже, наконец, услышать записи Шаляпина и Собинова, Москвина и Качалова... А матчи, которые прошумели до нас, игроки, которых мы не застали, остаются часто всего лишь легендой, не более.

Да, мы часто утверждаем, что даже самые прекрасные, самые удивительные состязания умирают — их не воскресить. Недавно мне довелось вместе с пионерами посмотреть фильм моей юности «Вратарь». Лента пролежала в архиве более сорока лет, но мальчишки начала восьмидесятых годов увидели Кандидова таким, каким видели его мы, ребята довоенной поры. И так же, как тогда, шел матч против «черных буйволов». Но никогда уже не увидеть ни моему сыну, ни моему внуку, как забивали наши спортсмены, только-только научившиеся хоккею, — шайбы в ворота прославленного чемпиона — команды Чехословакии, как изумлял своим искусством прославленных форвардов-соперников низкорослый крепыш Меллуп.

И все-таки творческий труд, истинный талант и вдохновение спортсменов не исчезают.

Москва. Дворец спорта в Лужниках. Декабрь 1981 года. Идет турнир на приз «Известий». Кто-то из наших хоккеистов лихо пронесся за ворота сборной Чехословакии, мгновенно очутился у другой стойки и резким движением клюшки протолкнул шайбу в сетку ворот мимо напрочь растерявшегося вратаря. Когда стихла овация, явственно слышу за спиной:

— Во сыграл, как Бобров! Ну вылитый Бобров!

Оглядываюсь. Передо мной мальчишка, родившийся минимум через десять-двенадцать лет после того, как Всеволод Михайлович перестал выступать.

Нет, великие спортсмены живут среди нас, как живут в нас и с нами великие творения поэтов, писателей, композиторов, живописцев. И каждая новая деталь, новая подробность в воспоминаниях очевидцев давно отшумевших спортивных событий — это еще один камень, еще один кирпич в монумент памяти их героям.

В январе 1984 года мы отметим знаменательную дату: тридцать лет со дня первого официального матча сборной СССР, а в марте — с момента ее сенсационного победного дебюта на чемпионате мира.

В историческом плане срок вроде бы и небольшой. Но сколько прекрасных свершений на этом отрезке у советских хоккеистов! Вступив в семью ледовых братьев намного позже канадцев, американцев, шведов, чехов, наши спортсмены и тренеры поистине совершили чудо, утвердив бесспорное торжество советской школы. Вот уже много лет им нет равных на чемпионатах мира, они торжественно празднуют победу на Белых Олимпиадах в Кортина д'Ампеццо (1956 г.), Инсбруке (1964 г.), Гренобле (1968 г.), Саппоро (1972 г.), снова в Инсбруке (1976 г.), они со счетом 6 : 0 победили великолепную сборную страны Кленового листа в решающем матче «Кубка вызова», а через год стали бесспорными победителями «Кубка Канады» — соревнования, собравшего все лучшее, чем располагает сегодня мировая хоккей, и любительский, и профессиональный.

Силу, преимущество советской школы хоккея признают все. Знаменитый канадский тренер Дэйв Бауэр, не раз возглавлявший национальные сборные этой страны на чемпионатах мира и олимпийских играх, откровенно сказал своему советскому коллеге Аркадию Ивановичу Чернышеву:

— Завидую тебе, твоему напарнику Тарасову. Как много вам дано! Как быстро вы растете! Нет, нам не «догнать ваши сказочные тройки»...

Конечно, звенья атаки есть в каждой команде, но наши оставили на мировом льду неповторимый след.

Автор избрал предметом своего особого внимания семь из них. Думаю, что такой подход не должен никого удивить. Звенья Всеволода Боброва, Алексея Гурышева, Александра Уварова были, во-первых, пионерами наших побед, а во-вторых, выступали так давно, что не одно, а, вероятно, два или три поколения болельщиков просто ничего не знают о них, и воскресить в памяти их замечательные дела мы считали своим журналистским долгом.

Звенья Александра Альметова, Вячеслава Старшинова, Анатолия Фирсова (или Виктора Полупанова), Владимира Петрова — это бесспорные образцы нашего хоккейного творчества, прекрасный синтез высшего спортивного мастерства и высот спортивной педагогики.

В этой книге нам хотелось восстановить картину рождения, становления, развития ударных звеньев главной команды страны, написать их коллективные биографии, нарисовать творческие портреты тех, кто составлял эти звенья — одним словом, воздать должное нашим прекрасным хоккеистам, отважным рыцарям атаки.

Насколько эта попытка удалась — судить читателю.

ТРАДИЦИИ НАЧИНАЮТСЯ С НИХ

В один из серых зимних дней мне позвонили из издательства и предложили принять участие в сборнике, посвященном сорокалетию советского хоккея с шайбой.

Положил трубку и задумался. Неужто и в самом деле минуло почти четыре десятилетия с тех пор, как получила у нас свидетельство о рождении эта ныне горячо любимая народом игра? Да тут и считать нечего: 22 декабря 1946 года стартовал первый В нашей истории чемпионат страны. А финишировал он 26 января 1947 года, назвав нам имя первого победителя—московское «Динамо».

Не правда ли, у нынешнего поколения болельщиков такой короткий «век» турнира может вызвать лишь изумление?

Как-то, приглашенный в одну из московских школ провести беседу по истории спорта, я принес ребятам старый альбом и стал показывать выцветшие от времени снимки, на которых были запечатлены моменты состязаний первых лет.

— Неужели наши хоккеисты играли в этих коробках? — спрашивали мои юные друзья, и на лицах их я видел недоумение и недоверие.

А между тем все так и было. Да, наши рыцари играли в дощатых коробках, сколоченных на льду, под открытым небом. Центральной ареной ледовых битв в Москве была тогда площадка перед Восточной трибуной Центрального стадиона «Динамо». Здесь в ледящий мороз и оттепель, в дождь и снегопад, в пургу и при шквальном ветре кипели «сражения» в рамках чемпионатов Советского Союза и — чуть позже — проходили все международные матчи.

Однажды, в середине пятидесятых годов, приехали к нам для проведения товарищеских встреч английские хоккеисты из профессионального клуба «Уэмбли лайонз».

Прилетели они в день состязания, а в Москве тогда стоял мороз под тридцать да еще с ветерком. И сразу — на стадион. Вышли размяться и вскоре — опять в тоннель, ведущий в раздевалки. Мы, наблюдавшие за ними, не обратили на это особого внимания. Но вскоре к Аркадию Ивановичу Чернышеву, руководившему нашей командой, составленной из игроков трех клубов, прибежал представитель администрации стадиона:

— Скандал, гости играть отказываются...

Снарядили к англичанам представительную делегацию, куда вошли тренер нашей сборной и ее лучшие игроки. Приходят, а хоккеисты с Британских островов сидят в креслах, накинув на плечи розданные им пледы, согреваются чаем.

— В чем дело? Почему на лед не выходите? — спрашивают их.

— Это дьявольские условия. Как вы можете выносить такое?

Наши — выносили. А вспоминаю я сейчас об этом, чтобы вы знали: детство нашего хоккея было нелегким. Может быть, именно

поэтому ребенок вырос крепким, здоровым и сильным. Первые испытания закалили его, воспитали в нем мужество, бесстрашие и неукротимость — те великолепные качества, которыми он славится до сих пор.

15 февраля 1948 года определился второй в истории чемпион страны до хоккею с шайбой — команда ЦДКА. Во втором круге она набрала 18 очков из 18 возможных, установив до сих пор никем не повторенный «рекорд» абсолютной результативности. Армейцы провели в ворота соперников 108 шайб, пропустив в свои всего лишь 25. Стало ясно, что советский хоккей обрел в лице этого клуба надежного лидера.

Новая игра все прочнее приживалась, и пора было определяться в международном плане, сопоставить свои силы и возможности с лучшими зарубежными командами. Вскоре стало известно, что к нам едет чемпион Чехословакии — команда клуба ЛТЦ. Подавляющее большинство ее игроков входило в сборную страны, которая в 1947-м стала чемпионом мира, в 1948-м — завоевала серебро, уступив канадцам первенство лишь по соотношению забитых и пропущенных шайб.

И вот 21 февраля газета «Красный спорт» оповестила: «Приезд чехословацких хоккеистов. В Москву по приглашению Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта прибыла для совместных тренировок с советскими хоккеистами команда «ЛТЦ—Прага», чемпион Чехословакии по канадскому хоккею».

Мы, журналисты и болельщики, жили предстоящими встречами. Все разговоры вертелись вокруг одной темы. Еще бы, чемпионы мира, «люди, играющие на равных с канадцами» — это звучало как нечто совершенно исключительное, почти сказочное.

В те дни для встречи с грозным соперником была сформирована команда, которая, по существу, была сборной СССР, хотя и выступала она под флагом Москвы. У новичка не было ни сыгранности, ни опыта.

Нужно сказать, что это обстоятельство вызвало определенный страх у некоторых товарищей, руководивших в ту пору советским спортом.

— А вдруг проиграем с позором? — волновались они. — Это же подорвет наш авторитет...

И все-таки в конце концов три открытых матча с «ЛТЦ — Прага» состоялись и принесли поистине сенсационные результаты: в первом победили наши ребята (6:3), во втором лучшими были гости (5:3), третий завершился вничью (2:2). Общий счет 11:10 в нашу пользу. Такого не могло предположить самое смелое воображение специалистов, спортсменов и болельщиков.

В задачу автора не входит воскрешать картину этих незабываемых поединков, хотя они и достойны того, чтобы подробно воспроизвести детали происходивших ледовых сражений, за ходом которых каждый раз наблюдали 30—35 тысяч болельщиков. Но в них родились и сдали «боевой экзамен» три атакующих звена еще не признанной официально, но уже существовавшей реально главной команды страны.

Динамо́вцы командировали в сборную свое основное звено: Василий Трофимов — Всеволод Блинков — Николай Поставнин. Эта тройка вполне добросовестно, умело делала свое дело, когда тренеры выпускали ее на лед. Правда, случалось это реже, чем с другими, на которых руководители команды делали основную ставку. Тем не менее, повторяю, динамовцы хорошо проявили себя. Особенно больших похвал заслужил Василий Трофимов, отлично справившийся с труднейшей задачей персональной опеки Забродского.

Московский «Спартак» командировал в сборную великолепную тройку: Юрий Тарасов — Зденек Зикмунд — Иван Новиков.

Возглавлял ее Зденек Зикмунд — один из тех, кого москвичи не стесняясь называли своими любимцами. Для этого были все основания: Зденек проявил себя как отличный теннисист (в 1944—1949 годах он в паре с Николаем Озеровым шесть раз завоевывал звание чемпиона СССР), прекрасно играл в «зимний футбол», как у нас часто называли хоккей с мячом.

«Шайба» пришлась ему по душе, он едва ли не одним из первых уловил ее особенности и в первых же матчах прекрасно проявил себя. Этому способствовали природные данные и выработанные в процессе тренировок и напряженных состязаний качества: Зденек был исключительно отважным, физически сильным, отличался завидной резкостью. В отличие от многих своих коллег той поры, он сочетал напористую, результативную игру в нападении с активной обороной ворот. И самое главное — очень умело, тактически грамотно, интересно дирижировал действиями партнеров, играющих на флангах.

Одним из наиболее интересных, наиболее ярких игроков хоккея с шайбой в ту пору, бесспорно, был Иван Новиков. Его отличали высокая скорость, отличная маневренность, прекрасное видение поля. Как и его партнер в центре, Новиков значился среди когорты теннисистов страны. Может быть, это последнее обстоятельство способствовало тому, что он показал совершенную технику владения клюшкой, которой так не хватало многим игрокам той поры. К этому следует добавить тактическую грамотность и исключительную комбинационную одаренность. Все это вместе взятое делало его очень грозным в атаке: в 50 матчах чемпионатов страны он забил 76 голов, вместе с Алексеем Гурышевым разделил в 1949 году славу лучшего снайпера первенства СССР (26 шайб). Всегда пользовался горячей симпатией многочисленных, страстных спартаковских болельщиков.

Самым азартным, самым яростным, неукротимым в своем атакующем порыве был в этой тройке Юрий Тарасов. Несмотря на свои 25 лет, он уже успел испытать многое в жизни, был участником Великой Отечественной войны. Не было ни одного игрового задания, которое он бы не выполнил, ни одного матча, которому бы он не отдал всех сил. Он чуть уступал своему старшему брату Анатолию в тактической подготовке, но с лихвой компенсировал это отставание восхищавшим нас всех бесстрашием, резкостью и быстротой.

Эта тройка — бесспорно, одна из самых ярких, самых интересных у нас в хоккее в конце сороковых годов — с самой лучшей стороны проявила себя в матчах с «ЛТЦ — Прага», заслужив высокую оценку гостей. В том же году она в полном составе перешла в команду ВВС и в следующем сезоне, как отмечали специалисты, сумела значительно прибавить в классе. У нее были резервы мощности, резервы мастерства. Но произошло непоправимое: 5 января 1950 года в авиакатастрофе под Свердловском эти замечательные хоккеисты погибли. Долго не верилось в это, потому что привыкли видеть их в борьбе, в яростном кипении жизни и связывали именно с ними наши лучшие надежды на будущее хоккея. И сегодня, радуясь его выдающимся победам и громкой славе, мы, ветераны, особенно отчетливо сознаем, насколько велик в них вклад этих людей.

Самым лучшим образом проявила себя в дни важнейшего международного экзамена первая тройка нового чемпиона страны — команды ЦДКА, ставшая, по единодушному признанию, основной в сборной страны.

Выглядела она так: Всеволод Бобров — Анатолий Тарасов — Евгений Бабич.

Еще в ту пору, когда Анатолий Владимирович Тарасов стоял во главе нашего прославленного армейского клуба и вместе с Аркадием Ивановичем Чернышевым руководил главной командой страны, меня не раз подмывало выступить в печати с опровержением одной ложной версии, которую мне, увы, не раз приходилось слышать на трибунах. «Знатоки» из числа тех болельщиков, которые больше говорят, чем знают, утверждали, что Тарасов по классу значительно уступал двум своим великим партнерам и поэтому, дескать, они вскоре избавились от него. Нам, видевшим все своими глазами, хорошо известно: ничто не может быть дальше от истины, чем это обидное утверждение.

Начну с отдельных фактов, которые, как говорится, не требуют комментариев и говорят сами за себя. На чемпионате СССР 1947 года не кто иной, как Анатолий Тарасов, стал лучшим бомбардиром, проведя в ворота соперников 14 шайб. Этот успех следует прежде всего отнести за счет того, что талантливый спортсмен прежде других хорошо усвоил премудрости техники новой игры. Всего же Тарасов сыграл в чемпионатах страны 100 матчей, забив в ворота соперников 102 гола! Думаю, такой результативности могли бы позавидовать и многие современные наши форварды.

Но цифры цифрами, а мне часто вспоминается «живой» хоккеист Тарасов — игрок, тяготеющий к продуманным, комбинационным действиям. Когда выходила на лед тройка Анатолия Тарасова, трибуны заранее гудели, предчувствуя наступающую радость захватывающего, ни с чем не сравнимого зрелища. И почти никогда не ошибались. Тарасов великолепно руководил действиями всей пятерки, был ее душой, ее «мозговым центром». Изумительно выверенными, острыми, совершенно неожиданными для соперника передачами он выводил к чужим воротам своих партнеров. Всегда был активен, по-спортивному зол, бесстрашен и азартен.

Вспоминается снова далекий февраль сорок восьмого года. Первая победа со счетом 6:3 была не только приятной для нас сенсацией — она сильно разозлила соперников. Чехи не скрывали ни своего удивления, ни стремления взять реванш, доказать свою силу, свое превосходство.

— Ребята! Мы должны задавить их своим натиском. Если сделаем в начале первого тайма три «сухие» шайбы, им не оправиться, — сказал своим товарищам Тарасов, когда они шли из раздевалки по гулкому коридору Центрального стадиона «Динамо» к выходному люку на стыке Северной и Восточной трибун.

Мы, журналисты, шедшие по обеим сторонам вытянувшейся цепочкой команды, удивленно переглянулись: сказанное Анатолием показалось неслыханной дерзостью.

Началась игра. На 3-й минуте Тарасов очень красиво выводит на острую позицию Бабича, тот делает вид, что бьет; один из чешских защитников бросается под удар, но Евгений исполненным изящества жестом делает передачу Боброву, тот мгновенно разворачивается на сто восемьдесят градусов и без подготовки бьет. Лучший вратарь Европы Богумил Модрый ничего не смог изменить — 1:0.

Через несколько минут тройка Зденека Зикмунда удваивает результат, а потом снова на лед выходят армейцы.

Вот снова Бабич стремительно проходит по краю, Тарасов угадывает его намерения, резко срезает угол к воротам и, приняв четкую передачу, резким «щелчком» забивает третью шайбу. Мы, слышавшие напутствие Тарасова своим друзьям, бросаем друг на друга взгляды, полные удивления и откровенной растерянности.

— Уж не волшебник ли он? — спрашивает Юрий Ваньят, кивая в сторону Тарасова.

Кругом все гремит, возгласы восторга сотрясают морозный воздух, а в это время на льду происходит что-то совершенно непонятное. Все игроки — и наши, и чешские — сгрудились вокруг судьи, что-то объясняют, жестикулируют, даже кричат.

Наконец все проясняется: чешский судья не засчитал забитую Тарасовым шайбу, мотивируя свое решение тем, что наш нападающий в момент приема паса и броска находился в площади ворот.

Видеозаписи матчей в то время не производились, и сейчас, конечно, совершенно невозможно сказать, кто был прав, а кто виноват. Однако спор, затянувшийся на долгих пятнадцать минут, сослужил плохую службу нашим хоккеистам, еще не успевшим как следует восстановиться после первой встречи, которой они отдали в самом прямом смысле все физические и моральные силы. «Взвинтив» себя к повторному матчу, они начали его блестяще, но после судейской ошибки (они считали это именно ошибкой, причем — преднамеренной) «перегорели», сникли и уже не сумели «поймать» свою игру. В результате проигрыш — 3:5. А в третьем матче ничья — 2:2.

Результаты этого матча-турнира немедленно были отражены прессой, особенно в таких странах, как Чехословакия, Швеция, Финляндия, США, Канада... Из страны Кленового листа в адрес

Советского информбюро, готовившего публикации для зарубежных стран, пришел запрос, содержащий просьбу рассказать о советских хоккеистах, обо всем, что касается распространения новой для нас игры. И в этом заказе значилось: «подтвердите факт победы над чехами». В это не хотели, не могли поверить, и тем не менее это было фактом.

Перед отъездом гостей наши и чешские хоккеисты, тренеры ведущих клубных команд, некоторые журналисты собрались вместе для откровенного творческого разговора.

Помнится, его начал Ольдржих Забродский, один из руководителей клуба «ЛТЦ — Прага», в недалеком прошлом сам капитан национальной сборной.

— Мы искренне поражены тем, что увидели, — говорил он. — И прежде всего поражены тем, в каком высоком темпе вы ведете состязание. Мы убеждены, что ваша команда уже сегодня самая быстрая в Европе.

Второе, что бросилось в глаза, — продолжал Забродский, — московские игроки обладают большой способностью к комбинированию, хорошим чувством позиции. Чувствуется, что в новую для вас игру вы внесли много от футбола и русского хоккея. Я не ошибусь, если скажу, что в скором времени вы будете играть выдающуюся роль в мировом хоккее.

Признанием этой истины, высокой оценке нашего дебюта мы были прежде всего обязаны тем ударным звеньям сборной, о которых шла речь выше.

Вскоре после игр с ЛТЦ в команде ЦДКА, ставшей признанным лидером советского хоккея, произошло расслоение. Часть ее игроков ушли в коллектив ВВС МВО. Не время и не место сейчас разбирать причины такого движения, но оно нарушило уже многие отлично налаженные тактические связи, разорвало, разметало с таким трудом созданные линии. В частности, распалась первоклассная тройка Бобров — Тарасов — Бабиц. Центральный нападающий остался в армейском коллективе в качестве игрока и играющего тренера. Фланговые нападающие перешли в команду летчиков. Здесь к ним присоединился Виктор Шувалов, приглашенный в набравший грозную силу столичный клуб из челябинского «Дзержинца». Заметил его здесь и определил его исключительно большие возможности Всеволод Бобров. Уже тогда его умение подмечать таланты, видеть спортсмена не только таким, каков он сейчас, но и в динамике его возможного творческого роста поражало глубиной и точностью определения.

Так родилась новая тройка, которой суждено было занять выдающееся место в истории отечественного хоккея.

В 1948 году, беседуя с нашими ведущими хоккеистами, их чехословацкие коллеги утверждали:

— Вы можете хоть со следующего сезона выступать на чемпионатах мира. Вы к этому вполне готовы...

Но прошло еще долгих шесть лет, пока руководители советского спорта отважились на этот шаг. Шесть лет мы варились в собственном соку. Шесть лет наш хоккей с шайбой, если не считать

встреч с «ЛТЦ — Прага», был лишен творческих контактов с лучшими командами континента и мира. Конечно, это тормозило его развитие. Но был здесь и положительный момент. Находясь в вынужденной изоляции, наш хоккей никого не копировал, развиваясь своим путем, создавая свою школу, приобретая свой самобытный почерк и характер. Подавляющее большинство рыцарей шайбы пришли к ней от плетеного мяча. Они принесли на маленькие площадки вихревые скорости русского хоккея и огромную скоростную выносливость. Они принесли сюда и свои тактические принципы, свою приверженность к творческому, комбинационному построению атаки, к осмысленному коллективизму.

Большую роль сыграло и то, что чемпионаты первых лет проходили, как правило, в очень острой, напряженной борьбе. За период с 1947 по 1957 год включительно мы имели четырех различных чемпионов: «Динамо» (Москва) — 1947 и 1954 гг.; ЦДКА — 1948—1950 гг., 1955—1956 гг.; ВВС — 1951—1953 гг.; «Крылья Советов» — 1957 г. Каждая встреча между этими клубами проходила в упорнейшей борьбе, соперничество между ними было непримиримым, а это определялось примерным равенством сил. В острой борьбе, в принципиальных творческих спорах рождалась та грозная сила, которой суждено было вскоре удивить планету.

И вот наконец было принято решение, что сборная СССР выступит на чемпионате мира 1954 года. Проводился он в Стокгольме. Столица Швеции встретила участников мягкой, скорее весенней, чем зимней, погодой. Нашу команду на аэродроме окружили журналисты. Интерес к дебютанту был огромен. Многие уже успели увидеть сборную СССР в действии, высоко оценивали ее шансы. Это мнение укрепилось после того, как накануне чемпионата наша главная команда успешно провела серию товарищеских встреч, победив сборные Финляндии (8:1), ГДР (14:1 и 14:1), Швейцарии (13:1 и 3:1), а также «обменявшись любезностями» со сборной Чехословакии (3:5 и 2:0).

И все-таки шведская пресса проявляла по отношению к дебютантам откровенный скептицизм. Уже много раз в нашей отечественной печати говорилось о карикатуре, которую поместила известная стокгольмская газета: наш низкорослый — в изображении художника — спортсмен сидит за партой и слушает объяснение канадского «педагога». Вспоминаю об этом рисунке еще раз лишь потому, что он выглядел фигуральным выражением общественного мнения: русские хоккеисты, дескать, только зеленые новички, и ни на какую другую роль не годятся.

Тем более сенсационно, почти фантастически выглядела победа сборной СССР на этом чемпионате. Она доказала всем, что по праву претендует на ведущую роль в мировом хоккее.

В этом турнире блестяще проявили себя все звенья советской команды. Но самой примечательной, главной ударной силой ее явилось замечательное трио московских армейцев: Евгений Бабич — Виктор Шувалов — Всеволод Бобров. Их называли тогда и до сих пор величают первой тройкой советского хоккея — на все времена.

К великому сожалению, когда мы вышли официально на мировую арену, лучшее время выдающихся спортсменов, составлявших эту тройку, уже прошло: каждому из них было за тридцать. Тем не менее они играли молодо, весело, задорно и показали подлинно мировой класс, признанный всеми без исключения авторитетами. После заключительного матча СССР — Канада, закончившегося, как известно, нашей сокрушительной победой (7:2), шведская газета «Моргенпостен» писала:

«Переполненный стадион явился свидетелем того, что новичок в области хоккея с шайбой СССР обращался с хоккеистами Канады, как со школьниками. Никогда еще никто не играл так замечательно в хоккей с шайбой, как СССР в матче против Канады. Что касается действий Всеволода Боброва и его партнеров, то их можно охарактеризовать лишь одним подходящим для данного случая словом — чудо...»

Примерно в таком же духе высказались и все другие видные обозреватели, корифеи спортивной журналистики, присутствовавшие на чемпионате. В лице нашего главного ударного звена они видели не только образец совершенства сегодняшнего дня, но и хоккей завтрашнего дня, хоккей будущего.

Что же выделяло наших хоккеистов? Мне думается, самой главной, самой важной чертой этого звена являлась вдохновенная, исполненная подлинной страсти игра. Хоккей был для каждого из них частью их жизни, самым любимым, самым желанным занятием. Они отдавались ему с детской непосредственностью, с подлинно мальчишеским увлечением. Об этом звене даже нельзя было сказать «они играют» — они жили на поле, они горели в бескровном ледовом бою, соревнование, схватка, борьба за победу были естественным их состоянием.

Характерной особенностью армейской тройки являлось предельно высокое индивидуальное мастерство каждого. Вот почему перед тем, как давать обобщенные характеристики звена в целом, автор позволит себе напомнить вам хотя бы краткие творческие портреты каждого из действующих лиц.

* * *

Ненавижу выражение «незаменимых людей нет». Каждый живущий на земле по-своему неповторим — в этом существо и великая сила человеческой личности. И тем более незаменимы те, кто наделен природой огромным талантом, кто каждым своим шагом по земле, каждым действием, силой и красотой своего искусства как бы говорил нам: «Смотрите, вот оно перед вами — мое «я». Все в нем истинно мое, все неповторимо. Да я вас и не призываю копировать меня. Я зову вас идти своим путем к совершенству».

Так с полным основанием мог говорить о себе в спорте Всеволод Бобров.

Всеволод Бобров! Игрок и капитан сборных команд Советского Союза по футболу и хоккею, участник летних и зимних олимпийских игр, а впоследствии старший тренер ведущих хоккейных и футбольных команд страны. Кому еще довелось в нашем спорте

совмещать четыре такие роли, каждая из которых сама по себе способна принести непроходящую известность и славу?!

В большом футболе Бобров дебютировал 19 мая 1945 года, а всего через шесть месяцев его знала и боготворила вся страна, знал весь футбольный мир. Московская команда «Динамо» пригласила 23-летнего дебютанта ЦДКА в ставшее знаменитым турне по Англии. И — не ошиблась! Он стал главным героем волнующих состязаний на родине футбола. Голы, забитые им в ворота «Челси» и «Арсенала», оказались решающими, а его исполнительское мастерство привело в восторг самых тонких и строгих ценителей игры в кожаный мяч.

Потом были десятки восхитительных матчей на чемпионатах страны, яркие выступления против лучших национальных сборных Европы: Венгрии, Чехословакии, Польши, Болгарии, Румынии... Но, пожалуй, самая блестящая страница его футбольной биографии связана с маленьким, утопающим в зелени финским городком Тампере, где 21 июля 1952 года в финальном турнире игр XV Олимпиады встречались национальные сборные СССР и Югославии. Проигрывая со счетом 0:4, а затем и 1:5, наша команда в конце концов свела состязание вничью (5:5). В этом редкостном по напряжению поединке «наш Сева», как его называли все советские болельщики, забил три неотразимых мяча в ворота соперников. Его неиссякаемая энергия, его заразительный пример, его огромная воля и виртуозное мастерство увлекли в конце концов наших растерявшихся было футболистов и позволили им с достоинством выйти из трудного положения.

Прошло тринадцать лет, и в мае 1965 года на страницах югославской спортивной газеты один из участников этой встречи, знаменитый Бобек, писал в своих воспоминаниях: «Перебирая страницы прошлого, я невольно возвращаюсь к олимпийскому матчу пятьдесят второго года против советской сборной. Игра Всеволода Боброва в этом матче превзошла все, что я видел за свою долгую футбольную жизнь. Это был великолепный мастер и непревзойденный боец».

Его футбольная слава огромна, но и она бледнеет перед славой Боброва-хоккеиста, перед хоккейными победами, вдохновителем и соавтором которых он был, — победами, прежде всего связанными с его именем, высоким мастерством, с его ни с чем не сравнимым талантом.

Как же складывалась его «ледовая судьба»? Ученик легендарного Михаила Бутусова, воспитанник старой, прославленной ленинградской школы русского хоккея, Бобров уже до войны был принят в команду мастеров «Динамо», а после Победы блистал на голубых полях столицы. А когда в нашу жизнь вошел хоккей с шайбой, мы увидели новую и, пожалуй, самую яркую, самую примечательную грань его таланта. Несомненно, все начала в нашем хоккее, все первые победы и наиболее яркие, казавшиеся тогда удивительными взлеты самым тесным образом связаны с именем этого великого спортсмена.

— Он раньше и глубже, острее, чем все остальные, почувство-

вал дух и смысл новой игры, разгадал ее внутреннюю динамику, ее характер, — говорил мне Аркадий Иванович Чернышев.

Добавлю к этому, что он первый великолепно освоил все премудрости новой игры, все сложности и тонкости ее техники: владение клюшкой, броски, обводку, проходы за ворота. Показал их тем, кто был с ним рядом на льду. Я не погрешу против истины, если скажу, что на примере Боброва, на искусстве Боброва воспиталось целое поколение советских хоккеистов, для которых он был живым эталоном.

О широте и яркости его дарования красноречивее многих слов говорят следующие факты. Уже в 1948 году он завоевывает право носить звание лучшего бомбардира чемпионата СССР, забив в ворота соперников 52 шайбы из 108, числившихся на счету всей команды. В 1951 (41 шайба) и 1952 (34 шайбы) годах он повторяет этот успех. Шесть раз в составе своих клубов Бобров становится обладателем золотых медалей чемпиона страны и трижды — серебряных. После выступления у нас в стране чемпиона Чехословакии клуба «ЛТЦ — Прага» Бобров был единодушно назван лучшим игроком этих матчей. Лучшим и среди наших спортсменов и среди гостей. Причем чехословацкие спортсмены единодушно одобрили это решение.

Нужно сказать, что восторги, которые мы тогда расточали по адресу нашего любимца, наталкивались на стойкое противодействие скептиков.

— Ну да, у себя он герой, — говорили они, — но выдержит ли он сравнение с лучшими мастерами этой игры?

И вот настал 1954 год. Стокгольм. В столицу Швеции съехались все «звезды» мирового хоккея: и считавшиеся тогда непобедимыми канадцы, и неизменные участники подобных турниров чехи, и многоопытные, упорные хозяева льда шведы... Но когда закончилась спортивная борьба (как мы уже отмечали, закончилась блестящей победой нашей сборной), жюри, составленное из самых авторитетных специалистов, единодушно признало Всеволода Боброва лучшим нападающим чемпионата.

В хоккее, как известно, никогда не регистрировались и не регистрируются никакие рекорды, но у Боброва они есть. В чемпионате СССР 1948 года на его счету в среднем за каждый матч получилось 2,8 шайбы! К такой результативности до сих пор не приблизился ни один советский хоккеист. Чтобы лучше оценить это достижение, напомним, что пока абсолютно лучшим результатом в нашем хоккее является показатель Вениамина Александрова, пославшего в ворота соперника в сезоне 1962/63 года 53 шайбы в 37 матчах. По эффективности в расчете на каждую игру это вдвое меньше, чем у Боброва.

Его главное достоинство, главная отличительная черта — неповторимость, несхожесть ни с кем другим. И на футбольном, и на хоккейном полях его можно было узнать сразу, выделить среди других безошибочно — в какой бы майке он ни был, за какую бы команду ни выступал. Его уникальные рывки и проходы на ледяном поле, вихревые «дуги» возле ворот соперников, его идеаль-

ное умение держать шайбу у клюшки, точно она приклеена к ней, его дриблинг, приводивший в замешательство всех защитников, наконец, его неповторимый удар-«щелчок», повергавший в трепет самых стойких вратарей, — все это вместе взятое и составляло его силу, исключительность его спортивного облика.

Мы часто спрашиваем друг друга: что же все-таки порождает игроков такого высочайшего класса? Талант? Труд? Несомненно — и то, и другое. Но есть одно совершенное непререкаемое качество. Качество, которое жило в Боброве, которым было наполнено все его существо, — большая, искренняя, непроходящая, ни с чем не сравнимая любовь к игре.

Я, например, хорошо помню матч на первенство страны между командами ЦДКА и «Спартак», сыгранный холодной зимой 1949 года. Уже в самом начале его, на 3-й минуте, Бобров с только ему присущим изяществом прошел сквозь строй защитников, сильно ударил. И улыбнулся, увидев, как над чужими воротами вспыхнул красный свет.

Через несколько мгновений он на огромной скорости вновь ворвался в зону спартаковцев, принял в падении шайбу, посланную партнером, и редким по красоте «тычком» забил гол. Забил и — очутился на жестком, шершавом от сильного мороза льду. Кто-то, споткнувшись, повалился на него, еще несколько тел, наскакивая по инерции на живую горку, образовали кучу малу. Я стоял у самого бортика, глядел на это хитросплетение коньков, клюшек, доспехов и вдруг у самого основания этой пирамиды увидел... смеющиеся, озорные глаза Боброва. Ни боль, ни груз чужих тел, придавивших спортсмена, не смогли отнять у него радость удачи!

Что можно добавить к этому эпизоду? Разве только то, что в том матче к началу третьего периода счет был 8:0 в пользу армейцев и все эти восемь шайб влетели в ворота спартаковцев от клюшки Боброва. Чудо? Конечно. Но, оказывается, и это не предел. Его личный рекорд еще выше — 10 шайб в одном матче. Он установил его зимой пятьдесят первого года в игре против ленинградского «Динамо». Кстати, в приведенных нами случаях проявилась еще одна великолепная черта этого спортсмена: его неугомонность, его «жадность» на гол. Для этого человека никогда не существовало никаких хитростей, договоров, желания отдохнуть, довольствоваться малым — он всегда был заведен на «полный вперед», всегда играл с максимальной отдачей — от начала до конца.

Кроме великой любви к игре, большой преданности ей отличительной чертой этого замечательного спортсмена было исключительное трудолюбие. Я видел, как в Москве, на теннисных кортах ЦДКА, после напряженной двухчасовой тренировки в составе команды он, во взмокшей майке, возбужденный и, конечно, порядком уставший, оставался на поле вместе со своими партнерами и на раскаленном солнцем асфальте отрабатывал технику бросков и передач.

— Давай с ходу!

— Еще на выход! — только и слышалось на площадке, заполненной веселым говором.

А зимой! Им, еще и не мечтавшим о Дворцах спорта, тренироваться приходилось под открытым небом, нередко — в морозы.. Но Сева и его товарищи словно не замечали холода. Часами придумывали и разучивали они свои комбинации, которые потом становились классическими для нашего хоккея. Если что-нибудь не выходило, повторяли еще и еще раз. Бывало, кому-нибудь из ребят в конце концов надоело, он предлагал:

— Пора заканчивать.

И часто в ответ на это слышался невозмутимый голос Севы:

— Давайте еще повеселимся немного. Ну чего так рано домой идти?

Понимаете: этот труд, эта иступленная, изматывающая черновая работа и в самом деле приносила ему радость, глубокое внутреннее удовлетворение. Как же после этого расценить брюзжание тех, кто в дни наивысшей славы этого спортсмена называл его «белоручкой» и себялюбом?! Долголетняя дружба с этим человеком дает мне право утверждать, что ни тем, ни другим он не был никогда.

И еще. Для Всеволода Боброва никогда и ни в чем не существовало мелочей. Передо мной блокнот, помеченный пятьдесят четвертым годом. Здесь запись беседы, которую мы провели после его возвращения из Стокгольма. Вот что он рассказал тогда о подготовке к первому матчу первого в его биографии мирового, чемпионата:

— После первого периода матча Чехословакия — Швейцария уходим снаряжаться. В раздевалке царит сосредоточенное молчание. Ведь хорошо, правильно одеться — это тоже чрезвычайно важно для спортсмена! Нужно все подогнать так, чтобы форма и защитное снаряжение лежали предельно удобно, чтобы ботинки были идеально зашнурованы и достаточно плотно завязаны. Все это избавит спортсмена от возможных неприятностей. Но что еще важнее — дает нам необходимый психологический настрой, создает определенное настроение. Это можно сравнить вот с чем. Вам, вероятно, приходилось в праздники надевать свой самый лучший, новый костюм. И вы помните, как сразу ощущаете себя как-то выше, торжественнее, как вам хочется в таких случаях, чтобы каждый ваш шаг был красивым и правильным. Вот таким новым, праздничным костюмом должна быть для игрока его спортивная форма.

Я хорошо помню, как наша тройка готовилась к каждому матчу. Мы даже клюшки прилаживали накануне часами. Старательно обматывали их изоляционной лентой — строго в тех местах, где привыкли держать руки, примеряли, правильно ли все, никогда не ленились переделать... Иногда нас спрашивали: «И охота вам так возиться? Ведь эти клюшки скоро поломаются?»

Мы отвечали на это очень просто:

— Все в спортсмене должно быть прекрасно, все должно настраивать на красивую игру, все должно способствовать ей...

В этих словах — весь Бобров, все его истинно благоговейное отношение к спорту.

Оно выражалось и в постоянном, глубоком изучении соперни-

ков. В его архиве я видел картотеки, заведенные на вратарей и защитников сборных команд Канады, Чехословакии, Швеции, а также на соответствующие категории игроков из наших лучших клубов. Каждая тетрадь была разделена на две графы: «Сильные стороны» и «Характерные ошибки». В игре мы видели не раз, как блестяще он умел использовать слабости тех, против кого выступал, и бить их «главные козыри».

Но этот рационализм, эта огромная, никому не известная исследовательская работа уступала место свободному вдохновению, солнечной импровизации, когда ни один следующий шаг, ни один предстоящий поступок непредсказуемы. Именно это делало игру Боброва неповторимо красивой и увлекательной.

Однако эмоции эмоциями, а современный знаток спорта требует прежде всего факты, прямые доказательства весомости добытого тем или иным спортсменом. Поэтому без «визитной карточки» моим героям, конечно, не обойтись.

Итак, Бобров Всеволод Михайлович. Родился 1 декабря 1922 г. Заслуженный мастер спорта (1948 г.). В футболе чемпион СССР 1946—1948 гг. Второй призер 1945 и 1949 гг. Обладатель Кубка СССР 1945 и 1948 гг.

В хоккее с мячом обладатель Кубка СССР 1945 и 1946 гг.

В хоккее с шайбой чемпион СССР 1948, 1949, 1951, 1952, 1955, 1956 гг. Второй призер 1947, 1954 и 1957 гг. Провел около 130 матчей, забил 243 гола. Обладатель Кубка СССР 1952, 1954 и 1955 гг. Финалист Кубка СССР 1951 г.

Чемпион VII зимних Олимпийских игр. Чемпион мира 1954 и: 1956 гг. Чемпион Европы 1954—1956 гг. Второй призер чемпионатов мира 1955 и 1957 гг. Лучший бомбардир чемпионата мира. 1957 г. (13 шайб). Сыграл на этих турнирах 28 матчей, забив 34 гола. В течение трех лет был бессменным капитаном сборной страны по хоккею.

Игрок такого класса требует достойной «оправы». И судьба дала ему ее. На другом — правом — крыле этого звена выступал Евгений Бабич. Он родился в Москве, в 1921 году. Воспитывался и рос в большой, дружной и очень спортивной семье. Отец, Макар Николаевич, и мама, Анна Федоровна, очень увлекались, скоростным бегом на коньках и лыжами.

Старший брат, Николай, учился некоторое время у знаменитого своего тезки, одного из первых русских чемпионов в скоростном беге на коньках, Струнникова, а затем стал известным хоккеистом, много раз привлекался в сборную Москвы. Болельщики довоенной поры знали его как непревзойденного мастера обводки, спортсмена волевого, мужественного, выносливого. Сестра Надя выступала за широко известную в ту пору женскую команду по хоккею с мячом «Буревестник».

Идя по стопам своих родных, беря пример со старших, Женя с детских лет влюбился в хоккей и записался в знаменитый в ту пору хоккейный клуб «Буревестник». Такая привязанность объяснялась просто: центральный стадион этого общества, тогда один из лучших в городе, находился рядом с домом Бабичей.

Когда Жене исполнилось шестнадцать лет, он был принят в третью команду, а через год уже периодически привлекался в первую, где играл в линии нападения рядом с Николаем.

— Молодцы, Бабичи! — кричали им с переполненных трибун болельщики, наблюдая, как напористо, лихо и ловко действует этот семейный тандем. Приметили Женю и журналисты. Зимой сорокового года очень тепло, доброжелательно написал о нем корреспондент «Комсомольской правды» Ефим Рубин. Он предсказывал, что через год-два этот спортсмен займет видное место среди ведущих хоккеистов столицы. Журналист утверждал, что у новичка есть все основания стать признанным лидером грозного «Буревестника».

Скорей всего, предсказанию этому суждено было сбыться, но тут грянула война, враг подошел к стенам столицы, и Евгений Бабич был призван в ряды Красной Армии. Просил, чтобы его немедленно отправили на фронт, но в военкомате сказали:

— Нечего тебе там пока делать. Военной грамотой овладей сначала, а там видно будет.

И он стал курсантом военного училища, успешно закончил ускоренный курс, получил первое офицерское звание — младший лейтенант. Казалось, теперь мечта оцутиться на переднем крае борьбы с фашизмом близка к осуществлению. Но... подвел случай. В ту холодную, суровую зиму сорок третьего года в Москве было разыграно первенство гарнизона по хоккею. 11 января команда училища, где проходил службу Евгений Бабич, играла со сборной военных академий. Со счетом 5:1 победили курсанты, и все пять мячей в ворота соперников провел Евгений Бабич. Наблюдавший за этим поединком генерал на следующий день вызвал «виновника» к себе и объявил, что его оставляют преподавателем.

— Я хочу воевать, понимаете — воевать! — волновался и совершенно искренне протестовал Евгений.

— Верю. Но вы прекрасный спортсмен и обязаны передавать свой опыт, свои навыки молодежи. Это поможет многим ребятам сохранить свою жизнь, повысит боеспособность. Понимаете, как это важно... — Аргументы начальника училища выглядели «железно», и отвести их не удалось.

Напряженно, с полной отдачей работая над воспитанием будущих офицеров, Евгений находил лоскутки времени и для тренировок. В начале лета 1944 года он активно выступал в играх на первенство Москвы по футболу. Здесь и увидел его Борис Андреевич Аркадьев, только-только приступивший к руководству командой ЦДКА. Так Евгений попал в прославленный футбольный коллектив. Он регулярно выступал за дублирующий состав, а нередко и в основном, причем всегда оправдывал возлагавшиеся на него надежды. Так, помнится, в чемпионате СССР 1949 года в матче второго круга против динамовцев Тбилиси на их поле Бабич забил в ворота хозяев поля единственный, решающий, гол, позволивший армейцам продолжать борьбу за звание чемпиона. Он был отмечен местной и центральной прессой как лучший игрок матча.

Но, как бы удачно ни складывалась его футбольная судьба, в

характере Евгения, в его симпатиях неизменно проявлялось наследственное тяготение к зимним видам спорта, к хоккею с мячом, который уже давно и прочно стал «семейной» игрой Бабиной.

Уже в конце осени сорок четвертого года Евгений был введен в состав команды мастеров ЦДКА по русскому хоккею и вскоре встретился с Всеволодом Бобровым. Пока шли тренировки, он очень внимательно присматривался к своему коллеге, тогда еще совсем неизвестному. В выходившей в команде стенной газете Бабиной написал заметку о своем партнере. Он выражал твердую веру в то, что Всеволод станет большим спортсменом, гордостью страны, и советовал ему бережливее относиться к своему богатейшему дарованию.

Потом начались игры на возрожденный к жизни Кубок СССР по хоккею с мячом. И здесь проявилось с предельной очевидностью, что эти спортсмены словно бы созданы друг для друга.

— Мы, Женя, с тобой в одной связке, — сказал ему Бобров в день, когда команда ЦДКА, обыграв команду ВВС со счетом 2:1, стала победителем первого послевоенного соревнования. И это означало утверждение их дружбы, которая продолжалась на протяжении многих лет.

Справедливости ради следует отметить, что, когда стала создаваться команда «укротителей шайбы», Бабиной был единственным из армейцев, кто далеко не сразу согласился сменить свое амплуа. Он был ярко выраженным однолюбом в спорте и не хотел ни за что расставаться с милым его сердцу плетеным мячом. Только настойчивость Боброва сумела переломить его упрямство.

— Ты же просто создан для «шайбы», а не понимаешь этого! — сказал ему однажды в сердцах товарищ. — Смотри, потом будешь жалеть. Ведь это игра очень перспективная...

Вскоре Евгений уже вошел в состав «тарасовской» тройки — первой ударной тройки ЦДКА.

Природа не наградила Бабиной какими-то особенными данными. Нет, физически он был развит средне. Всего, что выделяло его впоследствии на ледовой площадке — необыкновенная выносливость, о которой складывались легенды, филигранная техника, безупречно точная и эффективная игра в корпус — он достиг фанатическим трудом. В ту пору Бабиной часто называли «мотором» своего звена. Да, именно он придавал ему нужные «обороты», от него шла та энергия победоносного вихря, которой славилась эта тройка.

И еще, что особенно ценно и важно, — он был мыслителем, автором многих прекрасных творческих открытий. Именно по его инициативе была рождена и претворена в жизнь знаменитая комбинация с «оставленным» шайбой, против которой долгое время оказывались безоружными самые мощные и надежные линии обороны. Историю ее изобретения и внедрения, необыкновенно интересную, по-своему романтическую, рассказал мне в свое время Всеволод Михайлович. Привожу его воспоминание дословно.

— Хорошо помню, — говорил Бобров, — как в одном из матчей чемпионата страны против команды «Крылья Советов» мы потер-

пели обидное поражение. Соперники в тот раз сыграли отлично, но особенно удачно действовала защита против нашей тройки. Мы просто задыхались от жесткого хоккейного прессинга и за все три периода не смогли — это было неслыханно! — провести ни одной шайбы.

Разъехались злыми. Домой я пришел усталый до предела, бросился в постель и почти сейчас же уснул, даже забыв отключить телефон.

Разбудили меня его пронзительные звонки. Я снял трубку.

— Сева? — раздалось на другом конце провода, и я сразу узнал голос Женьки.

— Ну что тебе?

— Сева, у меня родилась замечательнейшая идея. Понимаешь, я на полной скорости рвусь вперед, к чужим воротам. Сближаюсь с защитником. Делаю замах. Он — все внимание на меня. Иду на столкновение, а шайбу, словно бы невзначай, оставляю на льду, тебе. Ты следуешь прямо за мной...

— Постой, а шайбу отберут?

— Чудак, не отберут! Ведь между ней и защитником соперника я... Я делаю тебе заслон, понимаешь — заслон!

— А если не выйдет?

— Ну ты даешь! Что же тут может не выйти?! Хочешь, я приеду к тебе сейчас, попробуем?

Я зажег свет, — вспоминал с доброй улыбкой Бобров, — взглянул на часы. Уже сорок пять минут, как наступили новые сутки.

Так глубокой зимней ночью сорок девятого года родилась идея комбинации, которую они вскоре воплотили в жизнь. «Старожилы» помнят, как часто и весьма эффективно применяли они на льду эту тактическую «бомбу». Комбинацию, или, точнее, комбинации с оставлением шайбы (опробовали десятки ее различных вариантов), Женя Бабич заставлял товарищей отрабатывать часами, по сто, по сто пятьдесят раз за тренировку. Он был «автором проекта», он его разработал и претворил в жизнь, сделав это классической комбинацией советского хоккея.

Бабич Евгений Макарович. Родился 11 июля 1921 г. Заслуженный мастер спорта (1953 г.). Чемпион СССР 1948, 1953, 1955 и 1956 гг. Второй призер 1947, 1954 и 1957 гг. Провел 167 матчей, забил 140 голов. Обладатель Кубка СССР 1952, 1954—1956 гг. Финалист Кубка СССР 1951 г.

Чемпион VII зимних Олимпийских игр. Чемпион мира 1954 и 1956 гг. Второй призер чемпионата мира 1955 и 1957 гг. Чемпион Европы 1954—1956 гг. Второй призер чемпионата Европы 1957 г. Сыграл на этих турнирах 27 матчей, забив в них в общей сложности 5 голов.

Такая относительно низкая результативность в состязаниях высшего международного класса может кого-нибудь из тех, кто не видел Бабича в деле, удивить и даже разочаровать. И напрасно.

Да, забивал он явно меньше своих партнеров, но на поле выглядел великолепно. Он не знал себе равных по умению совершать скоростные проходы по флангу и созданию явных голевых ситуа-

ций. Благодаря этому, а также своему исключительному творческому бескорыстию, своему умению все подчинить высшим интересам команды Евгений Макарович добровольно брал на себя на особо ответственных состязаниях роль главного ассистента Всеволода Боброва. Уверен: если бы уже в ту пору для определения результативности была принята ныне утвердившаяся система пас + гол, Бабич оказался бы впереди многих самых прославленных асов.

Еще и еще раз представляю себе то чудесное время, когда этот спортсмен жил и творил на льду. Самым излюбленным способом действия Бабича на ледовой площадке были скоростные, кинжальные проходы вдоль борта. Сколько раз нам казалось, что он вот-вот воткнется в защитника, погаснет скорость, захлебнется атака. Но Евгений словно обладал волшебством, умел на какое-то мгновение превратиться в невидимку, проскальзывал опасные места и неудержимо рвался вперед к своей доброй знакомой — победе. Рвался, ни на одно мгновение не нарушая взаимодействия с партнерами.

Третьим в связке был коренной уралец Виктор Шувалов. Его детство и юность прошли в Челябинске, в дружной и крепкой рабочей семье. Еще мальчишкой он пристрастился к конькам, а чуть позже — к русскому хоккею, который пользовался в его родном городе исключительной популярностью.

Быстро пролетели школьные годы. Виктор поступил на знаменитый Челябинский тракторный завод, работал токарем по металлу, слыл передовиком, знатным производственником. А в свободное время играл в хоккей — сначала за цеховую команду, потом за сборную завода. Товарищи души в нем не чаяли: не было ни одного хоккейного состязания, в котором бы он не забил «свой» гол.

В год Победы его пригласили в команду мастеров «Дзержинец» — прародительницу нынешнего «Трактора». И здесь он быстро выдвинулся на первые роли, став главным бомбардиром клуба.

В 1947 году на Урале стали культивировать хоккей с шайбой и Шувалов охотно перешел в «новую веру». Молодая команда «Дзержинец», где выступали такие впоследствии широко известные спортсмены и тренеры, как Н. Эпштейн, Е. Богов, С. Захватов, В. Столяров, довольно веско заявила о себе. Играя в первенстве СССР по II группе, она сначала была второй в зоне РСФСР (20 очков из 28 возможных), а затем победила в финальном турнире, обойдя таких сильных соперников, как СКИФ (Ленинград), «Динамо» (Свердловск) и «Буревестник» (Москва). Из 12 шайб, забитых челябинцами в ворота этих клубов, восемь пришлось на долю Виктора Шувалова.

Финальный турнир чемпионата СССР для команд II группы проходил с 7 по 11 марта в городе Молотове (ныне Пермь). И все пять дней на трибуне для почетных гостей сидел Всеволод Бобров.

— Хорош парень. Чертовски хорош, — восхищался он, наблюдая за его игрой.

— Ну вот и возьмите к себе, — предложил гостю играющий тренер «Дзержинца» Николай Эпштейн. — Тем более что ему все равно в армию идти.

— Спасибо за совет. Возьмем, — пообещал Бобров. И слово свое сдержал точно и скоро. Уже на следующий сезон Шувалов выступал за команду мастеров ВВС. Между прочим, по итогам футбольного сезона 1950 года Виктор был внесен в список 33 лучших игроков страны.

О Шувалове в нашей спортивной прессе и спортивной литературе написано до обидного мало. Это, вероятно, объясняется тем, что в его тройке внимание журналистов всегда было практически сфокусировано на Боброве. Более того, некоторые журналисты и специалисты хоккея нередко писали и в ту пору, и позже, будто Виктору в его прославленной тройке была всегда предопределена «черновая работа», причем акцентированная на отход в оборону. Подобные утверждения не имели и не имеют ничего общего с истиной.

Заслуженный мастер спорта Виктор Шувалов остается в нашей благодарной памяти первоклассным форвардом, нападающим агрессивным, смелым, прекрасно оснащенным технически. Высокий, физически крепкий, исключительно устойчивый на коньках, отчаянно мужественный, он особенно уверенно и эффективно действовал в непосредственной близости от ворот соперников. Имел очень точный и сильный бросок с обеих рук. Особую ценность и известность в спортивном мире представлял его знаменитый «щелчок».

Причем вот что интересно. Первое время, когда только что приехал из Челябинска, Виктор владел только обыкновенным, ничем не выделявшим его среди других броском. Но затем в результате длительных и упорных тренировок, самоотверженной индивидуальной работы овладел оригинальным «щелчком». Высший класс его искусства бомбардира состоял в том, что Виктор, по существу, никогда не обрабатывал шайбу, не подлаживал ее под клюшку, как это часто делают даже самые опытные игроки передней линии, а производил бросок мгновенно, с ходу, с передачи. И броски эти были, как правило, меткими, неотразимыми.

Его послужной список выглядит, как и у коллег, весьма внушительно. *Шувалов Виктор Григорьевич. Родился 15 декабря 1923 г., Заслуженный мастер спорта (1953 г.). Чемпион СССР 1951, 1953, 1955, 1956 гг. Второй призер 1954 и 1957 гг. Обладатель Кубка СССР 1952, 1954—1956 гг., финалист Кубка СССР 1951 г. Провел более 150 матчей первенства СССР, забив 220 голов. Лучший бомбардир 1951 (31 гол) и 1954 (44 гола) гг.*

Чемпион VII зимних Олимпийских игр. Чемпион мира 1954 и 1956 гг. Второй призер чемпионата мира 1955 г. Чемпион Европы 1954—1956 гг. Сыграл на этих турнирах 22 матча, забив 18 голов.

В тот памятный год, когда наша главная команда блестяще дебютировала на чемпионате мира, один из шведских журналистов назвал Шувалова «железным русским». Не знаю, что вкладывал он в это понятие, но мы навсегда сохранили в своей памяти и сердцах образ честного, мужественного, несгибаемого хоккейного бойца.

Созданная в начале сезона сорок девятого года тройка Виктора Шувалова (в среде болельщиков ее неизменно называли «тройкой Боброва») не претерпевала никаких изменений в течение пяти сезонов, предшествовавших выходу советского хоккея на международную арену. Это обеспечило ей идеальную сыгранность, глубокое взаимопонимание.

В чемпионатах страны армейское звено, по существу, не имело себе равных. Так, в сезоне 1952 года, по подсчетам наших статистиков, оно выиграло все микроматчи против своих грозных соперников из «Динамо», «Крыльев Советов» и других клубов. О шуваловской тройке писали свои добрые, нередко откровенно восторженные отзывы все ведущие советские журналисты. «Тройка, играющая на пятерку», «Неудержимое звено», «Чемпионы результативности» — вот лишь некоторые заголовки корреспонденции, которые посвящали им Юрий Ваньят, Виктор Фролов, Ефим Рубин, Всеволод Дайреджиев и другие обозреватели. Такое отношение прессы вселяло в спортсменов чувство уверенности в себе, обеспечивало прочный, надежный психологический фон.

Конечно, была опасность того, что уверенность перерастет в самоуверенность, в самоуспокоенность, тем более что в команде ВВС, где они играли, не было тогда освобожденного творческого руководителя. Его роль выполнял тренерский совет. Председателем совета был Всеволод Бобров, членами — Виктор Шувалов и Евгений Бабич.

Однако этого не произошло. Высокое чувство долга, свойственное этим спортсменам, любовь к игре, природное трудолюбие способствовали тому, что это звено из года в год повышало свое мастерство. В феврале 1952 года, подводя итог только что закончившемуся сезону, газета «Советский спорт» писала:

«По праву второй год подряд звание чемпиона страны завоевал сильный и дружный коллектив Военно-Воздушных Сил. Своими победами эта команда во многом обязана тренеру и игроку В. Боброву. Этот разносторонний, одаренный спортсмен провел все встречи очень сильно. К положительным качествам Боброва, в частности к искусству обводки, прибавилось умение играть коллективно, действовать в течение длительного времени с большим напряжением сил. Не ущемляя своей яркой индивидуальностью творчества партнеров, Бобров способствовал развитию в каждом из них наиболее ценных качеств».

Это определение спортивного обозревателя весьма важно для понимания творческого облика и существа рассматриваемого нами звена. Собранные в него выдающиеся хоккеисты своего времени, демонстрируя высший коллективизм, взаимоподчиненность, отточенную согласованность действий, в то же время сумели и в составе тройки сохранить свой почерк, привнося в ее действия максимум пользы.

Высоким смыслом, удивительной разносторонностью отличались действия центрального нападающего. Как Николай Сологубов, блестящий игрок той поры, был в нашем хоккее универсалом от обороны, так Виктор Шувалов стал одним из первых универса-

лов от нападения. Великолепный форвард, он в то же время умел и очень любил действовать в защите. Как только соперники овладевали шайбой, Виктор неизменно занимал излюбленную позицию у синей черты, как говорится грудью встречая накатывающийся на его команду очередной вал атаки.

— «Волнорез» — так любовно называли его товарищи по команде и многочисленные болельщики.

И в самом деле, о Шувалова, как о могучий гранитный волнорез, разбивались многие валы тонко задуманных атак. А Виктор из глубины начинал очередную комбинацию, четко рассчитанными ходами выводил вперед своих партнеров, которые, как два могучих крыла, обрушивались на позиции противоборствующей стороны.

Здесь автору хочется высказать одно суждение, которое, быть может, покажется некоторым специалистам спорным. В середине шестидесятых годов один из наиболее интересных, наиболее талантливых советских хоккейных тренеров за всю его историю Анатолий Владимирович Тарасов стал пропагандировать и практически внедрять на ледовой площадке свою систему построения и действия хоккейной тройки, которой он дал свое цифровое выражение — «1 + 2». Иными словами, он ввел своеобразного хоккейного полузащитника. Система эта не раз оправдывала себя на практике и, вероятно, получила бы свое дальнейшее развитие, не покинь Тарасов пульты управления советским хоккеем. Но когда я думаю об этой системе, то не могу избавиться от глубокого убеждения, что первой ее открыла — пусть неосознанно, пусть в известной мере стихийно — тройка Боброва и первым истинным первоклассным полузащитником советского хоккея был Виктор Шувалов.

Яркая творческая индивидуальность каждого игрока стала составной частью целого. Филигранная техника обводки и точнейший удар Боброва, резкие, стремительные проходы по правому краю Бабича и его редкое тактическое мышление, прекрасный выбор позиции и поражающее в самых сложных ситуациях спокойствие Шувалова — все это составляло их общее достояние, общее богатство. Именно этой тройке навсегда принадлежат открытия, которые; затем, как дорогое наследие, передавались из поколения в поколение, были взяты на вооружение национальными школами хоккея других стран. Среди этих открытий — комбинация с оставлением шайбы, «встреча углом», знаменитый «бобровский треугольник, вписанный в круг» и многое другое.

Значение этого звена в истории нашего хоккея трудно переоценить. Еще в 1948 году, во время приезда в Советский Союз чемпиона Чехословакии команды «ЛТЦ — Прага», капитан и признанный лидер прославленного клуба Владимир Забродский после окончания серии «открытых» матчей сделал следующее заявление:

— Больше всего нас поразило, что в вашей стране, культивирующей хоккей всего два года, возвращены игроки высокого международного класса. Я имею в виду прежде всего звено, в котором выступает Бобров.

Это заявление было повторено три года спустя, когда в марго пятьдесят перзого года к нам в гости прибыла национальная сборная Чехословакии. Два матча, состоявшиеся 9 и 11 марта, окончились внушительными победами советской команды, выступавшей под флагом сборной Москвы, — 5:2 и 7:1. На следующий день последовал выигрыш у сборной Польши с сокрушительным счетом — 15:3. Комментируя эти события, спортивный обозреватель выходящей в Варшаве газеты «Пшеглонд спортовы» писал следующее:

«Русские товарищи сохранили состав своей сборной практически без изменения, но мы увидели фактически новую команду. Что ее характеризует? Прежде всего высокий темп, умение не только сохранить его в течение долгого времени, но и максимально наращивать благодаря отличной физической подготовке спортсменов. Заметно улучшились броски по воротам и техника владения шайбой. Все это особенно отчетливо проявляется в действиях первой тройки советской сборной».

Привожу эту выдержку из статьи (а подобных оценок—бесчисленное множество) с умыслом. Звено Боброва было на протяжении всего первого периода становления и развития новой игры «знаком качества» советского хоккея, его визитной карточкой. Наличие этой тройки не только крепило реальную силу главной команды страны, но и заряжало ее морально-волевым потенциалом огромной силы.

— С Бобровым не пропадем! — говорили ребята.

И это была как раз та самая шутка, в которой содержалась значительная доля правды. Все это стало отчетливо ясно в момент, когда сборная Советского Союза вышла на широкую международную арену.

Стокгольм. 1954 год. 26 февраля на Королевском стадионе стартовал очередной чемпионат мира. После трех сравнительно легких побед над Финляндией (26 февраля — 7:1), Норвегией (27 февраля — 7:0), ФРГ (1 марта — 6:2) наши спортсмены подошли к рубежу решающих испытаний. 2 марта они вышли на лед против сборной Чехословакии, находившейся в прекрасной форме. Особенно ярко блистали в команде такие «звезды», как Владимир Забродский, Властимил Бубник, Вацлав Бубник и Карел Гут. До начала состязания многие опытные специалисты предсказывали победу нашим соперникам.

Как же сложился матч? Когда был дан сигнал к началу пединка, все увидели, что тренеры сборной Чехословакии ввели в состав первой тройки к Данде и Властимила Бубнику Забродского, обычно игравшего в третьем звене. Замысел был ясен: соперники решили создать для этого матча «супертройку», которая бы смогла противостоять тройке Боброва, сразу задать тон в игре.

Счет открыли чехи, воспользовавшиеся ошибкой нашего вратаря Г. Мкртчяна. Но через минуту или полторы наше ударное звено разыгрывает великолепную по красоте, точности, осмысленности комбинацию, выводит «на чистый фарватер» Боброва, и он виртуозным ударом сравнивает счет. 1:1 — так кончается первый период.

В самом начале второго чеши снова выходят вперед. Но после остроумной комбинации Бобров — Бабич — Бобров — Шувалов — счет опять становится ничейный (2:2). Эта же тройка проводит в ворота чехов четвертую и пятую шайбы и практически решает судьбу поединка, так и закончившегося со счетом 5:2.

— Я должен сказать откровенно, — передал по радио комментатор Вадим Синявский, — что если мы выиграли и выиграли блестяще этот трудный матч, то главная «вина» за это ложится на тройку Боброва. Она сыграла просто великолепно!

А разве можно забыть, как действовали эти ребята в поединке против сборной Швеции, состоявшемся 5 марта! Разве можно забыть, что именно они тогда провели в ворота хозяев шайбу за шесть минут до окончания матча, который мы проигрывали со счетом 0:1! Шайбу, которая позволила нам продолжать борьбу за звание чемпиона мира... Прошло с тех пор много лет, но мы, представители первого поколения болельщиков, помним все, что произошло тогда, до мельчайших подробностей.

Играли под открытым небом. На протяжении всего матча густо валил снег. Шведы всячески сбивали и без того невысокий темп, стремясь лишить советскую команду ее главного козыря — скорости. Рослый, могучий защитник Бьёрн, видно получив персональное задание от тренеров, неотступно следовал за Всеволодом Бобровым, опекал его, отнюдь не проявляя и тени вежливости. Забив шайбу, шведы предпринимали героические попытки удержать счет и строили плотную оборону. В этих условиях наша первая тройка проявила исключительную тактическую гибкость и хитрость. Связка Бобров — Бабич стала все время вести фланговые атаки слева (наступление в паре), а Шувалов в это время действовал по центру или смещался вправо, отыскивая свободную позицию.

Один из фланговых рывков пары форвардов был особенно удачен: Бабич лихо прошел вдоль борта, «оттянул» на себя двух шведов и удачно оставил шайбу летящему сзади на полной скорости Боброву. Тот срезал угол, рванулся за ворота, объехал их и сделал вид, что собирается «завести» шайбу в ближний от себя угол. Бьёрн и подоспевший ему на помощь Г. Юханссон поверили в этот жест, бросились к нашему нападающему, решительно сыграв против него в корпус. Но на какое-то мгновение раньше Бобров увидел, как Шувалов выскочил на позицию, оставленную Юханссоном, и, падая, успел каким-то чудом сделать точнейшую передачу другу. Без всякой подготовки, не потеряв и десятой доли секунды, Виктор ударил. Шайба влетела в ворота рядом со штангой.

Три года подряд «бобровская» тройка показывала класс результативности на чемпионатах мира. В 1954 году в Стокгольме сборная СССР провела в ворота соперников 37 шайб, из них 16 пришлось на первое звено (В. Бобров — 8, В. Шувалов — 7, Е. Бабич — 1). На чемпионате мира 1955 года — он проходил в нескольких городах ФРГ — в активе главной команды страны 39 шайб, из них первая тройка провела 12 (В. Шувалов — 6, В. Бобров — 4, Е. Бабич — 2). И, наконец, на VII зимних Олимпийских играх (здесь же разыгрывалось первенство мира и Европы) из 40 шайб сборной

«бобровская» тройка провела 16 (В. Бобров — 9, В. Шувалов — 5 Е. Бабич — 2).

На чемпионате мира 1957 года, проходившем в Москве, на Центральном стадионе имени В. И. Ленина, это звено претерпело изменение. В свое время по этому поводу Всеволод Михайлович говорил:

— Незадолго до начала состязаний мы узнали, что Виктор Шувалов выведен из сборной. Формальный повод был избран вполне приличный — недомогание, но, может быть, кое-кому он уже надоел, казался слишком «старым». Вместо него в тройке место центрального нападающего занял Александр Уваров. Это был хоккеист, безусловно, очень сильный, интересный. Но общего языка мы с ним найти не смогли. И игра сразу потускнела. Нам не хватало Витинового понимания игры, Витинового непревзойденного искусства выбора места, Витиной преданности игре.

В этих словах не только грусть. В них признание великой роли сыгранности, сколоченности линии. Без них нет и не может быть троек.

Новая тройка так и не доиграла тогда чемпионат до конца: и Бобров, и Бабич, получившие серьезные травмы, вынуждены были покинуть лед. Все же на ее долю пришлось 14 шайб: Всеволод Бобров забросил 13 из них, Евгений Бабич — одну.

Итак, отыграв за сборную неполных четыре сезона, «бобровская» тройка вписала в свой актив 58 шайб. В абсолютном списке результативности троек сборной страны она, несмотря на бурный прогресс хоккея, на расширение диапазона международных турниров, продолжает занимать почетное место среди лидеров, среди тех, кто покоряет и сегодня наше воображение своей результативностью.

Прошло уже более трех с половиной десятилетий с тех пор, как эта тройка оставила лед. Но слава о ней, память о ней живы в сердцах всех, кто любит советский хоккей.

— Звено Виктора Шувалова, Всеволода Боброва, Евгения Бабича занимает исключительное место в истории отечественного спорта, — говорит заслуженный тренер СССР Аркадий Иванович Чернышев, «главный конструктор» наших первых побед. — Все наши первые и поэтому самые важные, самые престижные победы на международной арене связаны с ее именем. С нее начинаются наши победные традиции, наша слава.

Чем объясняются замечательные достижения тройки Боброва и ее непроходящая популярность? Прежде всего тем, что она сумела обогнать свое время и, шагнув далеко вперед, помогла догнать в предельно короткие сроки главные хоккейные державы мира.

Мы всегда стоим на позиции реалистического подхода к роли и значению отдельной личности или отдельной группы лиц в развитии того или иного вида. Но «бобровская» тройка — исключение. Во многом благодаря ей хоккей сразу и навсегда стал любим миллионами людей, она помогла утвердить его красоту, его мужество, его устремленность в завтрашний день.

На ярком примере этого звена — примере высшего мастерства, преданности, боевого победоносного духа — воспитывались, воспитываются и еще будут воспитываться новые поколения рыцарей шайбы.

Глава вторая

«БАТАЛЬОН ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ»

Когда в 1954 году, дебютируя на чемпионате мира, наши хоккеисты одержали сенсационную победу, мировая спортивная, да и не только спортивная, пресса уделила большое внимание анализу этого события.

«Почему выиграла русские? В чем тайна их силы?» — спрашивала газета «Свенска дагбладет» и сама же отвечала: «...русские показали игру очень высокого класса, игру необыкновенную, с нашей точки зрения, разнообразную, настолько самобытную, что можно с полным основанием сказать: такой мы еще не видели».

Творческое разнообразие нашей команды во многом объяснялось принципом, избранным тренерами при ее комплектовании. Атакующие тройки сборной страны были целиком взяты из наших ведущих команд. Первые тройки ЦДКА, «Динамо» и «Крыльев Советов» — неизменных соседей тех лет по всесоюзному пьедесталу почета.

Такой подход, примененный с самого начала, обеспечивал безупречную сыгранность звеньев, глубокое взаимопонимание спортсменов, синхронность творческого мышления.

Тройки сборной страны 1954—1956 годов, обеспечившей нам мировое признание, добывшей первые победы, имели каждая свой ярко выраженный почерк, свое лицо. Это давало нашему хоккею большое преимущество перед основными соперниками. Их тренерам приходилось каждый раз перед встречей со сборной СССР решать многоплановые тактические и технические задачи.

— Когда мы встречаемся с русскими друзьями, — сказал однажды в беседе с нами великолепный защитник сборной Чехословакии той поры Вацлав Бубник, — мне всегда кажется, что против нас играет не одна, а три команды. Едва успеешь приспособиться к игре одной тройки, как тут же приходится перестраиваться...

Такое заключение одного из выдающихся мастеров этой игры середины пятидесятых годов можно принять как высшую похвалу.

В предыдущей главе было сказано много добрых слов о тройке из команды ЦДКА. Нужно прямо сказать: ее необыкновенная популярность, ее признанная всеми исключительность, ее яркость, громкая слава привели к тому, что другие звенья нашей главной команды оказались даже в ту пору в тени общественного внимания. О них гораздо реже писали газеты и журналы, в репортажах с международных турниров обозреватели прессы и радио уделяли им намного меньше места, чем первой тройке. В фокусе всеобщего интереса были Всеволод Бобров и его напарники. Они вполне за-

служивали тех почестей, которые им воздавали. Но по отношению к их коллегам из других звеньев мы, спортивные журналисты, бесспорно, допустили историческую несправедливость.

Став первым чемпионом страны по хоккею с шайбой в январе сорок седьмого, московское «Динамо» навсегда сохранило за собой положение одного из признанных лидеров советского хоккея. В чемпионате СССР-51 команда занимает второе место, два последующих сезона — на третьей ступеньке пьедестала почета, но выигрывает Кубок СССР 1953 года, а в следующем сезоне вновь, как и семь лет назад, утверждает за собой право именоваться первой лучшей командой страны.

И вот в этом великолепном коллективе постепенно сформировалось, выросло и окрепло первоклассное звено Юрий Крылов — Александр Уваров — Валентин Кузин, о котором можно и нужно говорить с восхищением. Сколько замечательных минут, истинной красоты, неповторимо-волнующих моментов подарили они сотням тысяч советских любителей хоккея во время матчей на первенство и Кубок СССР! И какой весомый вклад внесли они в летопись выдающихся побед нашей главной команды!

Возглавлял эту тройку Александр Уваров — человек интересной и трудной судьбы. Как и многие его земляки-москвичи, он с раннего возраста начал играть в хоккей с мячом, был капитаном детской команды «Торпедо». В сороковом году перешел в юношескую, а через год началась война.

Почти с первых ее дней он ушел на фронт и до последнего дня — радостного дня Победы — оставался в боевом строю.

Годы суровых испытаний не погасили в нем искренней, преданной любви к спорту. В сорок пятом Уваров включается в состав команды мастеров московского «Динамо» по хоккею с мячом, проявляет себя с самой лучшей стороны и вместе с этим прославленным коллективом выигрывает Кубок СССР 1948 года. Казалось бы, спортивная судьба определена раз и навсегда: ведь Александру тогда исполнилось 26 лет!

И вдруг последовало совершенно неожиданное для него предложение Аркадия Ивановича Чернышева:

— Переходи-ка ты, Саша, на «шайбу». Подберу тебе замечательных партнеров, молодых, быстрых — есть такие на примете! — и будешь ты ими прекрасно руководить.

— А получится у меня?

— Как же не получится? Ты ведь рожден для этой игры. Уж я-то, поверь, знаю это прекрасно.

И Александр Уваров поверил. А поверив, с осени 1948 года приступил к тренировкам. И уже через несколько месяцев вступил в «бой».

Первое время его товарищами в связке были Николай Поставнин и Борис Петелин, с которыми мы сейчас познакомимся поближе.

Николай Васильевич Поставнин в ту пору был уже человеком широко известным в спортивном мире. В его активе были выступления за команды мастеров по футболу и хоккею с мячом в

«Спартаке» (1934—1935 гг.) и «Динамо» (1936—1951 гг.). В хоккее с мячом он четырехкратный обладатель Кубка СССР. Три раза это звание в составе своего прославленного клуба Поставнин завоевывал до войны (1938, 1940 и 1941 гг.), один — после ее окончания, в 1947-м.

Замечательный спортсмен известен и как один из пионеров развития хоккея с шайбой в стране. Именно он был капитаном московского «Динамо», первой в стране завоевавшей звание чемпиона Советского Союза, неоднократно выступал за сборную Москвы. Его отличало прекрасное видение поля, умение тонко и точно разобраться в самых сложных игровых ситуациях.

Борис Петелин на восемь лет моложе ветерана (родился в 1924 г.). Он начал играть в детских командах Магадана, затем перешел во взрослую команду местного «Динамо» и в ее составе неоднократно завоевывал звание чемпиона Колымы по хоккею с мячом. Выступал за сборную Приморского края.

Вскоре после Победы Борис получает приглашение в московское «Динамо», выступает за этот знаменитый клуб в хоккее с мячом, а осенью 1948 года одновременно с Уваровым переходит в хоккей с шайбой. Здесь сразу же проявляются его замечательные качества: реактивная скорость, тонкое чувство партнера, самоотверженность, редчайшее искусство предельно точного выбора места перед воротами соперника. В короткий срок Борис зарекомендовал себя как один из лучших нападающих.

Общение с такими мастерами многому научило и Александра Уварова, помогло в короткий срок пройти «хоккейные университеты». Вскоре тренер динамовцев Аркадий Иванович Чернышев поставил его во главе новой линии, с которой связывал особые надежды. Линии Крылов — Уваров — Кузин.

Болельщики моего поколения отчетливо помнят, как интересно, свежо, а главное, как яростно выступало это звено.

И везде — в сборной, в «Динамо» — нас всегда привлекала и восхищала предельно грамотная, умная, искрометная и в то же время расчетливая игра Александра Уварова — центрального нападающего и «начальника штаба» динамовской тройки.

«Стратег» — так называли его между собой товарищи. Это не было кличкой, придуманной ради звучности или, того хуже, насмешки. Это было единодушным признанием его исключительного умения определять самый точный, самый верный путь к победе в каждом матче и вести по этому пути своих партнеров.

Природа не наделила Александра Уварова особыми физическими качествами, и в обычных условиях он скорее походил на поэта или актера, нежели на заядлого хоккейного бойца.

Но так казалось до тех пор, пока не начиналась игра. В ее кипении становилось совершенно очевидно, что хоккей с шайбой, наш хоккей, совершенно немислим без этого человека. Немислима синхронная точность действия, предельная продуманность атак возглавляемой им тройки.

Высокое мастерство обводки, тончайшая спортивная интуиция, отличное видение поля помогали ему то и дело создавать острей-

шие голевые ситуации для партнеров. Да и сам Александр отличался завидной меткостью: в играх на первенство СССР он забил 190 голов — результат, которому и сегодня могут позавидовать многие форварды ведущих команд страны.

Уваров, прямо скажем, никогда не отличался мощным броском. Но зато действия его на поле характеризовались неожиданностью, скрытностью, а броски — удивительным «коварством». Порою казалось, что форвард изготовился для передачи шайбы, а на самом деле он или резко уходил в сторону и неожиданно производил бросок в незащищенную часть ворот, или отдавал шайбу партнеру.

Внезапность — вот главное и очень острое оружие Уварова. Трудно припомнить матч, в котором бы Александр не смог выполнить задание тренера, не сделал бы того, чего от него ждали партнеры.

Лидер динамовцев откровенно любил «подержать» шайбу, особенно в нейтральной зоне, но стоило одному из его партнеров освободиться от опеки противника, как тут же мгновенно следовал идеальный, выверенный до миллиметра пас. Особенно отличался Александр искусством паса вразрез между игроками, что часто давало возможность его партнерам проскочить вперед и очутиться один на один с вратарем.

Среди многих замечательных качеств этого спортсмена особенно характерным и ценным — для команды, для тройки — была его поистине неиссякаемая хоккейная хитрость. Он обладал целым арсеналом всевозможных ложных ходов, обманных приемов, которые позволяли ему скрывать свои истинные намерения и постоянно вводить в заблуждение соперника. Когда в 1956 году мы выиграли Олимпийские игры в Кортина д'Ампеццо, канадские защитники в один голос заявили на пресс-конференции, что сложней всего им было играть против центрального нападающего второй тройки.

Удивляться тут нечему. Александра Уварова всегда выделяло тончайшее понимание игры, которое позволяло ему быть творцом и организатором всех динамовских атак.

Вспоминается VIII первенство СССР (оно было разыграно с 29 ноября 1953 г. по 21 января 1954-го), когда динамовцы во второй раз завоевали почетное звание чемпиона. Они набрали тогда 30 очков из 32 возможных, обойдя на три очка преследовавших их армейцев.

Огромное значение для общего настроения динамовцев имел их матч первого круга против ЦДСА. В этом острейшем поединке лучшая в стране оборона армейцев, которую возглавляли такие «звезды», как Николай Сологубов и Иван Трегубов, не смогла разгадать замысловатых ходов первой тройки динамовцев. В тот вечер Уваров даже нас, «привыкших» к его таланту, удивил неистощимостью своей выдумки. Трибуны захлебывались от восторга, видя, как он запутывает, обманывает, ставит в тупик умудренных опытом защитников. Две их ошибки оказались роковыми: ЦДСА проиграло 1:2. Эта победа «Динамо», по общему признанию, стала прежде всего триумфом Уварова, показавшего безупречную, исполненную блеска и вдохновения игру.

В жизни и в игре Александр всегда проявлял рассудительность, спокойствие, никогда ни при каких обстоятельствах не позволял себе перейти рамки общепринятых норм поведения, был чуток, вежлив по отношению к товарищам и к соперникам.

Вероятно, именно эти прекрасные человеческие качества вкупе с его высоким спортивным авторитетом обусловили своеобразный «рекорд» Уварова: на протяжении одиннадцати сезонов подряд, вплоть до 1960 года, он неизменно избирался капитаном московского «Динамо». Кстати, ему же в этом клубе принадлежит и «рекорд» спортивного долголетия: Уваров отыграл свой последний «тайм», когда ему уже исполнилось 38 лет. И, честно говоря, мы этого не замечали. С трибун он по-прежнему смотрелся молодым, яростным, неукротимым.

Наш рассказ об этом замечательном хоккеисте был бы неполным, если не отметить еще одну важную, органически присущую ему черту — любовь к творчеству, к открытиям, к поиску новых тактических построений и ходов. Еще играя вместе с Поставниным и Петелиным, Александр «придумал» и осуществил со своими напарниками такую комбинацию: двое хоккеистов, находясь почти рядом друг с другом, на полной скорости проходят все поле вдоль борта, попеременно обмениваясь шайбой, отвлекают оборону соперников, а затем неожиданно переводят игру на противоположный фланг стремительно продвигающемуся на параллельном курсе партнеру, который и завершает, как правило, атаку. Это испытанное тактическое оружие, и оно навсегда вошло в наш победный арсенал как уникальная и специфическая динамовская комбинация.

А теперь уступим место официальной статистике. Уваров Александр Николаевич. Родился 7 марта 1922 г. Заслуженный мастер спорта (1954 г.). Чемпион СССР 1954 г. Второй призер чемпионатов СССР 1950, 1951, 1959 и 1960 гг. Третий призер 1949, 1952, 1953, 1955—1958 гг. Провел 259 матчей, забил 190 голов. Финалист Кубка СССР 1955 и 1956 гг. Чемпион зимней Спартакиады народов РСФСР 1958 г.

Чемпион VII зимних Олимпийских игр. Чемпион мира 1954 и 1956 гг. Чемпион Европы 1954—1956 гг. Второй призер чемпионатов мира 1955 и 1957 гг. Сыграл на этих турнирах 23 матча, забил 8 голов.

Одним из партнеров Александра Уварова был Валентин Кузин. Сколько ярких, самобытных талантов открыла для советского спорта наша золотая Сибирь! Среди них и он, великолепный левый крайний знаменитой динамовской тройки середины пятидесятых годов.

Его спортивное детство совпало с суровыми годами войны. Да, именно суровой осенью сорок первого он вышел на лед в составе юношеской команды новосибирского «Динамо». Ему едва исполнилось тогда 15 лет, но Валя уже был знаменитостью среди своих сверстников, охотно признававших его исключительность.

— За этим не угонишься, — безнадежно говорили мальчишки, выступавшие в ролях защитников в других командах.

С 1945 по 1950 год Кузин выступал за команду мастеров новосибирского «Динамо». Земляки называли его «спортивным Фигаро». И не зря. Валентин летом предстал перед ними в образе футболиста, зимой играл и в хоккей с мячом и в хоккей с шайбой. Причем везде действовал с неизменным успехом, больше того — с блеском. Местные газеты часто писали о нем в отчетах о победах динамовцев, а новосибирские болельщики души не чаяли в своем кумире.

Здесь, в новосибирской команде, выступавшей против своих московских одноклубников в товарищеском матче ранней весной 1949 года, увидел Кузина Аркадий Иванович Чернышев. Сибиряк тогда отличился: он забил в ворота гостей три шайбы. Опытный тренер, славившийся своим хладнокровием и скупостью на слова, на этот раз то и дело повторял, наблюдая за игрой Валентина:

— Это — чудо! Настоящее чудо!

Что же привлекло в 24-летнем сибиряке столичного педагога? Чем он врзался в память нам, не раз видевшим его, начиная с 1950 года, на льду?

Я не знаю ни одного хоккеиста, за исключением, может быть, только Хлыстова, который бы так стремительно-неудержимо проносился по льду. Его скорость была через край, казалось, она просто-напросто не умещается в тактику и технику тех дней. Да и сегодня, случись чудо и сохрани Кузин свои скоростные качества, едва ли кто-либо из нынешнего поколения спортсменов сумел бы поспорить с ним в этом.

Партнеры за ним тянулись (хотя давалось это, особенно довольно тихоходному Уварову, очень трудно), и все звено считалось в нашем хоккее самым «острым», самым скоростным. На трибунах благожелательные и спорые на выдумки болельщики называли их «кавалеристами». Это было очень уважительное и точное прозвище: действия динамовцев, увлекаемых Кузиным, были и впрямь сродни лихой кавалерийской атаке.

Действовать остро и опасно для соперника ему позволяла не только высокая абсолютная скорость (многие видели в нем спринтера, имевшего возможность добиться выдающихся успехов в скоростном беге на коньках), но и великолепная скоростная маневренность. Он легко обыгрывал соперников, вихрем врвался в чужую зону и навел здесь самую настоящую панику.

Агрессивный, смелый, умевший на предельной скорости «держаться» шайбу и в самой острейшей ситуации сыграть индивидуально, взять на себя максимум риска, Валентин по праву пользовался репутацией игрока очень высокого класса. Болельщики, особенно динамовские, его боготворили. С его именем, с его действиями прежде всего связывали они каждую отдельную победу, каждый заметный успех своего клуба.

Люди моего поколения хорошо помнят, какую восторженную овацию устроили своему любимцу москвичи в январский вечер 1954 года, когда стало известно, что «Динамо» — чемпион Советского Союза. Тысячи болельщиков больше часа ждали на морозе спортсменов. Потом они подхватили на руки игроков ударной тройки-

ки и понесли их к автобусу. Впереди, то и дело взлетая в воздух, продвигался таким своеобразным способом улыбающийся, чуть растерянный и бесконечно счастливый Валентин Кузин. И, знаете, никого не удивляло, что ему оказывают такие почести.

— Он их заслужил своей игрой! — таково было общее мнение.

Да, его действия на поле всегда производили на всех нас огромное впечатление. В любом матче Валентин действовал смело, напористо, блистал исключительно хорошо поставленным дриблингом. Одним из первых в стране он освоил удар-бросок («шелчок») и, выполняя его на высокой скорости, из самых неожиданных положений, слыл грозой для вратарей.

Кузин Валентин Егорович. Родился 23 сентября 1926 г. Заслуженный мастер спорта (1954 г.) 1950—1961 гг. в команде «Динамо» (Москва).

Чемпион СССР 1954 г. Второй призер чемпионатов СССР 1951, 1959, 1960 гг. Третий призер 1952, 1953, 1955—1958 гг. Провел 261 матч, забил 150 голов.

Олимпийский чемпион 1956 г. Чемпион мира 1954 и 1956 гг. Чемпион Европы 1954—1956 гг. Второй призер чемпионата мира 1955 г. Сыграл на этих турнирах 20 матчей, забил 11 голов.

Самого молодого в тройке — Юрия Крылова — товарищи по клубу и по сборной называли универсалом. Он и в самом деле был мастером очень широкого плана, умевшим одинаково сильно сыграть и в нападении, и в защите. Помнится, одно время даже динамовцы попробовали перевести его в линию обороны, чтобы усилить ее, но первая тройка без Юрия (его в то время подменял Борис Петелин) заметно поблекла, снизила свой ударный потенциал, и тренеры клуба своевременно вспомнили пословицу, утверждающую, что от добра добра не ищут.

В те годы нашей счастливой послевоенной жизни я, помнится, не пропускал ни одного хоккейного матча, тем более матча с участием лидеров. И неизменно любовался действиями Юрия Крылова, его поражавшей неутомимостью: он двигался по полю безостановочно, как челнок в ткацкой машине — вперед-назад, вперед-назад.

Выделяясь колоссальной стартовой скоростью, сильным, резким броском по воротам, поразительной устойчивостью на коньках, позволявшей ему выходить победителем из самых резких столкновений и острых схваток у борта или на «пяточке», он был всегда грозен для соперников и незаменим для товарищей по звену.

Еще и еще раз вижу перед собой образ этого прекрасного спортсмена: атлетически сложенный, он всегда рвался вперед, всегда оказывался в самой гуще острейшей спортивной схватки.

Эта книга посвящена рыцарям атаки, рыцарям нашего хоккея, а первое качество рыцаря — отвага. И все-таки среди храбрых есть всегда самые храбрые. К ним, без всякого сомнения, должен быть отнесен Юрий Крылов — настоящий герой советского хоккея.

Вспоминается такой исключительный случай. В период подготовки к Олимпийским играм 1956 года на очередной тренировке он получил тяжелейшую травму — перелом челюсти. Юрий переносил

мучительную боль при каждом неосторожном движении, питался через специальную трубку жидкой пищей и... продолжал ходить на все тренировки. Выстоял, переборол мучения, неверие тренеров, сомнения врачей и доказал свое право поехать в Кортину д'Ампеццо.

Казалось бы, пережитое должно было наложить на него печать осторожности, осмотрительности, боязни излишнего риска. Но ничуть не бывало. Взять хотя бы решающий матч олимпийского турнира СССР—Канада, к описанию которого мы вернемся несколько позже. Игра ожидалась принципиальная. За сутки до ее начала в одном из номеров отеля «Савой» шло собрание нашей сборной. Ребята высказывали свое мнение по поводу предстоящего. Одним из первых поднялся Юрий Крылов.

— Основная ставка канадцев — на силу, — сказал он, — а мы, ребята, противопоставим им свою силу, свою волю. Дадим, одним словом, прикурить. Я лично от себя и от всей нашей тройки заявляю; мы их победим!

И вот наступило 4 февраля 1956 года — последний день олимпийского хоккейного турнира. Утром местная газета в Кортину д'Ампеццо напечатала сделанное накануне заявление тренера Канады (эту страну тогда представлял ее чемпион среди любителей клуб «Китченер Ватерлоо Датчмен») Боба Бауэра:

— Игра с русскими для нас основная игра Олимпиады. Мы сделаем все, чтобы победить!

Они действительно сделали все, что было в их силах. Бешеный натиск в первом периоде. Отчаянные атаки соперников наши хоккеисты сдержали ценой невероятных усилий — 0:0.

Когда сборная СССР пришла в раздевалку на перерыв, не было в ее составе ни одного спортсмена, не отмеченного ранами, синяками или ссадинами. У Юры Крылова была рассечена бровь, три огромных фиолетовых пятна на теле, кровоточили пальцы.

— Играть сможешь? — озабоченно спросил его тренер.

— Да вы что, Аркадий Иванович? К чему такая постановка? Чувствую себя прекрасно. Я им еще сейчас гол забью.

— Ну-ну, — устало улыбнулся Чернышев и перешел к другому из хоккеистов, спрашивая одно и то же:

— Играть сможешь?

Начался второй период. Уже на первой минуте рослый канадский защитник валит Юру Крылова на лед, затем несколько раз сто сильно «припечатывают» к борту.

Но он не обращает внимания на эту «невежливость» и по-прежнему отчаянно рвется вперед.

Идет 7-я минута второго периода. Александр Уваров на скорости входит в зону соперников и делает вид, что атакует ворота. Два канадца берут его в «клещи». Саша ласточкой летит на лед, но (вот оно — великолепное хоккейное зрение!) успевает увидеть открывшегося на противоположном фланге Крылова и четко откидывает ему шайбу.

Юра стартует, как ракета, принимает передачу товарища и очень сильным, а главное, неожиданным броском направляет шай-

бу в дальний от себя угол. Гол!! По признанию всех, кто его видел, это был самый неожиданный и коварный гол за всю историю мировых первенств. И забил его не кто иной, как наш Юра!

Когда окончательно распалась его родная тройка, Юрий Крылов, не представляя себя в связке с другими партнерами, сменил игровое амплуа и в течение нескольких лет (1961—1965 гг.) играл в защите. И любо было смотреть, как он блестяще справляется с новой для себя ролью. В первый же год ее исполнения он был признан одним из сильнейших защитников страны.

Крылов Юрий Николаевич. Родился 11 марта 1930 г. Заслуженный мастер спорта (1954 г.). Чемпион СССР 1954 г. Второй призер 1959, 1960, 1962—1964 гг. Третий призер 1952, 1953, 1955—1958 гг. Провел 352 матча, забил 141 гол. Обладатель Кубка СССР 1953 г. Финалист Кубка СССР 1955 и 1956 гг. Два раза (1962 и 1963 гг.) входил в список 33 лучших хоккеистов сезона. В 1958 г. получил специальный приз — «За самоотверженную игру».

Чемпион VII зимних Олимпийских игр. Чемпион мира 1954 и 1956 гг. Второй призер чемпионатов мира 1955, 1958, 1959 гг. Чемпион Европы 1954—1956, 1958 и 1959 гг. Сыграл на этих турнирах 37 матчей, забил 13 голов.

Вот какой чудесный сплав образовался во второй тройке сборной Советского Союза. Характерной особенностью ее действий являлось сочетание огромной скорости и высочайшего искусства паса, которому могут откровенно позавидовать и лучшие звенья нашего времени. Наличие подобных качеств и предопределяло творческий поиск. Если остальные наши тройки, в том числе и бобровская, расстояние от своих до чужих ворот проходили используя искусство дриблинга и «кинжальные» фланговые прорывы, то динамовцы, разумеется не отказываясь ни от одного из методов, все же чаще взламывали чужую оборону при помощи выверенных, точно рассчитанных и технически безукоризненно выполняемых фланговых передач.

Основательная физическая подготовка, хорошая техника владения шайбой, умение тактически грамотно действовать на больших скоростях позволяли им активно участвовать как в атаке, так и в обороне. Выполняя колоссальный объем защитных функций, динамовцы ни на миг не снижали атакующего прорыва. Жажда гола отличала каждого из них. В чемпионатах страны они забили соперникам 484 шайбы.

На международных состязаниях официального ранга этот баланс выглядит гораздо скромнее: в 1954 г. на чемпионате мира в Стокгольме — 7 шайб (Ю. Крылов — 2, А. Уваров — 2, В. Кузин — 3); на чемпионате мира 1955 г. в ФРГ — 11 шайб (Ю. Крылов — 4, Д. Уваров — 3, В. Кузин — 4); на VII зимних Олимпийских играх 3 Кортина д'Ампеццо — 10 (Ю. Крылов — 3, А. Уваров — 3, В. Кузин — 4). Всего, таким образом, 28.

Конечно, на первый взгляд такой баланс, особенно если сравнить его с результативностью «бобровской» тройки, весьма скромный. Но здесь есть серьезные смягчающие обстоятельства. Знакомство с ними многое для нас прояснит.

Перенесемся в далекий 1954 год в Стокгольм, где проходил очередной чемпионат мира. Сборная СССР — его дебютант. Здесь нашим первым соперником оказалась команда Финляндии. Счет забитым шайбам в официальных состязаниях открыла именно динамовская тройка, персонально — ее лидер Александр Уваров. Легко, раскрепощенно, результативно действовало это звено и против команд Западной Германии, Норвегии.

Но вот наступила полоса «главных» матчей. Первый из них — против сборной Чехословакии. Конечно, друзья-соперники уже не раз за прошедшие годы встречались на ледовых полях, но то все были товарищеские встречи. А вот от этой зависело многое.

Важность момента прекрасно понимали обе стороны. Наши соперники к началу этого поединка создали своеобразную «сборную в сборной», введя к Данде и Властимилю Бублику Владимира Забродского и придав им лучшую пару защитников (Гут — Бубник). Расчет был прост: создав «ударный кулак», ошеломить наших ребят, озадачить мощным натиском.

И вот против этого «штурмового отряда» старший тренер сборной СССР выставил звено Уварова.

— Вы можете не забывать. Ваша главная, решающая задача — не давать забивать сопернику, сдерживать его натиск, — говорил он своим подчиненным.

И этот приказ «командарма» ребята выполнили безукоризненно. Тройка Бубника была практически выключена из игры железным прессингом московских динамовцев. Правда, сам Вацлав Бубник все-таки забил одну шайбу из двух (общий счет этого матча 5:2 в нашу пользу), но произошло это не из-за какой-либо оплошности игроков, а из-за нелепой ошибки Г. Мкртчяна. Сковав по всем углам первое, ударное звено сборной Чехословакии, уваровцы, по существу, расстроили ее игру, сорвали выполнение тактического плана, задуманного чехословацкими тренерами, а следовательно, внесли решающий вклад в нашу победу, обеспечили свободу действий первой тройке советской сборной.

Через день матч СССР — Швеция. Нужно сказать, что хозяева льда очень серьезно готовились к встрече с нашими спортсменами, считая ее и важной для окончательного распределения мест, и престижной.

И вновь против ударного звена «Тре крунур», возглавляемого знаменитым Свеном Юханссоном, по прозвищу Тумба, руководство нашей команды выставило тройку Уварова.

«Нейтрализовать!» — таков был приказ. И звено «Тумбы» ушло на этот раз «сухим» со льда.

Подобные факты — не исключение, они скорее правило. В самых важных, в самых ответственных международных матчах Аркадий Иванович Чернышев поручал своим питомцам «выключение» главных атакующих сил соперника.

— Это мой «батальон особого назначения», «батальон сдерживания», — сказал в одной из бесед с журналистами «генеральный конструктор» советского хоккея. Сказал хорошо, образно, точно. Не понять такое — нельзя.

Но было бы неправильно считать, что уваровцы, выступая за сборную, удовлетворялись лишь функцией разрушения. Нет, даже имея особое задание, они при каждом удобном случае брали инициативу в свои руки, смело шли вперед, и часто именно их усилиями, мастерством, волей завоевывалась победа.

Тут самое время выполнить свое обещание и вновь вернуться к матчу СССР — Канада на олимпийском турнире 1956 года в Кортина д'Ампеццо. Дело было не только в том, что от его исхода во многом зависело окончательное распределение мест. Предстоял принципиальный спор высокого накала. Коротко напомним предшествующую ему ситуацию. Зимой, а точнее, ранней весной 1954 года в Стокгольме сборная СССР впервые в истории встретилась в официальном матче с канадцами и нанесла им сенсационное поражение со счетом 7:2, обеспечившее ей высокое звание чемпионов мира. На следующий год посланцы страны Кленового листа взяли у нас реванш с разгромным счетом 5:0 и вернули себе право именоваться сильнейшими. Счет матчей стал 1:1, соотношение забитых и пропущенных шайб — 7:7. После этого многие специалисты на Западе стали называть наш шведский успех случайностью, улыбкой судьбы. И вот дуэль в программе VII зимних Олимпийских игр должна была ответить на вопрос, так это или не так.

Игра началась при переполненных трибунах. Нужно прямо сказать: ни в 1954 году, в Стокгольме, когда победа осталась за нашими хоккеистами, ни в 1955-м, когда победили канадцы, на наши ворота никогда не обрушивался такой град ударов. Канадцы с первых секунд повели ожесточенный штурм наших ворот. Они играли резко, жестко, то и дело применяя силовые приемы.

Наша команда была вынуждена обороняться. В этой ситуации тренеры советской сборной обычно выпускали на лед динамовскую тройку. Своей манерой проводить скоростные контратаки, своим исключительным, не раз проверенным в деле мужеством она должна была сбить, и сбивала по мере возможностей, накал неприятельских атак, то и дело вызывая на трибунах взрыв аплодисментов. В этом периоде, окончившемся вничью, со счетом 0:0, уваровцы провели на льду в общей сложности восемь минут, тройки Гурышева и Боброва — по шесть минут. Львиная доля нагрузки выпала тогда и на лучшую нашу пару защитников Сологубов — Трегубов. Великолепно, выше всяких похвал сыграл вратарь Пучков. Шесть этих спортсменов стали героями первой двадцатиминутки, а затем — героями всего матча.

Однако восстановим его хронологию. После десятиминутного перерыва команды вновь выходят на лед. Многие из зрителей считают, что заокеанские спортсмены устали, но наступательный порыв канадских хоккеистов не иссякает. Одну атаку сменяет другая. Боб Бауэр то и дело кричит своим подопечным: «Вперед, вперед!».

«Нужен гол!»

Да, гол канадцам просто необходим. Он бы удесятерил их силы, придал веру в успех. Но ворота советской сборной остаются на

замке. И «виной» этому почти фантастическая самоотверженность наших ребят. Вновь блестяще проявляют себя хоккеисты динамовской тройки. Крылов, Уваров, Кузин встречают соперников у си-ней линии, смело вступают в единоборство с рослыми, могучими канадцами, а затем переходят в яростные контратаки. Во время одной из них, как мы знаем, Юрий Крылов зажег красный свет над воротами соперников. Гол! Великолепный гол! Гол, который снял с нашей команды груз большого морального напряжения, который вдохновил советских хоккеистов и... подкосил канадцев.

Правда, они еще предприняли попытку исправить положение. Стали играть резче прежнего, провели ряд атак. Но это уже не тот натиск, что был в начале встречи. На площадке шла равная борьба. Острая, непримиримая, но равная.

Второй перерыв вместо обычных десяти минут длился ...тридцать. Почему? Канадцы потребовали заново залить лед. И, хотя в этом не было особой необходимости, хотя это явно противоречило правилам, податливые судьи, находившиеся еще под воздействием ореола «непобедимости» заокеанских мастеров, согласились с их требованием. Под шум и свист трибун работники катка заливали лед, а изнемогавшие от усталости канадцы в это время отдыхали. К тому же они надеялись, что эта откровенная затяжка времени выбьет советских спортсменов из колеи.

— Сейчас наступает кульминационный момент, — говорил в раздевалке Чернышев, — одна шайба, всего одна, может решить все.

И вот вновь блестяще проявила себя вторая тройка. Отражая очередную атаку на наши ворота, Уваров в падении перехватил шайбу и успел послать ее товарищам. Сейчас же связка Крылов — Кузин понеслась по краю. Уваров следовал за ними по другому флангу, несколько оттянувшись в глубину. Вот Кузин послал ему длинный диагональный пас. Александр срезал угол к воротам, «потянул» на себя защитника и тонко, едва видимым движением отбросил вновь шайбу Кузину. Последовал мгновенный бросок от самого борта, почти под невероятным углом, и через мгновение трибуны взорвались:

— Гол! — неслось под сводами ледового дворца на многих языках.

— Молодцы!

— Молодцы! — подбадривали наших спортсменов присутствовавшие на состязаниях советские туристы.

Итальянцам это непонятное, но удивительно звучное, приятное их слуху русское слово понравилось, и чере'з минуту уже мощно, с мягким южным акцентом гремело:

— Мо-лод-цы!

Эта восторженная реакция заполненного до отказа стадиона, бесспорно, прежде всего относилась к динамовской тройке, внесшей решающий вклад в такую важную и такую радостную победу.

Огромна заслуга «кавалеристов» и на нашем «внутреннем фронте» — в играх чемпионата страны и розыгрыша Кубка СССР. Тройка Александра Уварова активно выступала за свой клуб в те-

чение пятидесятих годов. За этот отрезок времени московское «Динамо» один раз стало чемпионом Советского Союза (1954 г.), три раза было серебряным призером (1950, 1951, 1959 гг.), шесть раз — бронзовым (1952, 1953, 1955, 1956—1958 гг.). В 1953-м оно в блестящем стиле выиграло Кубок СССР, а в 1955 и 1956 гг. выступало в финале.

Все эти достижения, несомненно, принадлежат коллективу в целом, но прежде всего и больше всего они определены уровнем игры, уровнем мастерства первой тройки.

Ну как тут не подчеркнуть, что тройка эта на протяжении всего периода своего существования демонстрировала привлекающую внимание всех специалистов многогранность, широкий диапазон возможностей! Если в сборной она часто выполняла разрушительные функции, то в родном «Динамо» была главной и постоянно действующей силой атаки. На «кавалеристов» ходили смотреть, как ходят в театр полюбоваться искусством любимого актера. И они ни разу не обманули надежд зрителей. Первая тройка динамовцев всегда играла азартно, содержательно, интересно. Для нее не существовало ни громких имен, ни трудных соперников.

Вспоминаю начало IX первенства страны. Динамовцы тогда носили звание чемпионов Советского Союза. И вот их матч первого круга с ЦСК МО. В составе армейцев восемь только что «испеченных» чемпионов мира, восемь заслуженных мастеров спорта. Восточная трибуна стадиона «Динамо», где происходило состязание, заполнена до отказа, она не смогла вместить всех желающих, и часть зрителей расположилась на Северной и Южной трибунах.

Тренеры армейцев против ударного звена «Динамо» собрали мощный кулак: Николай Сологубов — Иван Трегубов в защите, Всеволод Бобров — Виктор Шувалов — Евгений Бабич в нападении. Казалось, от одного только сочетания этих имен можно было дрогнуть.

Но бело-голубые не только начали поединок без тени робости, но с первых же секунд навязали своим грозным соперникам такой темп, что те буквально растерялись. Атаки за атаками следовали на ворота, которые с блеском защищал Николай Пучков. Стадион заревел от восторга. И не замолкал до самого конца этого вихревого, искрометного поединка, в котором было все, чем прекрасен хоккей. К середине первого периода, армейцы пришли в себя, ответили серией грозных контратак, но вырвать инициативу, изменить ход встречи им так и не удалось. «Динамо», настроившись, словно по камертону, по своей первой тройке, действовало с необыкновенным подъемом, с непередаваемым на словах вдохновением. И победило со счетом 2:1. Обе шайбы в ворота армейцев провели хоккеисты из первой тройки.

— Они, по существу, «сделали» всю игру, — говорили очарованные этим прекрасным состязанием зрители, и в их словах слышалось глубокое уважение к замечательным спортсменам, искреннее восхищение их мастерством и отвагой.

Еще и еще раз возвращаюсь в далекий пятьдесят шестой, в залитый солнцем, утопающий в белизне снега Кортин д'Ампеццо,

где Валентин Кузин, Александр Уваров, Юрий Крылов стали подлинными героями решающего матча, кудесниками, вырвавшими победу у Канады.. Подводя итоги того незабываемого матча, итальянская спортивная газета писала: «Пожалуй, в хоккее с шайбой еще никогда не было более достойного олимпийского чемпиона, чем нынешний. Перед нами настоящие Гулливеры духа, замечательные мастера клюшки, верные рыцари отваги».

Глава третья

НА КРЫЛЬЯХ ПОБЕДЫ

Среди замечательных героев мирных баталий особое место занимает звено прославленной в недалеком прошлом московской команды «Крылья Советов». В 1947 году родилась она и с тех пор бесменно выступает в высшей лиге. Через четыре года после «появления на свет» новичок подарил нам первую сенсацию, да еще какую!

В тот год— 1951-й — был учрежден розыгрыш Кубка СССР по хоккею с шайбой. Он вызвал огромный интерес. Предварительные игры, проводились в союзных республиках, в Москве и Ленинграде. К финальным состязаниям на Кубок СССР были допущены 12 команд, участвующих в розыгрыше первенства страны, финалисты Кубка РСФСР, победители Кубков Москвы, Ленинграда, УССР, БССР, Карельской АССР, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. Вот какой широкий диапазон, какое достойное представительство!

Трудно даже передать, какой глубокий, искренний интерес вызвал этот турнир у спортсменов и у массы болельщиков. Даже матчи первого круга, не обещавшие особой борьбы, собирали огромное количество зрителей. На трибунах в перерыве между периодами шли ожесточенные споры по поводу того, кто выиграет почетный трофей. Главными претендентами были, по нашему общему мнению, ЦДКА и ВВС. Болельщики «Динамо» утверждали, и не без оснований, что на победу может рассчитывать и их клуб. Но когда раздавался голос: «А может быть, «Крылья Советов» опять себя покажут?» — поклонники армейцев, летчиков, динамовцев, только что упрямо «враждовавшие» между собой, немедленно объединялись в своем единодушном «страхе»: «Да... От этих тоже можно всего ожидать».

Подобное единодушие объяснялось просто. Дело было в том, что в только что тогда закончившемся первенстве СССР рабочая столичная команда нарушила обычное распределение мест и поднялась на третью ступень пьедестала почета, оставив за его чертой прославленную команду ЦДКА. Болельщики восхитались этим успехом, но... считали его до некоторой степени случайным.

Поначалу казалось, что это мнение имеет под собой почву: третьи призеры чемпионата страны с трудом одолели победителя первенства Москвы клубную команду ЦДКА (по нынешним понятиям нечто вроде «дубля» мастеров) — 4:3. Но уже в следующем

туре они сделали серьезную заявку, обыграв с разгромным счетом (9:0) сильный, интересный коллектив челябинского «Дзержинца».

В полуфинале жребий свел «Крылышки» с московскими динамовцами. Этот матч собрал около 30 тысяч зрителей. Он отличался редкой остротой. Чаша весов колебалась то в одну, то в другую сторону. Острейшие моменты следовали один за другим. В этом матче «Крылья Советов» проявили большую волю и отменное мастерство, вырвав победу у своего грозного соперника — 4:3.

Вряд ли среди 35 тысяч зрителей, заполнивших стадион «Динамо» в тихий, ясный день 18 февраля, нашлось два-три десятка болельщиков, которые бы сомневались в том, что теперь, когда динамовцы и армейцы остались за бортами состязания, почетный приз достанется команде, возглавляемой Всеволодом Бобровым.

Да, тот матч относится к таким, которые никогда не забываются. Никогда!

Мкртчян, Виноградов, Жибуртович, Бабич, Шувалов, Бобров, Новожилов, Стриганов — все эти «звезды» были собраны под флагом ВВС. В команде «Крылья Советов» тоже были известные мастера, такие, как Запрягаев, Кучевский, Митин, Захаров... Но в целом подбор ее игроков выглядел слабее, чем у соперника. Она не просто оказала сопротивление своим грозным соперникам — навязала им свою волю, свое мужество и показала такое мастерство, что мы, вроде бы все знавшие досконально московские болельщики, ахнули.

— Вперед, «Крылышки»! — неслось со всех сторон.

Именно в тот морозный февральский день родилось это уменьшительное, ласковое слово, которым впоследствии величали эту команду.

И спортсмены профсоюзной, рабочей команды, которых подбадривал неукротимый рев многотысячной толпы, победили своих грозных соперников в невероятной по напряжению схватке, победили буквально на последних секундах — 4:3!

Шли годы. Команда все продолжала поддерживать свою высокую спортивную репутацию. В 1954 году «Крылья Советов» вновь завоевывают бронзовые медали чемпионата СССР, через год — серебряные, на следующий сезон повторяют этот блестящий успех и, наконец, в 1957 году поднимаются на высшую ступень пьедестала почета и с законной гордостью принимают высокое звание чемпиона страны.

В этих бесспорно замечательных достижениях особая роль принадлежит ударному звену команды, и прежде всего ее признанному лидеру.

Есть в нашей хоккейной истории имена, которые произносишь с особым чувством. Люди, носящие их, не просто великолепные игроки, с ними ассоциируются события, они остаются в памяти и сердце каждого человека, кому дорог и интересен спорт. Проходят годы, ветераны уступают место молодым, и на трибунах, взбудораженных кипением сегодняшнего матча, нет-нет да и услышишь:

— А помнишь, каким замечательным мастером был...?

— Еще бы не помнить!

— Такие, брат, не часто рождаются...

И передается уже, как эстафета, по рядам рассказ о знаменитом хоккеисте.

К таким незабываемым мастерам, овеянным легендой, относится заслуженный мастер спорта Алексей Гурышев.

Центральный нападающий знаменитой тройки Котов — Гурышев — Митин поражал своим редким чутьем на голевые позиции, на «добивание» шайбы. Исключительно тонко чувствовал игру, свое место на площадке в каждый конкретный момент атаки и, освободившись от опеки соперников, мгновенно наносил броски в наиболее уязвимые точки ворот. Был исключительно хладнокровен в игре, всегда мастерски использовал даже малейшие ошибки защитников.

Но самая суть творческого почерка Алексея Гурышева заключалась в совершенно непревзойденном искусстве броска по воротам. Знаменитый свой удар Гурышев производил мгновенно, без предварительной обработки шайбы, без размышлений.

— Передача на Гурышева, удар, гол! — так обычно формулировал происшедшее на льду наш прославленный спортивный радиокomentатор Вадим Синявский.

Защитники ЦДКА, «Динамо», ВВС, других наших известных и уважаемых клубов — а советский хоккей всегда славился мастерами обороны — боялись Гурышева как огня, специально готовились к встрече с ним и «опекали» со всем вниманием, но... все-таки ничего не могли поделать.

Высокий, атлетически сложенный, уверенно возвышающийся над всеми в своей характерной широкой стойке, с не менее характерной, отличающейся ото всех «короткой» хваткой клюшки, Гурышев был настоящей грозой для вратарей и «кошмаром» для защитников.

В этой связи вспоминается история, которую рассказал нам однажды один из самых выдающихся защитников всех времен заслуженный мастер спорта Николай Сологубов.

— Нам предстояло провести очень важный, принципиальный матч с «Крылышками». Анатолий Владимирович Тарасов поручил мне персональную опеку Алексея, предупредил, что от того, как я справлюсь с поставленной задачей, во многом зависит исход встречи в целом. «Ну, сегодня он у меня «сухим» с площадки уйдет», — в запальчивости пообещал я. Поначалу дело складывалось для меня самым благоприятным образом. Гурышев после того, как я пошел на ряд силовых приемов, прямых и отнюдь не безобидных столкновений, показалось, скис, отошел в глубину и вроде бы больше не решался повторять свои атаки на наши ворота. Я ликовал в душе, но... явно преждевременно. В один из моментов развития атаки мне пришлось рвануться к идущему в прорыв Бычкову. Тот очень удачно передал шайбу своему центральному нападающему, который словно бы вырос из-под льда и очутился точно на том самом месте, которое я только что оставил, и без прицелива-

ния «выстрелил». Вратарь даже отреагировать не успел на этот удар, как шайба оказалась в наших воротах.

— Это черт какой-то, а не человек, — оправдывался я во время перерыва перед ребятами. — Он и связанный, вероятно, забьет «свою» шайбу. Но все равно, больше я ему сегодня забить не позволю...

— Не хвались, — сказал мне кто-то из нападающих.

— Нет, буду хвалиться, — упорствовал я. — Хотите, с любимым поспорю.

В тот вечер, — заканчивает свой рассказ Николай Сологубов, — я чувствовал себя по-настоящему несчастным. Команда ЦСКА проиграла «Крылышкам» 2:3, и все шайбы в наши ворота провел Алексей Гурышев.

Такая результативность давалась великолепному форварду нелегко. Защитники всех команд знали о непревзойденных снайперских качествах Гурышева и «опекали» его со всем вниманием и без излишних церемоний. Трудно найти другого хоккеиста, которого бы столь беззастенчиво толкали на «пятак», встречали в упор при входе в зону, отчаянно прижимали к бортам. Но, несмотря на все это, Алексей почти никогда не уходил с ледяного поля не забив гола. Сдержать, остановить его порыв было практически невозможно.

Гурышев был на три года моложе Боброва и дольше всех «звезд» первого поколения оставался на льду. Он закончил выступать в 1961 году, забив в наших внутренних чемпионатах 379 шайб. Этот результат держался полтора десятка лет в качестве абсолютного рекорда советского хоккея. Сейчас он, правда, побит — сначала Вячеславом Старшиновым, а затем Борисом Михайловым. Но побит лишь по абсолютному числу шайб. Ведь свои 379 голов лидер «Крылышек» забил в 300 матчах, Вячеслав Старшинов — 404 в 539 матчах, а Борис Михайлов 427 в 545. Как видим, есть заметная качественная разница между этими рекордами.

Ничуть не обижая и не ущемляя заслуг его замечательных товарищей и партнеров, скажем, что в своем клубе он выступал ярко выраженным лидером, мастером, который, несомненно, поднялся классом выше многих своих коллег. Но он никогда и ничем не выказывал этого. Скромность, дружелюбие, искренность и доброта в обращении с товарищами всегда отличали этого спортсмена.

И в сборной, несмотря на наличие таких корифеев, как Всеволод Бобров, он никогда не «исчезал из виду», никогда не терял своего неповторимого «я». Многие яркие страницы истории нашей главной команды связаны как раз с его именем.

В связи с этим вновь вспоминается решающий матч с командой Канады на чемпионате мира 1954 года. Тогда для всех нас название этой страны ассоциировалось с непобедимой хоккейной силой. Да, нас, болельщиков, бросало в дрожь от сознания, что придется вести с ними спор один на один. Представляю, какие чувства испытывали тогда наши спортсмены. Здесь было и естест-

венное в данном случае волнение перед сложнейшим испытанием, и психологический груз, созданный прессой, телевидением и радио, афишировавших непобедимость канадцев, и страстное, ни с чем не сравнимое желание победить.

Очевидно, что руководители нашей команды, и прежде всего ее старший тренер Аркадий Иванович Чернышев, вели специальную, строго рассчитанную подготовку к этому матчу. Анализировались все сильные и слабые стороны канадцев, составлялись «досье» на каждого игрока, до деталей определялись физические, тактические и психологические возможности соперников.

Накануне матча Аркадий Иванович пригласил лидеров троек сборной: Боброва, Уварова, Гурышева. Старший тренер ничего им тогда не приказывал, ни на чем не настаивал, не просил. Он мечтал вслух перед теми, кому больше всего доверял:

— Хорошо бы именно нам первым открыть счет. Если канадцы забьют, трудно сложится игра, шайба в наших воротах надломит ребят. А если мы забьем, совсем другое будет дело...

Каждый из них, наверное, думал в ту минуту, что хорошо бы именно ему забить эту шайбу. И что сделать это будет чертовски трудно.

Когда начался поединок, сразу обнаружилось, что заокеанские спортсмены проявляют особое внимание к Боброву, который в предыдущих выступлениях дал понять, что с ним нужно считаться. Да и против других троек канадцы действовали очень внимательно, жестко, совершенно не позволяли нашим нападающим играть свободно.

В этих условиях особенно ценным оказалось искусство завершающего удара без подготовки, «выстрела с ходу», которым так великолепно владел Гурышев. Именно он на 5-й минуте первого периода своим знаменитым «щелчком», произведенным с огромной силой, «распечатал» канадские ворота. И в этом состоит его особая заслуга перед нашим хоккеем.

А теперь рассмотрим его послужной список. *Гурышев Алексей Михайлович. Родился 14 марта 1925 г. Заслуженный мастер спорта (1954 г.). Чемпион СССР 1957 г. Второй призер чемпионатов СССР 1955, 1956, 1958 гг. Третий призер 1950, 1951, 1954, 1959, 1960 гг. Провел 300 матчей, забил 379 голов. Четыре раза был самым результативным игроком чемпионатов СССР (1949 г. — 29, 1955 г. — 41, 1957 г. — 32, 1958 г. — 40). Обладатель Кубка СССР 1951 г. Финалист Кубка СССР 1952 и 1954 гг.*

Чемпион VII зимних Олимпийских игр. Чемпион мира 1954 и 1956 гг. Чемпион Европы 1954—1956, 1958 и 1959 гг. Второй призер чемпионатов мира 1955, 1957—1959 гг., чемпионата Европы 1957 г. Сыграл на этих турнирах 42 матча, забил 36 голов. Лучший бомбардир олимпийского турнира, чемпионата мира и Европы 1956 г. — 8 голов.

Становление Алексея Гурышева как игрока высокого класса невозможно представить без его первых партнеров по тройке, с которыми он начинал свою спортивную биографию, осваивал премудрости высшей школы хоккея.

На левом фланге атаки выступал Петр Котов. Выросший в столице, он с детского возраста пристрастился к хоккею с мячом, в 14 лет стал выступать за юношескую команду клуба «Старт», а в суровом сорок втором пошел работать на авиационный завод и одновременно начал играть за команду мастеров «Крылья Советов». Московские болельщики особенно запомнили его в финале Кубка СССР 1946 года, где Котов единодушно был признан одним из героев матча вместе со своим неизменным партнером по линии атаки Гурышевым. А в декабре они уже выступали в одной связке за команду родного клуба по хоккею с шайбой.

И здесь Петр отлично проявил себя. Он отличался тонким пониманием игры, умением в каждой конкретной ситуации найти нестандартный ход, был очень силен в обводке. И главное — отлично взаимодействовал со своими партнерами, особенно с Гурышевым, для которого специально создавал наивыгоднейшие положения.

Сходная судьба и у правого крайнего этого звена Сергея Митина. Он выступал в той же команде по хоккею с мячом и одновременно с Гурышевым и Котовым перешел на «шайбу», стал неразрывной частью первого, ударного, звена только что сложившейся команды. Отличался хорошей скоростью, но самыми ценными качествами этого спортсмена, принесшими ему глубокую любовь и признание болельщиков, являлись отвага и настойчивость. Для Митина в игре, казалось, не существовало слова «нет», не было неразрешимых задач. Если что-то не получалось с первого, со второго раза, Сергей не отчаивался, не смирялся, а продолжал действовать с еще большей энергией, заражая и увлекая своим энтузиазмом, своей непоколебимой решимостью товарищей.

Созданная в сорок седьмом году, команда в этом же сезоне начала выступать в высшей лиге и сразу же заявила о себе во весь голос, войдя в шестерку сильнейших (чемпионат 1948 года). В следующем сезоне она уже на четвертом месте, в пятидесятом завоевывает бронзовые медали.

В этом процессе становления и взлета трудную, но приятную роль ускорителя взяла на себя тройка Котов — Гурышев — Митин. Именно она закладывала традиции коллектива, оказывала решающее влияние на формирование стиля и «характера» всей ледовой дружины. Здесь, в этой тройке, окрепло мастерство Алексея Гурышева, выросшего в одного из признанных лидеров отечественного хоккея. Но в 1950 году покинул клуб и перешел в команду ВВС Петр Котов, лопнула струна в идеально отлаженном, безупречно звучащем инструменте. Именно тогда руководители команды приняли решение сформировать вокруг авторитетнейшего центрального нападающего новое звено, которое виделось им в перспективе еще более сильным и грозным для соперников.

Одним из его новых партнеров стал Михаил Бычков. Спортивная биография его началась в подмосковном городке Люберцы, где еще четырнадцатилетним мальчишкой он играл в хоккей с мячом и в футбол за сборную школы № 1. В суровую пору военных испытаний он там же работал на заводе и выступал за коман-

ды спортивного клуба «Сельмаги». Летом 1946 года мне довелось увидеть его в матче против сильной футбольной команды «Красное знамя» из Орехово-Зуева. Событие это не бог весть какое в спортивной жизни страны, но мне оно врезалось в память.

За двадцать пять минут до окончания матча гости вели со счетом 2:0. Над стадионом висела тягостная тишина. Создавалось впечатление, что обе команды смирились с происшедшим. И только очень внимательный наблюдатель мог бы заметить, как по-прежнему непокорен, зол, агрессивен правый защитник «Сельмаша» — невысокого роста, коренастый, удивительно быстрый и резкий игрок.

Вот он рванулся с мячом по своему флангу, четким финтом обошел одного соперника, второго, прошел к самой лицевой и точно, с оттяжкой в глубину поля подал мяч. Тишина разорвалась, стадион ахнул: лишь на какое-то мгновение не успел к этой передаче центральный нападающий. Мяч выбил вратарь, но вернувшийся в свою сторону защитник снова в движении, идет на сближение с соперниками, притягивает их на себя и вдруг точным пасом выводит на открытую позицию своего партнера. Удар — гол!

Не успели начать с центра поля, как защитник, сразу оказавшийся в фокусе внимания трибун, безмерно полюбившийся им, оказался в гуще событий. За ним просто было радостно, весело наблюдать, радоваться его, казалось, неиссякаемой физической силе, его энергии, его огромному желанию переломить ход матча и доставить удовольствие своим землякам. И когда за три минуты до финального свистка хозяева поля провели в ворота соперников третий, решающий, гол, стадион, раскачиваемый волнами страстей, накатывал, словно в прибой:

— Мо-ло-дец, Бычков!

— Сла-ва Мише!

А через два дня в местной газете был напечатан отчет об этом матче, в котором аккуратно перечислялись фамилии игроков, забивших голы, и не было ни одного слова об истинном «виновнике» победы.

Эта история не раз вспоминалась мне, когда я стал пристально следить за хоккейной командой мастеров московского клуба «Крылья Советов». Как часто в ее успехи правый нападающий Миша Бычков вносил огромную долю своего труда, энергии, задора, неистощимой воли, упорства, но... писали и говорили чаще про других. Он никогда не обижался на это, был искренне равнодушен к славе.

— Я чернорабочий в хоккее! — говорил он своим друзьям и болельщикам.

Михаил Бычков был замечен в люберецкой команде специалистами и приглашен в основной состав знаменитого в ту пору сталинградского «Трактора», а с 1949 года выступал за мастеров московского «Торпедо».

Во всех футбольных клубах Бычков неизменно выступал на месте правого защитника. Играл он очень хорошо, надежно, быст-

ро разгадывал замыслы нападающих, смело вступал с ними в единоборство. В течение каждого хоккейного матча он выполнял колоссальный объем работы. Во время атаки соперников немедленно возвращался в зону, успевал занять свое место у ворот и действовал как фактический третий защитник. Больше того, он, по существу, руководил оборонительными действиями пятерки. А как только шайба была перехвачена, немедленно включался в атакующие действия, на полной скорости мчался вперед вдоль борта, четко и умело взаимодействуя со своими партнерами по тройке.

В дополнение ко всему сказанному следует отметить такое важное, на наш взгляд, качество, присущее Бычкову, как полное игровое бескорыстие. Он никогда не гнался за славой, за количеством забитых шайб, не стремился выделиться хоть в чем-либо. В хоккее он избрал для себя амплу «маленьких ролей», но каждую из них исполнял с предельной самоотверженностью, с максимальной отдачей сил. Он был человеком такого склада, что ему доставляло истинное удовольствие делать в команде именно то, что не хотят, а может быть, и не умеют делать другие.

Его послужной список выглядит весьма внушительно. *Бычков Михаил Иванович. Родился 22 мая 1926 г. Заслуженный мастер спорта (1954 г.). Чемпион СССР 1957 г. Второй призер 1955, 1956, 1958 гг. Третий призер 1951, 1954, 1959 и 1960 гг. Провел более 280 матчей, забил 203 гола. Обладатель Кубка СССР 1951 г. Финалист Кубка СССР 1952 и 1954 гг.*

Чемпион мира 1954 г. Чемпион Европы 1954 и 1955 гг. Второй призер чемпионата мира 1955 г. Третий призер VIII зимних Олимпийских игр и чемпионата мира 1960 г. Сыграл на этих турнирах 21 матч, забил 5 голов.

В динамике «гурышевской» тройки, в ее могучем, неиссякаемом атакующем потенциале, в ее высокой результативности Николаю Хлыстову принадлежит исключительная роль.

Главным достоинством, главным козырем, главным тактическим оружием Николая Хлыстова была скорость. Скорость по тем временам огромная, причем опирающаяся на великолепную маневренность, на зрелое и тонкое тактическое мышление. Вдобавок к этому Николай владел редким по точности пасом, что делало его особенно опасным для соперников и незаменимым для партнеров в атаке.

Остановить наступательный порыв Хлыстова было практически невозможно. Он вихрем проносился мимо противоборствующих защитников, врвался в пространство за воротами и, отлично видя все в поле, почти безошибочно определял, когда и как наилучшим образом отдать пас Алексею Гурышеву. Именно в этом видел весь смысл, всю суть, всю главную направленность своей хоккейной жизни Николай Хлыстов. Если, например, Всеволод Бобров был великим снайпером хоккея, великим забивающим, то Хлыстов — великим подыгрывающим. Ни на мгновение не умаляя выдающихся заслуг лидера тройки Алексея Гурышева, мы все же должны вспомнить и честно сказать: подавляющее большинство

передач Хлыстова делалось с такой четкостью и ясностью мысли, с такой поистине ювелирной точностью, что казалось — не забыть их просто невозможно.

Сейчас, подчиняясь установленной структуре, я привожу основные данные: *Хлыстов Николай Павлович Родился 10 ноября 1932 г. Заслуженный мастер спорта (1954 г.). Чемпион СССР 1957 г. Второй призер 1955, 1956, 1958 гг. Третий призер 1950, 1951, 1954 и 1960 гг. Провел около 250 матчей, забил 149 шайб. Обладатель Кубка СССР 1951 г. Финалист Кубка СССР 1952 и 1954 гг. Чемпион VII зимних Олимпийских игр. Чемпион мира 1954 и 1956 гг. Чемпион Европы 1954—1956, 1958 гг. Второй призер чемпионатов мира 1955, 1957, 1968 гг. и чемпионата Европы 1957 г. Сыграл в этих турнирах 34 матча, забил 6 голов.*

Итак, родилась новая тройка Бычков — Гурышев — Хлыстов. Удивительная, по мнению многих, тройка, где каждый из «актеров» имел свое ярко выраженное амплу. «Полузащитник» Бычков, на которого падала вся тяжесть работы в обороне и который тем самым практически освобождал Гурышева от обязанности глубоких отходов в свою зону; стремительный, изумительно подыгрывающий Хлыстов, верный ассистент лидера, и, наконец, Гурышев.

Сейчас, когда накоплен большой опыт, когда советская школа хоккея обосновала свои основные методические и практические принципы, в самую пору задаться вопросом: как же выглядит такое построение с точки зрения ведущих теоретиков и практиков?

Увы, побеседовав со многими нашими тренерами, педагогами, исследователями, я пришел к выводу, что единого ответа мы здесь не имеем.

— Построение атакующего звена, в котором кто-то заблаговременно объявляется главным забивающим, а кто-то откровенно подыгрывающим, неправомерно, даже вредно, — утверждает заслуженный тренер СССР Анатолий Владимирович Тарасов.

— А я не исключаю такого подхода не только в историческом плане, но и с точки зрения сегодняшнего дня, — как бы спорит с ним заслуженный тренер СССР Аркадий Иванович Чернышев.

— Конечно, идеальный вариант, когда все в звене все могут и хотят делать. Но ведь жизнь нам редко преподносит в виде подарков идеалы! А тогда высший смысл и высший принцип использования личности в тройке я вижу в том, чтобы наилучшим способом реализовать индивидуальные качества каждого игрока на пользу его партнерам и команде в целом.

В ударном звене московского клуба «Крылья Советов» так и поступали. И тройка Гурышева стала одной из самых ярких, самых примечательных в истории нашего хоккея. Долгое время именно она держала абсолютный рекорд результативности в чемпионатах страны — 731 шайба, обойдя в этом смысле и армейские, и динамовские тройки своего времени. Сила и слава знаменитого в ту пору столичного клуба «Крылья Советов» во многом держались на ней.

Так, когда «Крылышки» в 1957 году выиграли звание чемпиона страны, газета «Вечерняя Москва» справедливо отмечала:

«Этот успех завоевала своим упорством и мастерством вся команда, но все-таки особенно значителен вклад в общую победную копилку тройки, возглавляемой замечательным мастером хоккея, чемпионом мира и олимпийских игр Алексеем Гурышевым. Львиная доля шайб, забитых «Крыльями Советов» в ворота соперников, приходится именно на его звено».

Игру «Крылышек» всегда шли смотреть с большим интересом. Действия этой команды в большей степени, чем ВВС, ЦДСА, «Динамо», отличались порывом, импровизацией, непредсказуемостью.

Подчеркну еще раз, что решающее начало здесь шло от Николая Хлыстова. До сих пор стоит перед глазами его неповторимый, не знающий себе равных дриблинг. Думаю, не погрешу против истины, если скажу, что и сегодня, в наши дни, «дриблинг Хлыстова» остается образцом хоккейной тактики.

— Его характеризовали поистине акробатическая гибкость, редчайшее умение управлять своим телом на огромной скорости, естественность и убедительность обманных движений. Удержать, разгадать Хлыстова было практически невозможно, — говорил мне совсем недавно заслуженный мастер спорта Николай Михайлович Сологубов.

Пара Хлыстов — Гурышев относилась, да и сейчас относится, к таким хоккейным дуэтам, в которых один исполнитель немислим без другого. Такие сочетания возникают не часто, но если бы было иначе, слова «гениальность» и «исключительность» потеряли бы свое значение. Михаил Бычков великолепно дополнял этот дуэт, избавляя своих великолепных партнеров от многих забот и хлопот, предоставляя им прекрасную возможность полностью раскрыть свои великолепные качества в самом важном и главном — в атаке.

Так и действовала эта тройка — одна из лучших в советском хоккее той поры. Смелая, решительная, необыкновенно интересная и содержательная ее игра была подлинным украшением каждого матча, в котором выступала команда «Крылья Советов».

Богатым был ее вклад и в успехи сборной на международной арене. В 1954 году на чемпионате мира звено провело в ворота соперников 7 шайб (Гурышев — 5, Бычков — 2), на чемпионате 1955 года — 11 (Гурышев — 7, Хлыстов — 2, Бычков — 2). Причем многие из этих шайб были забиты тройкой в наиболее важных матчах, против основных соперников —

Однако тренеры главной команды страны считали, что тройка Гурышева может дать значительно больше, и с этой целью в 1956 году перед поездкой в Кортина д'Ампеццо Михаил Бычков был заменен Юрием Пантюховым, нападающим армейской команды.

Этот спортсмен отличался высокой скоростью, резкостью, отвагой. Но, прикрепленный к связке Хлыстов — Гурышев, он ее не усилил, так как в своем армейском коллективе играл совсем в другую

игру», трудно шел к взаимопониманию со своими новыми партнерами. К тому же уход Михаила Бычкова из звена ослабил его оборонительный потенциал.

Эксперимент со звеном Гурышева был первым отступлением от курса на точное, неукоснительное соблюдение принципа, принятого при первоначальном комплектовании главной команды страны: «тройки сборной — тройки клубов». Он себя не оправдал. Еще ясней, очевидней стала истина: сыгранность — великое оружие, фундамент волевой закалки и мастерства.

Однако обратного решения никто не принимал (для этого пришлось бы признаться в неверности такого решения), и третья тройка сборной, так блестяще начавшая свою карьеру, доигрывала в обновленном составе. Доигрывала в трудную для нас пору.

Конец пятидесятых годов. На чемпионате мира 1957 года в Москве распалась знаменитая «бобровская» тройка. Ушли следом «в запас» динамовцы. В боевом строю осталась только тройка из «Крылышек». На чемпионате мира в Москве именно на нее выпала вся тяжесть ответственности. Третья тройка стала первой. Она не только отлично играла — она учила молодежь, она передавала ей эстафету непосредственно в кипении яростных ледовых сражений, она учила мужеству и мастерству. В Москве эта тройка провела 18 шайб (Пантюхов — 7, Гурышев — 8, Хлыстов — 3). Но на чемпионате мира следующего года, в Осло, ее игра заметно поблекла. Ушел из большого спорта Хлыстов. Гурышев играл еще на чемпионате мира 1959 года в Праге, но уже с новыми партнерами — Крыловым и Николаем Снетковым. А в олимпийском турнире 1960 года в Скво-Вэлли в сборной вновь появился Михаил Бычков в связке с Гребенниковым и Цициновым.

Но все это уже было лишь слабой тенью прекрасного прошлого. Ибо лучшее время для них, этих замечательных хоккеистов, было, конечно, тогда, когда они втроем, плечо к плечу, Михаил Бычков — Алексей Гурышев — Николай Хлыстов, выходили на лед сражаться за свой клуб, за сборную страны и бесстрашно неслись вперед на крыльях победы и славы.

Глава четвертая

НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ

Я снова возвращаюсь к чемпионату мира 1957 года по хоккею с шайбой, который проходил в советской столице.

Чемпионат мира в Москве! Это было тогда не просто приятной вестью для советских спортсменов и миллионов болельщиков, получивших возможность воочию увидеть сильнейшие сборные мира. Это было глобальным признанием нашего хоккейного авторитета.

Советская столица прекрасно подготовилась к проведению турнира. Именно тогда вступил в строй Дворец спорта в Лужниках. Сегодня такой привычный, обыденный, он казался нам в те дни чудом — ведь впервые получили помещение, где можно было иг-

рать в хоккей, где спортсменам не грозили ни снег, ни дождь, ни ветер.

Однако в полной мере его услугами организаторам чемпионата воспользоваться не удалось: желающих оказалось так много, что главные матчи решили проводить на ледяном поле, залитом у Южной трибуны Большой спортивной арены Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Ежедневно сюда приходило до 50 тысяч зрителей. Думаю, что это можно с полным основанием принять за неофициальный мировой рекорд посещаемости хоккейных матчей.

Откровенно говоря, мы искренне и убежденно ждали триумфа своей команды. Но этого не произошло. Не проиграв ни одной встречи, сделав две ничьи со сборными Чехословакии (2:2) и Швеции (4:4), сборная Советского Союза вынуждена была довольствоваться второй ступенькой на пьедестале почета.

Этот относительный неуспех, свалившийся на нас в отсутствие таких грозных соперников, как сборные Канады и США, вызвал много вопросов и кривотолков.

«Что произошло? — патетически вопрошали заголовки газетных статей.

А произошло нечто совершенно естественное и закономерное: сила «первой волны» в нашем хоккее ослабла, начался процесс смены поколений, почти всегда и везде протекающий болезненно.

Старая гвардия сделала свое великое, славное дело. Она подняла наш хоккей до мировых и олимпийских высот. Но слишком поздно наши «звезды» вышли на международную арену, слишком короткий срок выпал здесь на их долю. В самом деле, в пятьдесят седьмом Всеволоду Боброву исполнилось 35, Евгению Бабичу — 36, Виктору Шувалову — 34, за тридцать или около тридцати было и многим другим героям Стокгольма и Кортина д'Ампеццо. Они славно поработали на ледяном поле, но... всему бывает конец.

Но на смену ветеранам уже подрастала молодежь, уже накатывалась «вторая волна» талантов в истории нашего хоккея. Это было поколение игроков, которое восприняло новую для нас игру как нечто естественное и родное. Это были те самые мальчишки, что играли в конце сороковых годов на всех московских бульварах и в узеньких двориках старых столичных домов в Пучкова и Гурышева, в Боброва и Бабича.

В советском хоккее с шайбой наступала новая эпоха. В нем зрели силы, которым суждено было не только вернуть ему на время утерянную славу, но и значительно умножить ее.

И вот уже в 1957 году в составе сборной СССР мы увидели совсем молодое звено в составе 24-летнего Константина Локтева, 20-летнего Вениамина Александрова и 25-летнего Александра Черепанова. В этом составе они уже в течение нескольких сезонов выступали за свой клуб ЦСКА, были довольно хорошо известны спортивной публике, но в главную команду страны получили приглашение впервые.

Дебютанты сразу заявили о себе. Если звено Бабич — Уваров — Бобров с учетом четырех шайб подключавшегося к ним Вла-

димира Гребенникова провело 18 шайб, звено Пантюхов — Гурышев — Хлыстов—18, то «озорные мальчишки», как окрестили новичков болельщики, забили 25 (Локтев — 11, Александров — 8, Черепанов — 6). В том же составе тройка поехала в пятьдесят восьмом году в Осло и вновь оказалась самой боевой, самой результативной в нашей сборной— 19 (Локтев — 7, Александров — 8, Черепанов—4). На следующий сезон место Черепанова занял в ней Юрий Пантюхов, но сыграли слабее, забив каждый по 3 шайбы (тройка Евгения Грошева—18, тройка Гурышева — 8). В этом звене, все время ощущалась какая-то явная недосказанность, незавершенность, и старший тренер ЦСКА Анатолий Владимирович Тарасов (он же в течение 1958—1960 годов старший тренер сборной СССР) прекрасно чувствовал это.

Человек, всегда устремленный в будущее, Тарасов прекрасно понимал, что мировой хоккеем меняется на глазах, приобретает новые качества и свойства. Задолго до других наших педагогов он почувствовал, что в самом недалеком будущем нашим спортсменам предстоят встречи с куда более сильными и опытными соперниками, чем прежде. Еще в самом начале шестидесятых годов, когда других пугала мысль об этом, Тарасов не только провозгласил необходимость, полезность встреч с канадскими профессионалами, но и смело заявил, что их можно побеждать.

Анатолий Владимирович не только мечтал. Он практически готовил себя, свой клуб, нашу сборную к этим встречам, к будущему, к таким большим победам, о которых пока лишь он один имел более или менее отчетливое представление. Для грандиозных ледовых спектаклей, которые замышлял этот великий хоккейный режиссер, нужны были свои исполнители. И он уже видел их.

...Весной 1955 года я увидел впервые на льду Вениамина Александрова в связке с Евгением Бабичем и Виктором Шуваловым. В день своего дебюта в команде мастеров, в команде-чемпионе он бросался в глаза, выделялся неповторимым изяществом, редкой для дебютанта красотой и точностью движений.

Об этом спортсмене хочется сказать какие-то очень теплые, душевные и, не побоюсь выпренности, возвышенные слова. Он их вполне заслуживает. Мне кажется, что если бы все играли в хоккей так, как Александров, эта игра стала бы еще прекрасней, мудрее и благородней. Он вносил в нее поэзию движения, удивительную красоту сочетания мысли и действия, какой-то свой, утонченный, подкупающий, артистизм.

Главным достоинством, решающей силой Вениамина Александрова была доведенная до совершенства техника. Любой сложный прием в его исполнении казался до обидного простым, доступным каждому. Но вот беда — сделать что-либо так, как делал Вениамин, никто не мог.

Его заслуга перед советским хоккеем состоит в том, что выступал он как творец-новатор, который открыл много новых, очень интересных приемов и довел до такого блеска, такого предельного совершенства уже известные, что они выглядели как новые.

— Попробуй сыграть по-александровски, — предлагал на тре-

нировках молодым хоккеистам армейского клуба Анатолий Владимирович Тарасов.

Это значило сыграть «чисто», легко, непринужденно.

Болельщики откровенно делят свои симпатии между ЦСКА, «Спартаком», «Динамо», «Крылышками» и соответственно выбирают себе кумиров. Что касается Александрова, то его любили все.

Правда, справедливости ради следует отметить, что восприятие Вениамина Александрова, оценка его игровых достоинств были в одном неоднозначны. Видя, что армеец далеко не всегда охотно идет на силовую борьбу, определенная часть болельщиков считала его чуть ли не трусом. Да, дело доходило вплоть до таких обвинений. Имели ли они под собой какие-либо основания?

В качестве ответа на этот имеющий большое моральное значение вопрос приведем следующий в свое время широко обнародованный нашей печатью факт. В 1959 году представители известного профессионального канадского клуба «Торонто мэйпл лифс», приехавшие наблюдателями на очередной чемпионат мира, предложили Вениамину Александрову выгодный контракт и твердые гарантии на место в основном составе клуба, если контракт будет заключен.

— Мы считаем, что этот хоккеист как бы создан для нашей манеры игры, для нашего понимания и воплощения ее, — заявили заокеанские «покупатели».

Вспоминаю об этом не ради пикантности факта, не ради голый занимательности. Приглашение, последовавшее от ведущего канадского клуба в пору относительных неудач нашего хоккея и притупившейся на некоторое время мощи нашей сборной, чрезвычайно важно, как показатель истинной цены Вениамина Александрова. Труса, спортсмена, умышленно уклоняющегося от силовой борьбы, канадцы не только не звали бы к себе — они бы и разговаривать не стали.

Специалисты из Канады — знатоки глубокие, тонкие — прекрасно разглядели в Вениамине Александрове то, чего не могли увидеть и понять некоторые наши болельщики. А именно то, что со своей скоростью и техникой Александров всегда опережает, обгрызает самых грозных, самых «непроходимых» защитников. Они искали с ним встреч, «стычек», «дуэлей», они мечтали о том, чтобы своим телом, безжалостным силовым приемом остановить его, а он... не давался, уходил от ловушек, прорывался к чужим воротам и наносил свой решающий удар. Вот каким он был, этот «трус», а если говорить всерьез — этот бесстрашный хоккейный боец Вениамин Александров.

Хочу подчеркнуть еще и еще раз: Вениамин Александров был смелый, решительный и мужественный хоккеист. Уже одно количество заброшенных им шайб — 345 — говорит само за себя: трус ничего и никогда не добьется в атаке. Вениамин Александров долгое время оставался самым результативным игроком нашей сборной, забив на чемпионатах мира и олимпийских играх 66 шайб в ворота соперников. В шестьдесят шестом году на очередном чемпионате мира в Любляне он показал наивысшую результативность

среди всех участников. Одним из самых метких форвардов оказался он и на следующий год, в Вене. И это в трудных, резких, бескомпромиссных поединках с канадцами, чехами, шведами, где каждая шайба ценится на вес золота! Только истинно мужественный спортсмен, умеющий рисковать где нужно, не задумываясь о последствиях вступать в отчаянные единоборства, быть в гуще схваток, мог добиться такого результата.

В самом деле, шайбу в матчах с сильным соперником не забьешь, если не станешь стремиться к обострениям. Ведь поразить ворота, которые защищают такие кудесники, как Сет Мартин, Лейф Холмквист, Владимир Дзурилла, с фланга или от синей линии практически невозможно. Значит, надо стремиться поразить цель с близкого расстояния, с удобной острой позиции. А зона броска охраняется очень внимательно. Только проявляя отчаянную смелость, только сознательно вступая в решительную борьбу с защитниками, можно рассчитывать на успех. Взятие ворот в острой атаке, когда хоккеисты мчатся на высоких скоростях, всегда связано для спортсмена с определенным риском. Вениамин Александров не уходил от него.

Как уже говорилось выше, Вениамин Александров дебютировал в-команде мастеров ЦСКА, в ее первой тройке. И в этом, безусловно, есть своя символика. Великие спортсмены, равно как великие поэты, художники, композиторы, неповторимы. И все-таки находятся люди в следующих поколениях, которые впитывают в себя какие-то очень характерные, очень важные и примечательные их черты. Об Александрове говорили: «Это Бобров шестидесятых годов».

Говорили и при самом Всеволоде Михайловиче. Он улыбался своей прекрасной, излучающей доброту улыбкой и говорил:

— Не возражаю.

И вспоминалось, как, еще оставаясь на льду, великий бомбардир любовно, уважительно, очень серьезно опекал Веню, помогал ему, работал с ним.

— Талантище, — говорил он об Александрове. — Жалко будет, если не раскроется полностью.

Но Александров не дал нам повода для жалости. Его талант раскрылся полностью, и на протяжении многих лет этот спортсмен был подлинным украшением советского хоккея. Тут весьма кстати вспомнить, что именно ему принадлежит абсолютный рекорд (пусть официально никем и не регистрируемый): он двенадцать раз подряд участвовал в чемпионатах мира! И как участвовал! Почти каждый турнир на высшем уровне был в известной мере триумфом Александрова, еще одним проявлением его выдающегося мастерства.

Однажды великого форварда Мориса Ришара спросили, как удалось ему забросить свыше 500 шайб, играя против таких сильных соперников, какими являются профессионалы высшей канадо-американской лиги. На это Морис ответил следующее:

— Во-первых, я всегда отчетливо видел цель. Во-вторых, всегда старался обмануть вратаря с помощью финта или паузы, когда нервы голкипера не выдерживают и он начинает двигаться

в сторону предполагаемого полета шайбы. А еще я всегда старался терпеть, не обращая внимания на удары охотившихся за мной защитников...

Бесспорно, наш Вениамин Александров по манере, по философии своей игры, по умению сохранять спокойствие, высшую расчётливость в самой горячей ситуации как раз и напоминал Мориса Ришара — этого непревзойденного мастера атаки.

Впрочем, величие этого спортсмена было признано еще задолго до того, как была задумана эта книга. Вспоминается 1968 год, столица Белой Олимпиады Гренобль. На одной из его улиц, ведущей к ледовому дворцу и стадиону, была устроена галерея прославленных героев этих торжественных спортивных форумов. Здесь можно было увидеть суровое, мужественное лицо норвежца Торлейфа Хауга, открывшего счет чемпионов лыжни, замечательного финского скорохода, покорителя ледовых дорожек Класа Тунберга, кудесницу Сони Хени, непобедимого Тони Зайлера... В этой замечательной компании мы увидели и портрет Вениамина Александрова. Под ним стояла следующая подпись:

«Ведущий игрок сильнейшей хоккейной команды мира. Олимпийский чемпион и чемпион мира. У себя на родине известен как виртуоз техники. Один из тех, кому русская команда обязана своими громкими победами».

Таким он был, таким он остался в нашей памяти, в славной истории прекрасной игры.

Александров Вениамин Александрович. Родился 18 апреля 1937 г. Заслуженный мастер спорта (1963 г.) ЦСКА. Чемпион СССР 1956, 1958—1961, 1963—1966, 1968 гг. Второй призер 1957, 1967, 1969 гг. Третий призер 1962 г. Обладатель Кубка СССР 1955, 1956, 1961, 1966—1969 гг. Провел в этих соревнованиях около 400 матчей, забил 345 голов. Лучший бомбардир чемпионата страны 1963 г. — 53 шайбы. Два раза входил в список шести (1966 и 1968 гг.) и восемь раз (1960—1968 гг.) в список 34 лучших хоккеистов сезона.

Чемпион IX и X зимних Олимпийских игр. Чемпион мира 1963 — 1968 гг. Чемпион Европы 1958—1960, 1963—1968 гг. Второй призер чемпионатов мира 1957—1959 гг., чемпионатов Европы 1957 и 1961 гг. Третий призер чемпионатов мира 1960 и 1961 гг., VIII зимних Олимпийских игр. Сыграл на этих турнирах 76 матчей, забил 66 голов.

А теперь рассказ о бесменном напарнике Александрова. Так получилось, что они вышли на лед за команду мастеров ЦСКА в один час и в один день. Вениамин Александров в связке с Бабичем и Шуваловым, Константин Локтев — во второй тройке — с Черепановым и Копыловым, заменив выбывшего Брунова.

Константин Локтев начал играть в хоккей еще в сорок седьмом году в юношеской команде «Спартак», а через пять лет перешел в команду мастеров этого клуба и отыграл за нее два сезона. После призыва в ряды Советской Армии определился в ленинградском СКА. Здесь-то и «разглядел» его по-настоящему Анатолий Тарасов и пригласил в свой прославленный коллектив.

— Вот достойный партнер для Веньки Александрова и для кого-то третьего, которого мы обязательно найдем! — сказал самому себе неисправимый мечтатель.

Константин Локтев! Произносишь это звонкое, как строка из марша, имя, и перед тобой невольно возникают радостные видения: вихрь ожесточенных атак, сверкание льда, волнительный перестук клюшек, тревожный красный свет за чужими воротами и неугомонный рев трибун.

Ты слышишь упоительные звуки хоккея, потому что хоккей и Константин Локтев в нашем сознании, в нашей памяти неотделимы.

В этом спортсмене наш хоккей нашел поистине уникального мастера. Повторить Локтева было невозможно. Ибо сочетал он в себе столь разнообразные достоинства, что соперничать с ним не мог уже никто. Костя выполнял на площадке огромную «черновую» работу, он успевал всюду, но — одновременно — являлся главным конструктором любого звена, в составе которого выступал, источником его жизненной энергии, его творческого поиска.

У Константина был отличный дриблинг, великолепная обводка, и не находилось ни в наших командах, ни в лучших зарубежных опекуна, который бы справился с ним в одиночку. И потому Локтев, как правило, отвлекал на себя не одного, а двух соперников, освобождая тем самым простор для партнеров.

Очень любил он играть в пас. Считал, что это самое интересное и самое важное в хоккее. К голам, к славе никогда не рвался. Вспоминается: сколько раз Костя мог спокойно, без помехи поразить в тот или иной момент атаки ворота соперников! Но когда был рядом партнер, он, если это хоть в какой-то мере позволяла обстановка, обязательно отдавал ему шайбу, чтобы успеха добился товарищ.

Особенно важно подметить, что Локтев прекрасно понимал хоккей, отлично разбирался в его «внутреннем механизме». В самой горячей схватке, отчаянно борясь за шайбу, он в то же время успевал уследить за всеми перемещениями партнеров, и это делало каждый его последующий ход особенно сильным и точным. Более того, во время матча он то и дело подсказывал партнерам, как лучше действовать, и они всегда с вниманием, с искренней благодарностью принимали его советы.

А вот еще один характерный штрих его спортивного характера. Равнодушие к славе, к голам уживалось у Константина с невероятно обостренным самолюбием. Локтев никогда и ни с кем не шел на компромисс, всегда смело и последовательно отстаивал свою собственную точку зрения, свой взгляд.

В своей тройке, достаточно скоростной вообще, Константин Локтев обладал самой высокой скоростью. Именно скорость в сочетании с первоклассной и, что особенно важно, «нестандартной» техникой были тем прочным фундаментом, на котором строились действия этого хоккейного мудреца. Часто, первым врываясь в зону соперников, он становился зачинателем многих комбинаций своей тройки. Комбинаций, рожденных по наитию, но всегда ста-

новившихся образцами высокого хоккейного искусства, проявлением его непревзойденных организаторских способностей. Недаром на долгие годы за ним укрепилось прозвище «дирижер».

С трибун Локтев, быть может, смотрелся иногда хуже своих партнеров— ему не хватало подчеркнутой элегантности Александрова или величавого спокойствия Альметова. Но тот, кто по-настоящему разбирался в хоккее, прекрасно видел, сколь велик вклад этого спортсмена в общую силу и мощь своего звена. И не случайно на чемпионате мира 1966 года в Любляне специальное техническое бюро признало лучшим форвардом этого представительного турнира именно его.

Локтев Константин Борисович. Родился 16 апреля 1933 г. Заслуженный мастер спорта (1964 г.). «Спартак» (Москва) — 1952—1953 гг., СКА (Ленинград) — 1953—1954 гг., ЦСКА — 1954—1966 г.

Чемпион СССР 1955, 1956, 1958—1961 гг., 1963—1966 гг. Второй призер чемпионата СССР 1957 г. Третий призер 1962 г.

Провел около 350 матчей, забил 213 голов. Лучший бомбардир чемпионата 1959 г. (27 голов). Обладатель Кубка СССР 1955, 1956, 1961, 1966 гг. Два раза (в 1958 и 1965 гг.) входил в список шести и шесть раз (1959—1966 гг.) 33 и 34 лучших хоккеистов сезона.

Чемпион IX зимних Олимпийских игр. Чемпион мира 1964—1966 гг. Чемпион Европы 1958—1960 гг., 1964—1966 гг. Второй призер чемпионатов мира 1957—1959 гг. и чемпионатов Европы 1957, 1961 гг. Третий призер чемпионатов мира 1960 и 1961 гг. и олимпийского турнира 1960 г. Сыграл на этих турнирах 58 матчей, забил 50 голов. Признан лучшим нападающим чемпионата мира 1966 г.

Итак, связка была найдена и определена: в центре — Александров, на правом краю — Локтев. Стабильного левого края здесь пока еще не было.

Новая, молодая тройка рождалась в трудное время. После блистательных, сенсационных побед в Стокгольме и Кортине д'Ампеццо сборная СССР, переживавшая серьезные изменения в составе, вступившая в полосу смены поколений, несколько отступила с завоеванных позиций. Но «разбалованные» советские зрители — да и не только зрители — уже не могли простить ей этого. Не могли правильно оценить это явление обозреватели той поры, не могут оценить и те, кто обращается к истории.

А между тем это не такие уж «позорные» годы. Советская сборная не была в эти годы первой, но ее авторитет, ее право считаться одной из лучших оставались непоколебимыми. В эти трудные годы, на рубеже двух эпох, она накапливала силы и опыт для будущего. И это будущее уже явственно проглядывало в действиях, в облике молодой армейской тройки.

1957 год. Чемпионат мира в Москве. Звено выступает в составе Локтев — Александров — Черепанов. За ним рекордное количество заброшенных в ворота соперников шайб — 25. Но дело не только в этом. Наши опытные обозреватели в год дебюта армейцев в составе главной команды страны отмечают их интересную, свежую игру.

Уже тогда в исполнении «александровского» звена мы видели новые скорости, мы ощущали молодой задор и ту яростную жажду победы, спортивной удачи, которой, увы, уже не хватало старрой гвардии.

1958 год. Сильнейшие команды на этот раз собрались в Осло. Присутствуют все гранды мирового хоккея. Сборная СССР со счетом 4:3 побеждает команду Швеции, делает почетную ничью с находившейся в отличной форме командой Чехословакии (4:4), наносит серьезное поражение американцам (4:1) и только в упорнейшей, до последнего мгновения продолжавшейся борьбе уступает канадцам — 2:4. Почетное второе место и звание чемпиона Европы — ничего себе «позор»!

В этом турнире вновь отличилось звено Александрова, забившее наибольшее количество шайб (19 из 44) и показавшее великолепную игру, которую, к слову сказать, отметили все норвежские газеты. А наш Виктор Фролов отметил тогда, что «...когда смотришь, как от чемпионата к чемпионату растут крылья у молодежи, начинаешь куда с большим оптимизмом смотреть в будущее. Причем в самое недалекое будущее».

1959 год. Очередной смотр сил проводился на чехословацкой земле. Предварительные игры в Братиславе, Брно, Остраве, финал — в Праге. Опять наши хоккеисты достойно показали себя: дважды «положили на лопатки» сильную команду США (5:3, 5:1), кстати победившую в финале команду Чехословакии, обыграли шведов (4:2), взяли верх над хозяевами поля (4:3) и уступили только канадцам 1:3. Опять мировое серебро, опять звание чемпионов Европы и самые добрые отзывы специалистов.

На этом чемпионате звено, историю которого мы рассматриваем, выступило в несколько обновленном составе: место Черепанова занял Юрий Пантюхов. Напоминаю этот факт не случайно: он свидетельствует о том, что Тарасов все время отчетливо видел незавершенность тройки и искал пути решения «кадровой проблемы».

Однако на этот раз замена не дала желаемых результатов. По общему признанию, «александровская» тройка сыграла явно ниже своих возможностей, допустив некоторое отступление как по числу забитых шайб (9 против 18 шайб тройки Евгения Трошева), так и по общему характеру действия. В частности, именно на эту тройку была возложена главная вина за проигрыш канадцам: не хватило напористости, мастерства, умения вести борьбу непосредственно в зоне неприятельских ворот.

Доброжелательная, спокойная, но в то же время очень серьезная критика способствовала дальнейшему творческому поиску. И вот в самом начале следующего сезона в звено вводится Александр Альметов.

Альметов, как и Александров, «коренной» армеец. В пятьдесят втором он, сын кадрового военного, полковника Советской Армии, пришел в детско-юношескую спортивную школу знаменитого клуба и в течение пяти лет познавал здесь азбуку хоккея. Уже много раз останавливал на нем взгляд старший тренер команды мастеров и наконец объявил:

— Будешь играть у нас!

Через некоторое время он стал душой тройки — одной из самых лучших в истории нашего хоккея.

Безупречно разбирающийся в хитросплетениях игры, умный, по-спортивному хитрый, Альметов никогда не передерживал шайбу в мучительных поисках наилучшего тактического решения — он всегда находил его мгновенно, и шайбы, которые он забрасывал стоя спиной к воротам, удивляли всех, кроме людей, хорошо знавших этого великолепного спортсмена, который чувствовал игру, как говорят, нутром.

Когда в начале шестидесятых годов сложилась эта знаменитая тройка, игра Альметова приобрела в общем четко обозначившийся характер. Он обычно ждал пас справа, от Константина Локтева, всегда был нацелен на ворота, всегда «заряжен» на бросок. Но эта черта ничуть не мешала Александру при всей его устремленности вперед охотно и легко расставаться с шайбой. Пас Альметова был всегда идеально выверенным, своевременным и неожиданным для соперников. Излюбленный финт Альметова — «под себя» — защитники знали хорошо, но противопоставить ему не могли ничего: исполнял он его виртуозно и всегда именно в тот момент, когда противник меньше всего этого ожидал.

Советские болельщики старшего поколения, посещавшие игры чемпионатов страны и наблюдавшие телевизионные передачи с чемпионатов мира, вероятно, хорошо помнят: едва ЦСКА или сборная оставались в меньшинстве, как тренеры немедленно посылали на лед Альметова. Этому великолепному мастеру не было равных в индивидуальной борьбе, в умении поддержать шайбу, в искусстве защищаться против численно превосходящих сил противника.

Но самое главное достоинство этого хоккеиста заключалось в его умении видеть поле, чувствовать площадку, а если говорить в целом, — в его великолепной тактической подготовке.

Альметов Александр Давлетович. Родился 18 января 1940 г. Заслуженный мастер спорта (1963г.) ЦСКА. Чемпион СССР 1959—1961 гг., 1963—1966 гг. Второй призер 1967 г. Третий призер 1962 г. Провел более 220 матчей, забил 211 голов. Лучший бомбардир чемпионата Европы - 1961 г. Третий призер чемпионатов мира 1960, 1967 гг. Три раза (1961—1963 гг.) входил в список шести и девять раз (1959—1967 гг.) 34 лучших игроков сезона.

Чемпион IX зимних Олимпийских игр. Чемпион мира 1963—1967 гг. Чемпион Европы 1960, 1963—1967 гг. Второй призер чемпионата Европы 1961 г. Третий призер чемпионатов мира 1960, 1961 гг. и VIII зимних Олимпийских игр. Сыграл на этих турнирах 50 матчей, забил 37 голов.

Но перед тем, как прийти к признанию и славе, ребятам еще предстояло многое пережить и многое сделать.

Опытный педагог, человек, умеющий смотреть далеко вперед, Тарасов прекрасно понимал, что этим ребятам для грядущих свершений не подходят, как бы они хороши ни были, ни Черепанов, ни Пантюхов.

— Здесь нужен человек, не уступающий Косте и Вене ни в ско-

рости, ни в технике, ни в глубине хоккейного мышления, — говорил Анатолий Владимирович своим помощникам и коллегам. — Ведь им придется решать такие задачи, которых мы еще не решали.

Он искал и — нашел. Летом пятьдесят восьмого вызвал к себе Александра и Локтева, сказал:

— Хочу вам предложить нового партнера. — И назвал фамилию.

— Не надо нам этого зеленого юнца, — немедленно выпалил экспансивный, не умевший еще тогда сдерживать свой темперамент Локтев.

— Мы с ним не сыграем, — спокойно, но твердо поддержал товарища Александров.

Анатолий Владимирович был крут нравом и не терпел возражений. Но и приказывать, обязывать, заставлять в таком важном и тонком деле он не мог. Сказал примирительно:

— Давайте не будем считать это решение окончательным. Но попробовать надо. Этот же парень создан для вас, ребята! А вы — для него. Неужели не видите?

Прошло несколько лет, и это трио стало украшением советского и мирового хоккея. Вот тогда нам не раз доводилось слышать, как на трибунах говорили:

— Везет Тарасову. Все лучшее течет к нему...

Это были голоса обывателей, голоса людей, слабо разбирающихся в спорте. Как бесконечно далеко было подобное мнение от правды жизни! Ни талант, ни громкие имена, ни былое мастерство не обеспечивают успеха. Чтобы понять, как становятся чемпионами, как рождаются ударные звенья, надо увидеть их за кулисами хоккейного матча, надо хоть раз стать свидетелем их поистине героической черновой работы.

...Листок календаря показывал первый день августа. Над Москвой висел изнуряющий зной. У киосков с газированной водой выстраивались длинные очереди, люди перебегали на теневые стороны улиц, спасаясь от палящих лучей, а нам... было холодно. Мы сидели во Дворце спорта, ожидая начала очередной тренировки армейцев.

Мы сидели у бортиков, тронутых инеем, а за ними сверкал лед. Ровно в десять утра, как и было предусмотрено, на поле вышла армейская команда.

Начался ее обычный трудовой день. Тренировка. Первые ее двадцать минут посвящены разминке. Ребята скользили по льду, приседали, совершали такие головокружительные прыжки, что, право, им могли позавидовать цирковые акробаты, и при этом... отработывали пас. И чем сложнее становились прыжки, чем замысловатей движения, тем все строже, все непримиримее звучал голос Анатолия Владимировича Тарасова: «Не вздумайте потерять точность и внезапность передачи», «Повернитесь в прыжке на сто восемьдесят градусов, стремясь не потерять ориентировку», «Побольше работайте на опережение, побольше...»

Прошло положенное время, прозвучал свисток, и старший тренер объявил новое задание:

— Средняя зона — скоростная!

Суть этого упражнения проста: тройки относительно спокойно скользят от лицевого борта, и вдруг у синей линии — взрыв, мгновенный набор максимальной скорости. Со стороны кажется маленьким чудом это мгновенное превращение спокойного, даже несколько медлительного атлета в «реактивный снаряд», а человек, стоящий у бортика с микрофоном в руках, все недоволен:

— Взрыв, — яростно кричит он, — это не только ноги! Это — быстрота мысли! Это — быстрота паса!

И снова тройка за тройкой врываются на бешеной скорости в прямоугольник, очерченный жирными синими линиями.

Читатель, вероятно, уже заметил, что в каждом тренировочном групповом упражнении, в каждой игре, старший тренер берет за основу тройку нападения, а когда позволяют условия задачи, — всю боевую пятерку. И это — принцип, строгое правило, закон, наконец! Все устремления Тарасова были направлены на то, чтобы сколотить, слить воедино каждое игровое звено, сделать так, чтобы ребята не мыслили своей жизни на льду друг без друга, чтобы каждый свой шаг, каждый поступок, каждое действие здесь измерялось по партнеру.

И еще. Он часто заставляет ребят соревноваться внутри звена. Вот задание: общий старт от борта — кто быстрее домчится к другому. Такое же задание, но уже с ведением шайбы. Турнир на меткость попадания в ворота от лицевой линии. Тройки нападения соревнуются между собой. И результаты каждого «мини-турнира» громогласно афишируются, победители их возносятся, а проигравшим достаются колкие фразы. Словно объясняя, для чего все это делается, Тарасов говорит ребятам:

— Вы несете друг перед другом огромную ответственность, и не один не имеет права отстать перед товарищем в выучке и мастерстве...

Часы показывали десять минут второго, когда наконец был дан последний свисток. Тренировка продолжалась без перерыва три часа десять минут! А вечером ребятам еще предстояло заниматься гимнастикой, провести полтора часа на баскетбольной площадке.

Следующий трудовой день команды начался во дворе. И опять уже разминка обратила на себя наше внимание своей необычностью, умелым, интересным построением, новизной и четкой направленностью упражнений. Прыжки через барьер высотой около полутора метров, сложное задание на равновесие, игра «всадники». Расскажу подробнее про эту самую игру.

— Ну, начали, ковбои, — командует Тарасов.

И вот уже могучий Александр Рагулин взлетает верхом на Эдуарда Иванова и старается как можно дольше удержаться на нем. А Эдик делает все возможное, чтобы сбросить друга и напарника по обороне: хватает его руками, яростно подпрыгивает, выполняет резкие наклоны. Но нет, не сбросил за положенное время. Свисток. Товарищи меняются местами. А тренер просит:

— Поэнергичней действуйте, ребята. Я хотел бы, чтобы вы как можно решительнее расправлялись друг с другом.

В ответ раздается взрыв смеха. И этот смех тоже характерная черта тренировок армейцев. Они проходят весело, с постоянным включением соревновательных элементов, и все это служит хорошей эмоциональной окраской трудного, сурового дела.

После получасовой разминки, которой оказалось бы вполне достаточно, чтобы «простой смертный» свалился от усталости, начинается основная часть. На этот раз она проходила в зале тяжелой атлетики. Час двадцать минут ребята работают со штангой, гирями, резиновыми амортизаторами, на станках для жима лежа, жима ногами, выполняют упражнения с отягощениями на гимнастической стенке и параллельных брусьях.

Все время в движении, все время в работе. Когда кто-то из ребят остановился передохнуть, тренер шутливо замечает:

— Это что там за «теоретик» объявился? Кто устал, прошу выйти из зала. Здесь — только работать!

Из зала все идут на игровые площадки. Сорок минут — баскетбол. Впрочем, баскетболом это можно назвать только потому, что состязания проходят на площадке, предназначенной для этой игры. По «местным правилам» разрешается вести мяч руками и ногами, хватать и отталкивать соперника. Играют тройки против троек. Три пары защитников организуют еще две команды. И в этом тоже мы видим глубокий смысл: Анатолий Владимирович использует каждый удобный случай, чтобы сплотить и объединить звенья команды, выработать у ребят дух спортивного честолюбия, стремление, чтобы их «ячейка» всегда и во всем была неразрывной и — первой!

Потом все отправились на лед. Началась тактическая подготовка. Вот когда мы увидели «тайны» сколачивания троек. Десятки, а может быть, и сотни раз повторялись придуманные комбинации, еще и еще раз отрабатывались стандартные положения. А затем начался матч, в котором «чистая» тройка Александра Альметова выступала против звена Юрия Моисеева. Ну и пришлось в эти минуты поработать вратарям — и Юрию Овчукову и Виктору Голмачеву! Когда прозвучал финальный свисток, я посмотрел на часы: вновь от самого начала тренировки прошло три с лишним часа.

Но и сказанное не передает полностью содержания дневной нагрузки, которая получала в те дни команда. Чтобы иметь о ней сколько-нибудь ясное представление, я приведу полное расписание одного дня — 18 августа 1963 года. Утром два часа были отведены занятиям «на технику». Тридцать минут — инструктаж на предстоящую игру. Час — разбор индивидуальных занятий. А вечером — товарищеский матч с Воскресенским «Химиком». Подчеркиваю: товарищеский, ровным счетом ничего не значивший. Но Тарасов требовал:

— Надо убедительно победить. Играть на пределе возможностей. Начинает звено Альметова. Темп — вихрь!..

И так — изо дня в день, изо дня в день. Новые упражнения, задания, игры, и при этом все время растущая шкала нагрузок.

Работа на льду, в спортивных залах, на игровых площадках

все время дополнялась серьезными, систематическими занятиями по теории. Тренеры команды Анатолий Тарасов и Борис Кулагин часто выступали перед питомцами с лекциями, докладами и сообщениями. Вот темы лишь некоторых из них: «Принципиальные основы тактики современного хоккея», «Всестороннее развитие физических качеств — основа дальнейшего совершенствования игрового мастерства», «Методы и формы развития атаки»... Каждая из них открывала перед слушателями новые горизонты познания, учила подходить к игре со всей возможной серьезностью и творческой добросовестностью.

Вот в такой атмосфере предельной творческой требовательности росла, мужала, набиралась сил тройка Александра Альметова, так выросли затем здесь тройки Фирсова и Петрова. Именно ЦСКА и его старший тренер Анатолий Тарасов стали у нас рекордсменами по подготовке рыцарей атаки. Разве не достойно восхищения, что на протяжении вот уже насчитывающей три с половиной десятилетия истории нашей сборной ее — первые, ударные тройки неизменно «поставлялись» Центральным армейским спортивным клубом, неизменно были плодом творческих усилий, творческого поиска Анатолия Владимировича Тарасова!

Забота о целостности, монолитности атакующего звена, о его силе и выразительности всегда была в фокусе внимания этого человека. Каждый раз, когда команда ЦСКА выезжала на сборы, на матчи чемпионата страны в другие города, старший тренер, отнюдь не относящийся к числу людей сентиментальных, делал все возможное (а порой даже и невозможное), чтобы каждая тройка имела в гостинице отдельную комнату, сидела за отдельным столом в столовой или ресторане, располагалась на одном ряду в самолете, в автобусе, в одном купе железнодорожного вагона. Может быть, кто-либо увидит в этом не заслуживающую внимания мелочь, может быть, другим это покажется прихотью, но на самом деле это было продолжением большой, ответственной работы по созданию звена, в котором живут и действуют друзья-единомышленники.

Но, конечно, особое место старший тренер ЦСКА и сборной страны (с 1957 по 1960 год Анатолий Тарасов совмещал эти должности) уделял непосредственно техническому совершенствованию своих подопечных и тактическому образованию звеньев.

Растущий от сезона к сезону класс первой тройки в прямой пропорции поднимал класс и авторитет сборной в целом. Больше того, прибавляя в силе, в мощи, в мастерстве, «альметовско-александровская» тройка вела за собой и другие звенья своего и других клубов, она была примером, маяком, могучей притягательной силой.

Александров — Альметов — Локтев! Сегодня с этими именами ассоциируется наше предоставление об одной из самых боевых, самых замечательных, самых ярких и интересных троек нападения. Начиная с 1960 года она была бессменным и бесспорным лидером команды ЦСКА и сборной СССР. Пять раз подряд звено Альметова возвращалось с чемпионатов мира и олимпийских игр с победой. Цифровое выражение их вклада в общую копилку сборной на этих

авторитетных международных турнирах—169 шайб! Один из лучших результатов за всю историю главной команды.

Но дело, конечно, не только в этой цифре. Звено Альметова осталось в истории нашего хоккея не знающим себе равных по сыгранности, взаимопониманию, слитности.

Вспоминается 1963 год. Чемпионат мира в Стокгольме. В самом его начале наших хоккеистов, приехавших в шведскую столицу откровенно за чемпионским золотом, ожидал «ледяной душ»: поражение от шведов со счетом 1:2. А в последний день все решал матч СССР — Канада. Лишь победа, да притом с перевесом не меньше чем в две шайбы, обеспечивала нам высшую ступень на пьедестале почета.

Как важно в таком поединке начало, как важно настроить весь коллектив на нужную волну! И эту миссию взяла на себя тройка Альметова — самая опытная и самая могучая в команде. Она начала штурм ворот соперника, повела острые, головокружительные атаки.

Канадцы героически защищались. Но вот последовала очередная атака, Александров пронесся вдоль борта, срезал путь к воротам, затем сделал вид, что уходит на фланг. Да, уходит, уводит за собой защитника, но... незаметным ни для соперников, ни для тысяч зрителей движением отбросил шайбу. Ее подхватил Альметов, прошел по расчищенной территории к воротам и красивейшим ударом забил гол, несмотря на то, что защищал их сам Сет Мартин. Через несколько минут Альметов блестяще закрывает на «пяточке» канадского голкипера, и тот «зевает» дальний бросок Эдуарда Иванова. 2:0! Ключ к победе заложен, и прочно. Через пятьдесят минут «чистого» времени сборная СССР вернула себе титул чемпиона мира, которым не владела долгих семь лет.

В Стокгольме было положено начало блистательной серии побед советской сборной. Девять победных лет подряд. Кто-то однажды сказал, что все это время наша главная команда действовала как идеально отлаженная машина. Когда я вспоминаю об этом великолепном времени, то неизменно думаю, что настрой этой «машине», нужный ход, задала великолепная «альметовская» тройка. Она вела за собой в атаку остальных, она отдавала себя борьбе без остатка, и часто именно ее вклад в общее дело оказывался решающим.

В связи с этим вспоминается олимпийский Инсбрук 1964 года. Канадский тренер Бауэр, хорошо известный всем советским любителям спорта, привез в этот курортный городок Австрии самую лучшую, самую сильную любительскую команду, которую когда-либо создавали в этой стране. Молодые, сильные, прекрасно подготовленные технически хоккеисты, завтрашние профессионалы, буквально рвались в бой.

— Для нас победа над русскими важнее всех на свете золотых медалей, — говорили они.

Кто видел этот матч, тот, я уверен, никогда его не забудет. Теперь он стал достоянием истории, но, может быть, стоило бы иногда прокручивать его видеозапись, чтобы нынешняя молодежь

видела, с какой страстью, с какой яростью сражались за победу ветераны. Сколь высоко развиты были в них и мастерство и чувство долга.

Канадцы играли прекрасно, можно сказать — выше всяких похвал. Около двух периодов наша команда вынуждена была отыгрываться. Даже когда к концу второго периода нашим хоккеистам удалось сравнять счет, все знали, что главный бой еще впереди.

В перерыве тренеры предупредили: превосходством в каком-то одном качестве судьбу матча решить нельзя. Нужно мобилизовать все свое умение, всю силу воли.

Старший тренер сборной Аркадий Иванович Чернышев напутствует ребят:

— Надо переломить канадцев в самом начале периода скоростью и натиском. Надо показать игру, какой еще никто не видел.

Именно такую игру и показала тогда первая тройка сборной. Она сразу ворвалась в зону противника. Канадцы отбили первую атаку. Борьба временно переместилась в среднюю зону. Наши владеют шайбой, но с большим трудом продвигаются вперед — уж больно мощный заслон встречают они на своем пути! Сила на силу, мудрость на мудрость, жажда победы на жажду победы. Кто же все-таки возьмет в этом великом единоборстве верх?!

И тут во всем блеске проявляется искусство нашего ударного звена. Вот Александр Альметов разумно подключает к розыгрышу шайбы защитника Эдуарда Иванова. В это время Константин Локтев, за которым внимательно следят соперники, тоже рассчитанно смещается на левый фланг. Теперь уже три наших игрока короткими перемещениями и точными пасами сохраняют шайбу, изматывают противника, дергают его. Такой тонкий розыгрыш нравится зрителям, они горячо аплодируют нашим игрокам.

Все это явно не по вкусу канадцам, и они вдруг с каким-то остервенением бросаются отбирать шайбу. Чтобы помочь партнерам, от ворот на левый фланг смещается канадский защитник. Мгновенно оценив ситуацию, Вениамин Александров чуть выкатывается вперед, за спину вратаря Мартина, и располагаетя сбоку от ворот. Шайба у Альметова — он делает вид, что хочет отдать ее Иванову, а сам идеально рассчитанным пасом отсылает Александрову. Александров, резко развернувшись, с ходу посылает шайбу в ворота. Этот гол решил все! Это пришла победа — 3:2.

Когда на пресс-конференции Вениамина спросили, как он забросил золотую шайбу, последовал следующий ответ:

— Это сделал не я, все подготовили партнеры, мне только осталось подставить клюшку.

В этом скромном ответе заключена была немалая доля правды. Да, эта победная шайба, как и все, что делалось ими на льду, — плод коллективных усилий, коллективного разума, коллективного мастерства.

Я хорошо помню (как помнят, вероятно, все, кому довелось это увидеть), что в том же, 1964 году в Инсбруке, в решающем матче, о котором уже шла речь выше, наша команда в конце третьего периода, имея минимальное преимущество (3:2), когда накал

страстей достиг своего апогея, осталась вчетвером против лучшей пятерки канадцев. И вот эти самые знаменитые канадцы, посланцы родины хоккея, наследники Мориса Ришара и иных «звезд» р течение полутора минут не смогли ни разу отобрать шайбу у звена Альметова. Это было настоящее чудо. Заокеанские спортсмены скрипели зубами от злости, но ничего сделать не могли. А заполненные до отказа трибуны прекрасного олимпийского ледового стадиона все эти полторы минуты взрывались овацией, и от души, словно в гигантском театре, тысячи людей кричали на разных языках и наречиях:

- Колоссаль!
- Зеер гут!
- Молодцы!
- Вива, Совет!

Да, эта великолепная, отмеченная высшим «знаком качества», тройка умела взвинчивать толпу, умела превращать хоккейный матч в прекрасное произведение искусства. Им не раз адресовалась овация тысяч людей и в московском Дворце спорта, и в ослепительном «Юханнесхофе», и в люблянском «Тиволи», и в венском «Штадхалле». Им отдавали свою любовь, свое восхищение канадцы и шведы, американцы и финны, жители Чехословакии и Японии, Польши и ГДР...

Итак, будем подводить итоги. Напомним, что Локтев и Александров играли вместе с 1957 года, выступили на восьми чемпионатах мира (1957—1961, 1964—1966 гг.). Дважды (1963 и 1967 гг.) Константин Локтев по различным причинам не участвовал в мировых чемпионатах, и тогда его место занимал Виктор Якушев.

Виктор — один из ярчайших талантов в советском хоккее, его совесть и честь. Сколько раз этого выдающегося мастера приглашали перейти в ведущие наши клубы, обещая чины, гарантированное место в «золотых» тройках и другие блага. Но он с упорством, достойным самого глубокого уважения, оставался верен своему старенькому, давно переставшему сотрясать воздух успехами «Локомотиву». Но именно выступая здесь, он стал пятикратным чемпионом мира — посланцем клуба, из которого больше никого и никогда в сборную не призывали.

Этот факт сам по себе свидетельствует о необычайно ярком даровании этого выдающегося ледового бойца. Мастерство Виктора настолько велико и многогранно, что сборная на протяжении многих лет не могла обходиться без него, причем именно в ту пору, когда советский хоккей был необычайно богат на хоккейные таланты.

Поистине бесконечны и восхитительны перевоплощения этого непревзойденного у нас хоккейного Фигаро. На восьми чемпионатах мира он играл в шести различных тройках, с двенадцатью партнерами! Да какими! Александровым, Альметовым, Старшиновым, Фирсовым... При этом он ни разу не нарушил ритма и стройности звена, всегда заслуживал самую теплую и искреннюю благодарность своих приобретенных на время партнеров. Добиться

этого ему, кроме всего, помогал его удивительный, как говорят тренеры, «врожденный универсализм». Он с одинаковым блеском выступал и на левом и на правом крыле, и в центре атаки.

1963 год. Константин Локтев выведен из состава сборной, и перед самым чемпионатом мира лучшая тройка сборной оказывается «обнаженной». Тренеры вводят Виктора Якушева, но и их, и всю общественность волнует вопрос: сумеет ли он вписаться в нее? Ответ на него мы прочли в газете «Свенска дагбладет», которая на следующий день после окончания чемпионата писала:

«Обновленная русская команда представляет собой сплав небывалой скорости и техники, азарта и рассудительности. Это команда экстракласса. Но даже в ней, идеально собранной и отлаженной в целом, выделяется своей мощью, синхронностью мысли и действий великолепная тройка Альметова».

«Не испортил» он ее качества и в 1967 году в Вене. И, право же, недаром очень уравновешенный, придиричивый к слову, к своим оценкам Аркадий Иванович Чернышев назвал Виктора Якушева одним из самых ценных, самых мыслящих игроков отечественного хоккея.

Якушев Виктор Прохорович. Родился 16 ноября 1937 г. Заслуженный мастер спорта (1963 г.). «Локомотив» (Москва). Третий призер чемпионата СССР 1961 г. Провел в высшей лиге около 480 матчей, забил 182 гола. Два раза (1964 и 1965 гг.) входил в список шести и девять раз (1959—1968 гг.) 33 и 34 лучших хоккеистов сезона.

Чемпион IX зимних Олимпийских игр, чемпион мира 1963—1967 гг. Чемпион Европы 1959, 1960, 1963—1967 гг. Второй призер чемпионата мира 1959 г. и чемпионата Европы 1961 г. Третий призер чемпионатов мира 1960 и 1961 гг. и Олимпийских игр 1960 г. Сыграл на этих турнирах 58 матчей, забил 33 гола.

Вениамин Александров и Александр Альметов провели вместе плечо к плечу семь сезонов подряд в ЦСКА и сборной. Вениамин Александров забил 416 шайб (63 — на чемпионатах мира и Олимпийских играх, 8—в международных турнирах, 345 — в чемпионатах страны), Константин Локтев — 263 (48—2—213), Александр Альметов — 252 (35 — 6 — 211). Альметов мог бы добиться гораздо большего, но, увы, ушел из большого спорта на пять-шесть лет раньше срока. Ушел совсем молодым, полным сил и энергии.

Навсегда останется это звено в нашей благодарной памяти. Оно было знаменосцем той новой для нашего хоккея эпохи, которая началась в 1963 году и ознаменовалась серией непрерывных, ярких и громких побед. Той эпохи, которая закрепила за ним звание лучшего в мире.

Впрочем, их «география» шире одной эпохи. Они стояли на рубеже двух эпох и как бы воплотили в себе эстафету поколений. В самом деле, двум из них — Александрову и Локтеву — довелось непосредственно выступать рядом с такими великими первопроходцами, как Бобров, Бабиц, Шувалов... Они завещали им свято беречь и множить добытую в первых, самых трудных сражениях славу.

И этот завет был выполнен. На долгие годы тройка Альметова стала опорой сборной, ее славной физической и моральной силой, ее знаменем, хранителем старых традиций, примером и учителем для молодежи.

В этом ее огромная заслуга перед нашим хоккеем, перед нашей спортивной историей.

Глава пятая

«МЫ ИЗ СТРАНЫ ГЕРОЕВ...»

Нам не дано вовремя оценивать лучшие дни и мгновения нашей жизни. И только когда мгновения эти пройдут, мелькнув, как цепь гор сквозь пелену облаков, мы начинаем понимать, что испытали нечто такое прекрасное и значительное, чему уже не повториться никогда, как бы мы этого ни хотели.

В просторной, уютной, любовно обставленной квартире заслуженного мастера спорта Бориса Александровича Майорова висит огромная, похожая на картину фотография. На ней запечатлен улыбающийся молодой человек, удивительно похожий на хозяина квартиры. В его распахнутых, словно для объятия, руках зажаты кубок и клюшка.

Хлопают двери, входят и уходят посетители, непрерывно звонят телефоны. День заполнен до отказа, иногда, как говорится, некогда даже вздохнуть. Но под вечер, если выпадает свободное мгновение, человек за столом нет-нет да и остановит взор на своем двойнике. Разглядывает внимательно, словно первый раз видит. Встает со своего места. Подходит поближе. Говорит, неизвестно к кому обращаясь:

— Да, это была вершина. Вершина всей жизни.

А как же он на нее восходил?

Передо мной журнал «Смена» № 14 за 1956 год. За тот самый год, когда мы чествовали прославленных героев Кортина д'Ампеццо во главе с Всеволодом Бобровым. Так вот именно тогда на одной из страниц журнала появилась небольшая заметка под заголовком «Футболисты с Большой Оленьей». Думаю, что читателям будет любопытно ознакомиться с нею.

«Первый гол был забит, — писала тогда автор А. Коваленко, — в окно гражданки Селивановой. Восторженных аплодисментов это не вызвало. Впрочем, во дворе дома № 11 по Большой Оленьей улице, в Сокольниках, довольно часто забивали мячи не туда, куда положено. Сколько раз слышались крики хозяек, сколько упреков сыпалось на головы юных футболистов, сколько раз отбирали у них мяч! Но... мальчишки продолжали играть в футбол, разбивая стекла, пачкая вывешенное во дворе белье, вытаптывая клумбы.

Трудно сказать, чем могло все это кончиться, если бы однажды заядлые футболисты Боря и Женя Майоровы не обратили внимания на объявление, в котором сообщалось, что в Сокольническом райо-

не будут проводиться соревнования дворовых футбольных команд.

В тот же день «общее собрание» юных футболистов, проходившее за сараями, постановило: идти на стадион «Спартак», что находится тут же, в Сокольниках, и подать заявку.

...С тех пор тихо стало на Большой Оленьей: ребята перебрались со своим мячом на стадион «Спартак» и с гордостью называли себя «спартаковцами». Им выдали настоящие бутсы, форму». Так началась спортивная биография двух братьев-близнецов, ставших впоследствии знаменитыми на весь мир.

Они гоняли кожаный мяч, мечтали о карьере Григория Федотова или Александра Пономарева, жадно овладевали мастерством. Однажды попросили заслуженного мастера спорта Николая Тимофеевича Дементьева познакомить их с приемами игры, приобщить к технике. Известный футболист охотно согласился, и в тот день тренировка прошла особенно интересно. Ребята старались изо всех сил: приближались решающие дни розыгрыша Кубка Москвы среди дворовых команд. Команда «спартаковцев» должна была защищать честь района. Ребята ходили серьезные, озабоченные.

Но первые же матчи подняли их настроение, они выиграли у краснопресненцев со счетом 3:1, у бауманцев — 5:0, у шербаковцев — 3:2. После каждой встречи неизменно становились героями Боря и Женя Майоровы. На их долю приходилась львиная доля забитых мячей.

— Вижу, быть вам известными футболистами, — сказал им однажды Николай Тимофеевич Дементьев, с большим интересом наблюдавший за их игрой.

Но судьбе было угодно направить мальчишек по другому пути. Весной 1954 года Борис записал в дневнике: «Восхищен успехом Всеволода Боброва и его товарищей. Я окончательно выбираю хоккей и признаю себе в почти несбыточной мечте: вот бы поиграть хоть раз в такой команде!»

Сборная команда страны, которая с 1963 по 1971 год включительно радовала нас блестящими и непрерывными победами, поднялась на высшую ступень мирового пьедестала почета в результате объективного хода событий — массового развития в стране новой игры, роста числа клубов, мастерства спортсменов. Вот почему ее успехи были такими стабильными. Вот почему их стали называть вполне закономерными, логическими, даже само собой разумеющимися.

К этому счастливому поколению победителей и принадлежал Борис Майоров.

Братья стали усиленно овладевать премудростями шайбы, а футбольные увлечения почти целиком уступили место хоккейным.

Борис оказался первым, кого приняли в команду мастеров, Евгений продолжал еще играть в молодежной команде, а он уже ездил со взрослыми на «настоящие» игры «настоящего» чемпионата страны. В ту пору вопрос о партнерах волновал меньше всего. Он безумно радовался, если удавалось сыграть хотя бы полматча на чем угодно месте. Обычно его выпускали по очереди с его сверстником Владимиром Мальцевым, пришедшим в команду чуть

раньше Майорова. Володя в ту пору был официально внесен в протокол. Борис же в списках не значился, и его пробовали под видом кого-то.

Кстати, именно тогда он и забросил свою первую шайбу в чемпионате страны, не зафиксированную, однако, ни одним, даже самым дотошным, статистиком. Да это и неудивительно. Дело в том, что на выходы «беспаспортного» игрока на лед абсолютно не обращали внимания, ибо никто тогда Бориса в лицо не знал. И вдруг он забивает гол. Надо по радио объявлять фамилию игрока. Но при выяснении «Спартаку», согласно правилам, запишут поражение. Первым сообразил что к чему старший тренер команды, мастер спорта Анатолий Владимирович Сеглин. Он мигом очутился у судейского столика, что-то быстро объяснил судьям, и спустя минуту радио сокольнического катка объявило:

— Шайбу в ворота московского «Буревестника» забросил Александр Корнеев...

Как тогда остро переживал новичок тот прискорбный для себя факт, что остался он в безвестности! Откуда было ему знать, что будет еще в его жизни множество шайб, которые он пошлет в ворота самых знаменитых команд, защищаемых самыми прославленными вратарями.

Борис Майоров! На протяжении многих лет его имя ассоциировалось в нашем сознании с гордой хоккейной славой, с яркими успехами сборной команды Советского Союза, бессменным капитаном которой он был на протяжении пяти лет. И каких лет!

Он вошел в историю советского и мирового хоккея как один из лучших левых крайних, как игрок необычайно яркой и своеобразной. Обладал ювелирным пасом, отличной реакцией, безупречным пониманием партнеров и игровых ситуаций.

Помнится, когда он выступал, я любил в течение матча отключаться от всего происходящего на льду и наблюдать только за ним. Сколько интересного и неповторимого открывалось в эти прекрасные минуты.!

Вот он устремился вперед в очередной прорыв. Реактивный старт. Бросок вперед. Справа ему посылается шайба, но пас недостаточен точен. Любой другой хоккеист, какого бы высокого класса он ни был, сбавил бы в этой ситуации скорость. Но не Борис. Корпус, ноги, вся его легкая фигура построены в движении так, что он успевает «вытащить» из-под конька шайбу, и вот она уже впереди, под всегда послушной клюшкой.

Однажды, беря очередное интервью, я спросил у Бориса Александровича, какие качества он считает наиболее важными для хоккеиста.

— Высокая скорость, помноженная на высокую технику, — последовал ответ.

Сам Майоров полностью соответствовал своему идеалу. Более того, виртуозная техника этого спортсмена стала динамической основой его почти невероятной игровой скорости. Прием шайбы, ведение ее, пас, торможение, мгновенные развороты, бросок по воротам — его знаменитый бросок с «неудобной» руки — все это

исполнялось на вихревой скорости, все было отмечено вулканическим характером его игры.

Он никогда не искал «свободного льда», не боялся никаких преград и трудностей. С решимостью врбался в могучих канадских защитников, в «железных» шведов, в темпераментных и яростных игроков обороны сборной Чехословакии.

С первого до последнего дня выступлений в большом хоккее Бориса Майорова отличало очень серьезное отношение к спорту. Это был образец большого трудолюбия. Утверждаю это не понаслышке. В бытность Всеволода Михайловича Боброва старшим тренером «Спартак» и сборной страны мне не раз доводилось присутствовать на тренировках этих команд — и в Тарасовке, и во Дворце спорта в Лужниках, и в Новогорске...

Здесь во время двусторонних «учебных» игр Борис был также прекрасен, как во время самых серьезных и ответственных официальных матчей. Он ничего и никогда не делал вполсилы, его насыщенная энергией, жаждой борьбы натура постоянно требовала активных действий. Вот почему в любой ситуации он играл в полную силу, горячо, азартно, и в конце концов его увлеченность, его пыл передавались всем.

В 1967 году команда «Спартак» завоевала звание сильнейшей команды страны. Но большая радость омрачилась неожиданной новостью: старший тренер клуба Всеволод Михайлович Бобров был отозван на пост руководителя футбольной команды ЦСКА. И поползли слухи — один тревожнее и нелепее другого. «Правда ли, что еще не могут подобрать замены ушедшему Боброву?», «Верно ли, что уходят в другие клубы?..», а далее следовала целая вереница фамилий. «Подтверждается ли, что в «Спартак» царят уныние и паника?» В редакцию журнала «Спортивная жизнь России», где вот уже почти четверть века трудится автор, посыпались письма. Ох уж эти болельщики! Придумывают всякую всячину и сами же волнуются...

Но в то же время многие глубоко продуманные вопросы были естественными и понятными. Редакция решила ответить на них. С этой целью мы поехали тогда в курортный городок Алушту на Южном берегу Крыма, где расположена учебно-тренировочная база «Спартак».

Наше первое свидание с командой произошло на залитом солнцем стадионе. Часы показывали без десяти минут одиннадцать, но все уже были в сборе. И все как один одеты в аккуратно приготовленную спартаковскую форму. Мне тогда очень понравилась эта деталь. Я спросил у второго тренера Юрия Глухова:

— Это всегда у вас так?

— Последнее время да. С той поры, как занятиями руководит Борис Александрович Майоров.

— Как?! — вырвалось у меня. — Майоров в роли тренера?

— В роли играющего тренера, — справедливо поправил Юрий Иванович. — А общее руководство командой будет осуществлять Александр Иванович Игумнов. Он скоро придет сюда.

Мы побыли тогда на базе неделю и с интересом наблюдали за

жизнью прославленного хоккейного коллектива, за «двойной ролью», которую играл в те трудные дни Борис Майоров. Он все время был среди своих товарищей, с которыми столько раз выходил на лед как равный. Но теперь волею судеб он отвечал за всех и нисколько не тяготился выпавшей на его долю ответственностью. Он был так естествен, что я невольно любовался им.

Сосредоточенное лицо. Внимательный взгляд. Свисток. Начинается тренировка, и ребята бегут по овалу беговой дорожки точно в заданном темпе, лихо выполняют замысловатые упражнения — одиночные, парные, с отягощениями.

«Слава, быстрее!» «Ну вот еще, разве так делают, Женя!», «Энергичней, энергичней, Саша!»

Здесь нет именитых и неименитых—все равны. С одинаковым напряжением, с полной отдачей работают и Старшинов, и Якушев, и Зимин. И, не выдержав роли стороннего наблюдателя, а точнее, и не собираясь играть ее, вместе со всеми, увлекая, показывая пример старательности, настойчивости, целеустремленности, действовал сам Борис.

Два часа труда позади. У всех взмокли от пота майки, покрасневшие лица, очень усталый вид и... сверкающие радостью глаза. Как у мальчишек, которым дали вволю заняться любимым делом. Эти сверкающие глаза, шутки и добрые взгляды, которые они бросали на своего капитана, ставшего на время их наставником, сказали тогда больше всяких слов. Сказали, что всеми своими действиями, всем поведением Майоров помогает им сохранить главное — любовь к игре, свежесть увлечения. И это было так приятно увидеть и понять! Ибо как хотите, а подлинная зрелость спортсмена проверяется прежде всего именно на тренировке. Здесь становится ясно, подготовлен ли он физически к борьбе за достижение той высшей цели, которую ставит перед собой команда.

Прощались мы в конце рабочей недели. Борис Майоров вышел провожать гостей, как всегда аккуратный, элегантный. Я задал ему последний вопрос, который чаще всего мелькал в редакционной почте:

— Что же ответить тем, кто требует сказать им, как сегодня живет «Спартак»?

Он задумался. Потом произнес медленно, словно взвешивая каждое слово:

— Напишите, что, как всегда, живет «Спартак» трудом. Что очень много работает, желая встретить во всеоружии новый сезон. Что хорошо помнит о своей ответственности перед многочисленными болельщиками, перед страной, перед советским спортом.

Бориса Майорова, особенно в начале его спортивной карьеры, часто называли забиякой, неисправимым спорщиком. Но так говорили люди, не способные увидеть характер в целом, понять многогранность и нестандартность его.

Он был горяч. Случалось, злился, но это была злость, прибивающая отвагу и силу, позволяющая совершить то, что, казалось бы, и совершить невозможно.

В связи с этим вспоминается один из матчей 1967 года, когда московский «Спартак», уже коронованный чемпион страны, начинал в этом высоком звании новый сезон матчем против ЦСКА. Как всегда, во Дворце спорта были переполнены трибуны, до предела накалена атмосфера и на льду и вокруг него. Как всегда, непримиримые соперники мечтали только о победе.

Спартаковцы, как обычно в ту пору, начали бурно. Они отдавались игре без остатка. На поле был настоящий хоккей — боевой, искрометный.

И вот очередная атака спартаковцев — стремительное кружение у ворот, непрерывная цепь передач в одно касание. Воспользовавшись этим, Александр Мартынюк, прорвавшись сквозь заслон, вышел один на один с вратарем, а через мгновение вместе с ним шайба влетела в заветный прямоугольник. Вспыхнул красный свет, судья в поле Алексей Гурышев подтвердил словами и жестом: «Гол!»

Но через несколько секунд, поддавшись на уговоры армейцев, он изменил свое решение. Тогда началось нечто невероятное. Зрители на трибунах повскакивали с мест. На лед, не в силах обуздать свой темперамент, выскочили все спартаковцы. Борис Майоров, капитан, решительно подъехал к судье.

— Ну, сейчас сорвется, — сказал мой сосед по ложе прессы.

И я уже готов был согласиться с ним: Борис далеко не всегда умел сдерживать себя, да и сейчас поза его была откровенно воинственной. Но, зло спросив что-то у Гурышева, он тут же откатился в сторону. Потом подъехал к бортику и умоляющим голосом попросил Боброва:

— Дайте нашей тройке поиграть подольше! — И поехал на свое привычное место, на левый край.

Постепенно болельщики на трибунах утихомирились, когда лишние игроки были удалены с площадки, и игра возобновилась. Счет был 2:1 в пользу «Спартака». Счет «зыбкий» вообще, а в данной ситуации особенно. Сейчас на первый план выступала психология и каждая шайба могла оказаться решающей.

Понимали это все. Однако армейцам не удалось сдержат натиск первой тройки соперников, где все играли с вдохновением, а Борис, казалось, превзошел самого себя. Его порыв передался другим, натиск их все нарастал. Вот передача Старшинова из глубины, Борис Майоров «поймал» шайбу, на какой-то совершенно необъяснимой скорости вышел к чужим воротам и с «шиком», со звоном, по-футбольному, по-майоровски забил гол. Взревели от восторга болельщики, радостно обнимались на скамейке ждавшие своей смены хоккеисты, счастливые покатали к борту Старшинов и Евгений Майоров, а Борис, даже не подняв на этот раз клюшки, на полной скорости подскочил к Гурышеву, колко бросил в лицо:

— Ну, что?!

Мы, многое повидавшие спортивные журналисты, были уверены, что сейчас вновь возникнет инцидент, что судья накажет спартаковского капитана за недозволенную дерзость. Но Алексей

Гурышев, этот великий хоккеист прошлого, этот спортсмен до мозга костей, лишь развел руками, нагнулся к Борису и сказал: — Могу только выразить вам свое восхищение.

Виртуоз хоккейной техники, отважный боец, спортсмен в самом высоком смысле этого слова — таким он был в игре и останется в памяти всех, кто его знал. А кто его знал, — тот неизменно его любил.

Майоров Борис Александрович. Родился 11 февраля 1938 г. Заслуженный мастер спорта (1963 г.). В 1956—1969 гг. в команде мастеров московского «Спартака».

Чемпион СССР 1962, 1967 и 1969 гг. Второй призер чемпионатов СССР 1965, 1966, 1968 гг. Третий призер 1963 и 1964 гг. Провел около 400 матчей, забил 252 гола.

Чемпион IX и X зимних Олимпийских игр. Чемпион мира и Европы 1963—1968 гг. Второй призер чемпионата Европы и третий чемпионата мира 1961 г. Сыграл на этих турнирах 50 матчей, забил 28 голов.

Братья Майоровы вошли в наш большой спорт, в наш хоккей неотделимо друг от друга, и мы как-то привыкли говорить и думать о них как об одном целом.

Было время, когда все мы — зрители, журналисты, — неизменные поклонники прекрасной игры, просто не могли различить Майоровых на льду. И не только потому, что они близнецы. Их роднило общее, весьма высокое мастерство, неизменная приверженность к атаке, смелость и безграничная преданность хоккею. Евгения, как и Бориса, характеризовали высокая культура, каждый его поступок, каждый ход на ледовом поле отличали четкая, ясная мысль, безусловная целесообразность и максимальная эффективность.

Как и Борис, он неизменно был заряжен на атаку, но находил в ней свою собственную тональность, свои пути и приемы. В частности, он часто таранил ворота соперников, резко срезая угол от борта и обходя на высокой скорости защитников.

Этот характерный для Евгения тактический ход, отработанный, доведенный до совершенства, сослужил нашей сборной добрую службу в памятном для всех 1963 году в матче с командой Чехословакии, от исхода которого зависело, вернут ли наши хоккеисты звание чемпионов мира.

При счете 1:1 на поле завязалась редкая по своему напряжению борьба. Особенно активны были чехи. Трижды их нападающие посылали шайбу в штангу, несколько раз наши ворота от «верных» голов спасала чудотворная игра Коноваленко. Казалось, еще атака, еще несколько мгновений — и грозные соперники советских спортсменов добьются успеха.

Именно в этот момент тренеры выпустили на лед спартаковскую тройку. Расчет на нее оказался точным. Молодое, полное боевого задора, не ведающее страха звено не стало считаться с общей игровой обстановкой, начисто отвергло идею пассивной обороны. «Мальчишки» немедленно набрали предельную скорость. Евгений ворвался в зону, получил пас, резко срезал угол, «объе-

хал» рослого защитника и в падении сильно и точно выполнил бросок...

— Гол!! — радостно закричала вся наша огромная страна, прильнувшая к радиоприемникам.

Да, Майоров-младший (он родился на два десятка минут позже брата) забил самый нужный, самый важный для нашей сборной в том турнире гол. Журналисты назвали его и самым красивым голом чемпионата.

В основной состав мастеров московского «Спартака» Евгения включили на год позже Бориса, в 1957 году. Хорошо запомнился он мне в матче с ЦСК МО, и вот почему. Армейцы, за которых тогда выступали Бобров, Бабич, Шувалов, Александров, Локтев, учинили спартаковцам самый настоящий разгром. За две минуты до конца счет был 13:0.

— Пацаны, суши весла! — кричали с трибун шутники.

«Спартак» и в самом деле сник. Только правый крайний молодежной тройки (мы тогда не знали еще ни имени, ни фамилии) продолжал играть по-прежнему задиристо, свежо, словно ничего не произошло. Он яростно рвался вперед, натывался на безжалостное упорство армейской обороны, падал под испытанными силовыми приемами Николая Сологубова, снова поднимался и опять рвался вперед, словно от того, забьет он или не забьет, зависела по крайней мере судьба всего чемпионата.

На трибунах заметили этот порыв, стали подбадривать новичка:

— Давай, парень!

— Сними сухую!

И он все-таки добился своего, в падении приняв передачу справа и точно послав шайбу в сетку защищаемых Николаем Пучковым ворот за двенадцать секунд до финальной сирены.

Эту неукротимость, эту прекрасную спортивную ярость Евгений Майоров сохранил до конца своей спортивной жизни.

История нашего отечественного спорта богата примерами, когда за одну и ту же классную команду выступали по несколько представителей одной и той же фамилии. В футболе это знаменитые династи Бутусовых, Старостиных, Артемьевых, Дементьевых, Канунниковых, в боксе — Щербаковых, в легкой атлетике — Знаменских... В хоккее же с шайбой Майоровы стали первыми, кто внес в жизнь клубов высшей лиги и сборной элемент «родственности». В спорте ее можно было только приветствовать. Левый и правый края сложившегося звена не просто хорошо понимали друг друга — они одинаково мыслили, и это придавало тройке необыкновенную монолитность.

Как и Борис, Евгений отличался необычайно бурным темпераментом и тем, что мы называем «спортивной злостью». И часто именно он взвинчивал, заводил своих замечательных партнеров, брал на себя, если требовала ситуация, роль камертона, по которому определялась общая тональность атаки.

Правда, темперамент, случалось, оказывал ему и плохую услугу. Женя был вспыльчив, задирист, часто затевал отчаянные спо-

ры на площадке и за ее пределами, что, конечно же, мешало ему и команде. Много неприятностей было у него за годы выступлений в большом спорте из-за не всегда правильно понимавшегося им чувства гордости. Женя считал унижением заявлять тренерам о своих травмах, плохом самочувствии и часто сам же горько расплачивался за это.

Но все свои видимые и невидимые недостатки (а у кого их нет!) он компенсировал великолепным мастерством, игрой подлинно высокого класса.

Майоров Евгений Александрович. Родился 11 февраля 1938 г. Заслуженный мастер спорта (1963 г.). В 1957—1967 гг. в команде мастеров московского «Спартака».

Чемпион СССР 1962 и 1967 гг. Второй призер чемпионатов страны 1965 и 1966 гг. Третий призер чемпионатов 1963 и 1964 гг. Провел более 260 матчей, забил 122 гола.

Олимпийский чемпион 1964 г. Чемпион мира и Европы 1963 и 1964 гг. Второй призер чемпионата Европы и третий призер чемпионата мира 1961 г. Сыграл на этих турнирах 20 матчей, забил 10 голов.

Когда в центре дуги, на двух полюсах которой неслись «реактивные братья», утвердился навсегда еще один замечательнейший форвард, всем нам новое построение показалось таким естественным, таким само собой разумеющимся, что мы даже не задавались вопросом, как складывалось это прославленное звено, где, каким образом был найден спортсмен, имя которого в конце концов присвоили тройке. Давайте же хоть сейчас восстановим в своей памяти интереснейшие страницы истории.

...Эту программку я до сих пор храню вместе с самыми драгоценными журналистскими реликвиями. Программка на очередной матч XII первенства Советского Союза между московскими командами «Динамо» и «Спартак». У «красных» под семнадцатым номером был записан Владимир Старшинов. И диктор точно так же объявила его по радио. Буквально никого из нас эта «опечатка» не смутила: имени новичка тогда никто из нас не знал.

Пока Слава сидел больше на скамейке для запасных. А на расстоянии протянутой руки от него играли прославленные мастера, чемпионы мира и олимпийских игр: Сологубов, Трегубов, Хлыстов, Гурышев... Молодой Старшинов глядел на них во все глаза.

— Учись Слава, учись старательно, — говорил ему его первый, оставшийся самым любимым тренер Александр Иванович Игумнов, твердо веривший в то, что вот этому ни на кого не похожему мальчишке уготована судьба большого мастера.

То, про что рассказано выше, происходило в далеком пятьдесят седьмом году. С тех пор прошло 25 лет. На календаре — восемьдесят третий. Имя заслуженного мастера спорта Старшинова сегодня знает весь спортивный мир, оно неотделимо от истории хоккея. Неотделимо от наших побед и нашей славы.

И вот мы сидим с ним друг против друга и ведем неторопливую беседу о прожитом. Беседу, которую я хочу предложить вниманию читателей.

«Вопрос: — Вы пришли в хоккей, когда сборная СССР только дебютировала на международной арене, когда, популярность этого вида спорта была далека от сегодняшней. Что же подсказало вам выбор? Почему вы сделали его? Какие обстоятельства способствовали этому?

Ответ: — Сейчас каждый мальчишка, едва научившись ходить, мечтает о дружбе с шайбой. В мое время у ребят были другие кумиры — футбол и русский хоккей. С них я и начал, придя в январе пятьдесят четвертого в ДЮСШ московского «Спартака» на Ширяевом поле. Плетеный мяч был тогда куда более в почете, чем шайба. И мы мечтали о больших победах на ледовых и зеленых полях. Но сильные команды по русскому хоккею были тогда в «Динамо», ЦСКА. Руководители нашего клуба опасались, что многие из нас, молодых, поддадутся соблазну перейти в коллективы, оваянные хоккеем славой, а с нами уже связывали определенные надежды, прежде всего в футболе. И вот зимой пятьдесят шестого явно с отвлекающей целью мне предложили сыграть за юношескую команду «Спартака» в официальном матче на первенство Москвы по хоккею с шайбой. Я никогда прежде не видел и не знал этой игры, плохо представлял, что надо делать. Играли против своих сверстников из столичного «Буревестника» и выиграли со счетом 2:1. Обе шайбы в ворота соперников, к своему большому удивлению, провел я. Это очень понравилось, понравилась и игра в целом. С того самого момента я и сделал свой выбор, хотя осознал это гораздо позже.

Вопрос: — Итак, долгих четверть века вы пробыли на льду. Это — огромный опыт, колоссальная практика. Могли бы вы сегодня сказать, что обрели свою философию в спорте, знаете то самое главное, самое значительное, что необходимо в нем?

Ответ: — Прежде всего, по-видимому, следует сказать о том, что в любой области жизнедеятельности человек может достигнуть настоящих высот, быть нужным и полезным, если его «собственная философия» совпадает в главном, в принципиальном с философией своего общества, своего народа. Умение смотреть на жизнь с точки зрения гражданина, с точки зрения полезности и нужности своей стране, своему коллективу поднимает каждого из нас. Скажу еще так: то, что человек сохраняет для себя, утаивает, он неизбежно теряет; то, что он дает людям, остается ему, становится его богатством. Мы не жалели себя на льду, отдавали каждой игре весь имеющийся запас духовных и физических сил и именно поэтому, прежде всего, пришли успехи и признание.

Далее. Одним из краеугольных камней «моей философии» является уверенность, что в любом деле, а тем более в спорте, настоящих успехов можно добиться лишь посвятив себя ему, этому делу, без остатка, ставя перед собой ежедневно и ежечасно только одно сверхзадачи, испытывая постоянное неудовлетворение достигнутым.

Я видел за свою жизнь и в «Спартаке», и в других клубах немало спортсменов, щедро одаренных от природы, по-настоящему талантливых. Но они так и не испытали радости больших сверше-

ний, потому что довольствовались малым и приходили в спорт не во имя спорта, а во имя тех благ, которые он дает. Они не хотели трудиться, не желали отказывать себе в различных житейских радостях и неизбежно проигрывали самим себе.

Мне хочется особенно выделить в «своей философии» огромную роль спорта как фактора воспитания и закалки советского характера. Мы иногда ханжески отворачиваемся от естественно присущего молодой душе стремления к самоутверждению, а его надо бережно поддерживать. Качества, которыми одаривает спорт в ответ на преданность, вооружают человека физически и духовно, готовят его для всех других родов деятельности, для жизни. Ведь жизнь, как и спорт, представляет собой не что иное, как вереницу взятых и еще не взятых преград...

Вопрос: — Кто был вашим главным учителем в спорте? Я имею в виду тренеров, которые вас учили, и спортсменов, у которых вы учились сами, с которых брали пример?

Ответ: — Успех — это всегда талант плюс его величество Случай. Конечно, многое зависит от самого спортсмена, степени его одаренности, веры в себя, трудолюбия, самодисциплины. Но еще в большей степени от того, к какому тренеру ты попадешь.

Особенно важен начальный период. Позволю себе такой пример. Современные космические корабли поднимаются в необозримые дали, но их взлет зависит прежде всего от ракеты-носителя, от идеальной точности ее курса. Малейшее отклонение — и прекрасно задуманное дело может перерасти в катастрофу. Так вот детские тренеры, на мой взгляд, это ракеты-носители советского спорта. Именно от них во многом зависит успех наших взлетов...»

На этом я заканчиваю цитировать запись недавно взятого интервью. С тренерами в детстве мальчишкам из Сокольников чертовски повезло: в футбольно-хоккейной ДЮСШ «Спартак» были в ту пору, не побоюсь сказать, поистине выдающиеся педагоги. Заслуженный мастер спорта, один из главных героев довоенного легендарного сражения с футбольной командой басков Владимир Александрович Степанов — душа школы. Заслуженный мастер спорта «профессор русского футбола» Петр Ефимович Исаков. Каждый из них оставил в душе Славы Старшинова неизгладимый, добрый след.

Но совершенно особую роль сыграл в его судьбе, а по существу и в судьбе всего «Спартак», всего советского хоккея, Александр Иванович Игумнов.

В том, что московский «Спартак» в начале шестидесятых годов выдвинулся в лидеры, стал чемпионом, в том, что в клубе подросла тогда замечательная молодежь, была очень большая заслуга этого воспитателя.

Александр Иванович известный в спортивном мире человек. Начал играть в хоккей с мячом и в футбол на заре Советской власти, в 1922 году, в Москве. Защищал тогда цвета известного клуба РСКС. Отыграв два сезона, перешел в «Сахарники» — один из прародителей «Спартак». С этим обществом и связана вся творческая жизнь Игумнова. Мы, люди старшего поколения, зна-

ем, что он неоднократно привлекался в состав сборной Москвы, Именно в знак признания его выдающегося мастерства в 1948 году ему было присвоено звание заслуженного мастера спорта.

Когда пришла к нам новая игра, Игумнов одним из первых по достоинству оценил прелесть и зажигательность хоккея с шайбой, стал создателем и тренером команды мастеров «Спартак», которая в конце сороковых годов прослыла «грозой чемпионов», играя на равных и побеждая таких именитых соперников, как ЦДКА, «Динамо», ВВС, «Крылья Советов». Входил в тренерскую группу, готовившую сборную Москвы к историческим матчам с чемпионом Чехословакии — командой «ЛТЦ».

Он любил детей, любил работать с ними. Александр Иванович еще в начале пятидесятых годов предугадал, какое большое будущее ожидает наш хоккей с шайбой. Больше того, Игумнов видел команды грядущего: молодые, азартные, высокотехнические, яростные. И все силы, энергию, талант педагога отдавал воспитанию своих учеников, а они известны каждому любителю хоккея: Б. Соколов, З. Зикмунд, В. Гребенников, А. Макаров, А. Фирсов...

В начале пятидесятых годов к нему пришли Борис и Женя Майоровы. Александр Иванович сразу определил удивительную спортивность этих ребят. Наблюдая их на футбольном поле, в кипении ледовых страстей русского хоккея, он неизменно говорил:

— Эти ребята сумеют добиться успеха везде. Но их необыкновенная стартовая скорость, подвижность, их природный азарт, наконец, их бросающаяся в глаза смелость убеждают меня в том, что рождены они для хоккея с шайбой.

Терпеливо, избегая какой-либо навязчивости, ни в коем случае не форсируя событий, готовил своих питомцев Александр Игумнов. Бережно сохранял присущие каждому индивидуальные черты, поощрял необычное, оригинальное в их действиях.

Не все, однако, в клубе проявляли подобную педагогическую дальновидность и соответствующий ей такт. Вот освободилась в команде мастеров вакансия, и тренеры пригласили Бориса Майорова.

— Поймите, нельзя разъединять братьев, — доказывал Игумнов, — это же два крыла одной птицы.

— Загадочками говорите, Александр Иванович, — отвечали ему, — а перед нами стоят реальности сегодняшнего дня.

К счастью, так получилось, что вскоре Игумнов, не оставляя ДЮСШ, стал работать с командой мастеров. Первым его шагом было «воссоединение» братьев — Евгений стал играть в одной тройке с Борисом. В тройке Владимира Мальцева. С каждым днем, с каждой очередной тренировкой, с каждым отшумевшим матчем Игумнов все более понимал, какой драгоценный человеческий материал попал в его руки.

— У меня есть прекрасные фланговые игроки будущей тройки. Надо найти ей основание, и тогда еще услышат о нашем «Спартаке», — сказал он летом пятьдесят шестого Аркадию Ивановичу Чернышеву.

— Ну-ну, желаю успеха, — кивнул головой всегда невозмутимый динамовец.

Во взлет «Спартака», где высшее руководство относилось к хоккею крайне равнодушно, он особенно не верил. Но в Игумнова, в его способности — да.

А Александр Иванович жадно вел поиск нужного ему человека. Он просматривал десятки кандидатов, продумывал различные, самые невероятные варианты. И в конце концов остановил свой выбор на шестнадцатилетнем Славе Старшинове, которого сам нашел в футбольной группе и «затащил в шайбу».

И вот перед началом нового сезона он вызвал к себе братьев, подтолкнул к ним новичка и сказал:

— Вот познакомьтесь друг с другом, ребята. Отныне вы будете играть вместе.

Через месяц Борис и Женя подняли «бунт». Они, уже год отыгравшие в команде мастеров, пришли к Александру Ивановичу.

— Мы с этим Старшиновым играть не будем! — заявил Борис.

— Наотрез отказываемся! — подержал брата Евгений. И для верности добавил: — Или мы, или он!

Игумнов смотрел на них с улыбкой мудреца. Дал возможность высказаться. Потом спросил:

— А какова причина вашего демарша?

— Да он на коньках бежит медленно и плохо! — незамедлительно выложил первый аргумент Борис.

— А пас? Посмотрите на его пас! — добавил Женя.

— Наши передачи то зевают, то проскакивают — вы же это сами видите! — вновь вступил в дело Борис.

Доводов было много. Игумнов сел за стол, открыл блокнот и стал что-то в него старательно записывать. Братья несколько притихли. Потом один из них спросил:

— Это вы что там делаете, Александр Иванович?

— Претензии ваши фиксирую. Подавляющее большинство из них справедливо. Сам знаю. Но давайте с окончательным решением не спешить. Позвольте мне в течение двух-трех месяцев провести эксперимент. По истечении этого срока соберемся опять и все окончательно решим. Согласны?

— Целых три месяца тянуть ляжку с этим... — начал было Женька, но Борис оборвал его, видимо первым поняв, что за мягким, добрым тоном старшего тренера скрывается непреклонность принятого им решения.

— Согласны, согласны, Александр Иванович, — поспешил заверить он. И, когда вышли из тренерской, пояснил брату: — Чего упорствуешь, дурень? Ну что изменится за три месяца?

А Игумнов, оставшись один, сладко потянулся и стал смотреть в окно, за которым холодный ноябрьский ветер гнал колючую поземку. Замечал ли ее этот человек? Нет, он видел весну. Весну своего клуба. Весну обновленной сборной. Весну нашего хоккея. Он всем своим существом ощущал в ту минуту, что эти, еще такие в общем серые, такие неопытные, юноши и есть те могучие рыцари хоккея, которых он так часто видел в своих мечтах.

На чем же основывалась эта уверенность старшего тренера? Опытным глазом, безошибочным чутьем он уже определил колоссальные задатки братьев Майоровых. Их вихревую скорость. Их неугомонность. Их влюбленность в хоккей. Их способность схватывать на лету мельчайшие тонкости хоккейной техники.

Двум огнеметным фланговым игрокам нужен был спокойный, уравновешенный и очень целеустремленный центрровой. Нужен был спортсмен такого же уровня, такой же душевной и физической силы, какой обладали братья. И молодой, еще совсем «зеленый» Старшинов показался ему подходящей кандидатурой на эту роль.

Да, шестнадцатилетний новичок еще многого не умел из того, что уже умели Борис и Евгений. Но Игумнов видел главное: Слава отличается редким, можно даже сказать — исключительным упорством.

— Уж если он поставит перед собой какую-нибудь задачу, никакие преграды на пути его не остановят. Он даже не будет их обходить — он их просто-напросто сметет — так охарактеризовал он однажды своего ученика.

И Александр Иванович решительно поставил его во главе тройки, которой, по его замыслу, как раз и предстояло все крушить и сметать на своем пути.

Вскоре начался сезон. Игумнов внимательно следил за вновь созданным звеном. Он умышленно вводил его в «бой» тогда, когда у соперника действовали самые слабые, самые неопытные защитники. Хотел дать ребятам простор, чувство уверенности в себе, хотел создать наилучшие условия для того, чтобы сыгратья, почувствовать друг друга, понять, что они могут и должны играть вместе. Всегда!

Примерно в январе пятьдесят девятого «Спартак» поехал в Ленинград на четыре матча с местными командами. Первенство страны тогда проводилось в два этапа. В предварительных играх приняло участие 16 команд, разделенных на 4 подгруппы. Каждый матч носил принципиальный характер, проходил в острой борьбе.

«Спартак» тогда добился почти невозможного: дважды победил «Кировец» (7:3 и 4:3), сделал две ничьи с сильной командой Спортивного клуба военного округа. Во всех четырех встречах отличились «любимцы» Игумнова.

Особенно запомнился старшему тренеру первый из двух поединков с армейцами. За две минуты до конца спартаковцы проигрывали 3:5. Положение казалось безнадежным. Именно в этот момент Игумнов выпустил на лед тройку Старшинова (тогда даже он еще так ее не называл). Сказал ребятам:

— Ну-ка покажите, на что вы способны.

И молодые ринулись вперед. Да так, что у видавшего виды их наставника захватило дух. Ребята словно бы шагнули сразу на несколько лет вперед. Их красивая, зрелая, искрометная игра, их удивительная слитность ошеломили всех, и в большей степени оборону армейцев. Две прекрасные комбинации Старшинов — Б. Майоров завершились голами. И несмотря на то, что встреча эта происходила в городе на Неве, восхищенные зрители устроили

им восторженную овацию. А на следующее утро братья Майоровы и Старшинов впервые прочли свои фамилии в газете: их единодушно хвалила местная пресса.

Так получилось, что на обратном пути в поезде Игумнов оказался в одном купе с героями ленинградских матчей. Поезд отошел от вокзала почти в полночь, но спать никому не хотелось. Делились впечатлениями, признавались в своих сомнениях и ошибках. Вдруг Борис, словно бы продолжая когда-то прерванный разговор, сказал:

— А со Славой мы нашли общий язык.

— Ну вот и отлично, — радостно улыбнулся Игумнов. — Вы теперь, друзья, моя первая тройка.

Он сказал, и все вдруг замолчали. Под дробный перестук колес каждый думал о своем. Но сколь ни различны были эти думы, все они сходились на одном, близком и дорогом для них понятии — хоккей.

Однако через два дня после приезда в Москву старший тренер счел необходимым пригласить к себе братьев на душевный разговор.

— Что случилось? — спросил он их без тени усмешки. — Почему вы так быстро переменили мнение о Старшинове? Ведь установленный срок еще не прошел...

— Вы знаете, он прогрессирует прямо на глазах. Он растет от матча к матчу с какой-то совершенно непостижимой быстротой, — объяснил Борис Майоров. И тут же добавил: — Спасибо вам за чудесную находку.

— И от меня спасибо, — совершенно серьезно добавил Женя.

— Ну что ж, очень рад, очень рад. Значит, я ни в вас, ни в нем не ошибся.

Весной этого же года, а точнее, 18 марта, во Дворце спорта в Лужниках проводился международный товарищеский матч между национальной командой США и молодежной сборной СССР. На трибунах — ни одного свободного места.

Я листаю свой домашний альбом, нахожу газетный отчет, воскресающий этот давно ушедший в историю поединок. Вот какие в нем есть строчки:

«... Идет 6-я минута. На поле спартаковская тройка, радующая нас своим прогрессирующим день ото дня мастерством. Вот и сейчас, демонстрируя отличное взаимопонимание, она устремляется вперед. Получив передачу слева от Евгения Майорова, Старшинов успевает обвести защитника Роднея Паавола и «распечатывает» ворота американцев. 1:0...»

Через день по московскому радио передавали интервью с тренером гостей Маршем Райменом. Он сказал:

— В молодой советской команде, противостоящей нам, мне очень понравилась тройка, представляющая московский клуб «Спартак». Эта ваша большая находка.

Действительно, в ту весну мы чувствовали себя разбогатевшими. В нашем хоккее во весь голос заявила о себе эта тройка: быстрые, я бы даже сказал — реактивные братья Майоровы и

обстоятельный, неуступчивый, не признающий авторитеты Старшинов. Тогда, в пятьдесят девятом, он еще не очень смотрелся на фоне своих молниеносных партнеров. Но сидевший рядом со мной на трибуне Всеволод Михайлович Бобров уже тогда, в тот самый день 18 марта, сказал:

— Это растет титан!

17 января 1960 года. Холодный московский аэродром. Метет поземка. Сборная Москвы улетает в Канаду. Среди хоккеистов и молодая спартаковская тройка. Десять матчей с широкоизвестными клубами, почти каждый из которых — претендент на звание чемпиона мира. Разве это не отличная школа?! А шесть побед в десяти матчах — разве малый успех по существу молодежной команды?! И он, по признанию заокеанской прессы, во многом был обеспечен усилиями спартаковского звена.

После турне по стране Кленового листа о нем стали говорить как об одном из вероятных кандидатов в сборную. Но в Скво-Уэлли ни Старшинов, ни Майоровы не поехали.

— Мастерство было, не хватило титулов — так объяснил ситуацию Александр Иванович Игумнов.

Сборная страны, лишенная притока свежих сил, отчаянно сражалась на турнире Белой Олимпиады, а молодые спартаковцы на льду московского катка «Сокольники» выбивали звон из замерзших штанг. А затем они пробовали свои силы, и притом с большим успехом, на футбольном поле. Рядом со спортивной формой лежали в их сумках учебники и записи институтских лекций. Ребята учились не только хоккею.

Теперь они почти всегда и всюду были вместе. Ходили в кино и театры, обменивались интересными книгами, спорили, бывали друг у друга в гостях. Люди скорее суровые, нежели сентиментальные, скупые на выражения чувств, они никогда не говорили о дружбе, но настоящая, верная мужская дружба связывала их все плотней.

В ту пору стал довольно ясно вырисовываться почерк этого звена, связанный с долгим розыгрышем шайбы в зоне противника, с бесконечными быстрыми перемещениями всех троих у ворот. О тройке заговорили московские болельщики. Больше того — ее полюбили. С каждым днем росли ее популярность и авторитет.

Тут мы подошли к важнейшему моменту в оценке значения и заслуг этого звена в истории отечественного хоккея. Прежде всего Вячеславу Старшинову, братьям Борису и Евгению Майорову мы обязаны возрождению и взлету московского «Спартака». Именно их молодая, искромётная энергия, их благородное спортивное честолюбие, день ото дня крепнувшее мастерство стали той точкой опоры, с помощью которой клуб-ветеран перевернул свою судьбу, вернулся из «небытия» к признанию и славе.

Вспомним его родословную. Московский «Спартак» не только стоял у колыбели отечественного хоккея, но и сразу на первых порах выдвинулся в число его лидеров. В чемпионате СССР 1947 года красно-белые заняли третье, призовое, место, вписав в свой актив

победы и над ЦДКА, и над «Динамо», и над «Крыльями Советов». На следующий сезон спартаковцы сделали еще один шаг вперед, впервые завоевав серебряные медали.

Первое поколение спартаковцев выдвинуло из своей среды яркие самобытные спортивные личности. Защитники Б. Соколов, А. Сеглин, нападающие И. Новиков, З. Зикмунд, Ю. Тарасов, В. Захаров проявили себя талантливыми исполнителями. Команда в целом демонстрировала остроатакующий, быстрый, осмысленный хоккей, опирающийся на индивидуальное техническое мастерство ведущих игроков. Ее игра была исполнена особой красоты, смелости и дерзости. Она доставляла истинное удовольствие.

Но в середине пятидесятых годов «Спартак» лишился ряда сильных игроков, а смена им не была подготовлена. Начался период явного отступления. О призовых местах было забыто. В чемпионатах СССР 1950—1951 и 1951—1952 годов красно-белых не видно в составе финальных шестерок, в пятьдесят третьем они занимают шестое место, два следующих сезона некогда грозная команда оказалась вне высшей лиги.

А потом произошло настоящее чудо. Чудо без кавычек: московский «Спартак», руководимый старшим тренером Александром Никифоровичем Новокрещеновым, стал чемпионом Советского Союза 1962 года. Откровенно говоря, никто не ожидал от него такого головокружительного взлета: ни самые преданные болельщики, ни самые непримиримые соперники.

Тот незабываемый, тот яркий, тот неповторимый чемпионат — он до сих пор стоит перед глазами. Мы, привыкшие уже к обидной монотонности подобных турниров, привыкшие к безраздельной гегемонии столичных армейцев, без особого труда пять сезонов подряд выигрывавших золотые медали, вдруг окунулись в мир неизведанных страстей.

Каждый матч первенства страны стал вдруг по-своему важным, по-своему принципиальным и уже по одному этому — интересным.

«Возмутителем спокойствия» оказался московский «Спартак». То, о чем в свое время мечтал Александр Иванович Игумнов, то, о чем доверительно говорил своим подопечным два года назад Александр Никифорович Новокрещенов, стало явью, фактом, реальностью.

Каждый матч с участием спартаковцев стал большим и радостным событием спортивной жизни страны. С кем бы они ни играли, трибуны были заполнены до отказа. С кем бы они ни скрестили клюшки, равнодушных не было. Красно-белые показывали хоккей, которого не видели давно, — страстный, яростный, огневой, непримиримый.

Камертоном, определявшим этот настрой, была «старшиновская» тройка. Ее действия в ту пору можно определить одним словом — вдохновение. Порой казалось, что «инженеры» (так называли ребят из этого звена, ибо все учились в Московском авиационно-технологическом институте) в пылу того или иного «сражения» просто-напросто забывают обо всем на свете кроме того, что надо играть красиво и — забивать голы. В каждом поединке на

льду они отдают все силы, сражаются от первого мгновения до последнего.

В тот год в высшей лиге выступало 20 клубов. Спартакowцы никому не давали пощады. Они побеждают куйбышевский СКА со счетом 10:0, забивают девять шайб в ворота омских одноклубников, восемь — студентам Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта...

Но что там аутсайдеры — они крошат, свергают с пьедестала признанных лидеров, побеждают ведущие клубы страны. 2:1 и 4:4 — с ЦСКА, 3:1 и 4:3 — с московским «Динамо», 2:1 и 7:4 — с занявшим четвертое место «Локомотивом», 2:4 и 10:2 — с «Крыльями Советов». Не признавая авторитетов, не оставляя никому и тени надежд, они буквально не взошли, а вбежали на высшую ступень всесоюзного пьедестала почета.

Надеюсь, на меня не обидятся почитатели этого прославленного клуба, если я скажу, что команда в целом не была тогда готова к такому яркому взлету. И если она добилась невозможного, то прежде всего благодаря своему первому звену, показавшему в том сезоне игру самого высокого класса. Во имя интересов коллектива братья Майоровы и Старшинов брали на себя в каждой игре львиную долю нагрузки. Не жалели себя, увлекали других неистовой жадной борьбы, отчаянной жадной победы.

С того памятного дня московский «Спартак» прочно вошел в число грандов советского хоккея. Третье место в 1963 и 1964 годах, второе — в 1965 и 1966-м, а затем в 1967-м — снова чемпион Советского Союза. Второе в 1968 году и опять, в 1969-м, — высший взлет. Такой блистательной серии, кроме ЦСКА, у нас не знал еще ни один наш клуб.

Было бы наивно приписывать все эти и другие блистательные успехи какому-нибудь одному человеку или даже небольшой группе лиц. Но совершенно очевидно, что возрождение столичного «Спартака» связано прежде всего с мощью и великолепием тройки Старшинова.

Начало спортивной биографии человека, именем которого она названа, мы уже знаем. Но в чем состоит особенность и своеобразие его творческого почерка? Что главным образом характеризует его как игрока?

Стихия Старшинова — атака. Он всегда был на ее острие, беспрерывно искал малейшую возможность для молниеносного прорыва обороны противника и взятия ворот. О его ярком таланте, высочайшем классе говорит не только уникальная коллекция полученных наград, но такие объективные факты, как, например, следующий: именно Вячеслав первым побил многолетний рекорд результативности в советском хоккее, принадлежавший Алексею Гурышеву, и первым в нашей истории перешагнул рубеж в 400 шайб. Или вот еще: дважды — в 1967 году (47 голов) и в 1968-м (46 голов) — центральной ведущий спартакowской тройки был самым результативным нападающим всесоюзных чемпионатов.

Ни на кого не похож «наш Слава Старшинов», как называли его московские болельщики. Его индивидуальность начиналась с

внешнего вида, с его манеры носить шлем, положив ремешок по подбородку, почти у самого рта. С его манеры выкатываться на лед, с его до миллиметра рассчитанных приемов перекачивания через борт при сменах — на лед и со льда.

В любой игре его отличала величавая сдержанность, философское спокойствие, рассудительность большого мастера. Он показывал нам всем свое удивительное умение (опять же ни с кем не сравнимое) быть одновременно и ярчайшей «звездой» и скромным чернорабочим хоккейного поля. Что это значит? Нужно было внимательно понаблюдать за ним хотя бы в течение одного матча, чтобы сразу все понять. Он буквально не знал в игре ни одной секунды покоя. Вот первым устремился в атаку; под гром аплодисментов, как заправский слаломист, на предельной скорости обходит одного защитника за другим, великолепным броском забивает гол. А через мгновение он уже бросается под шайбу, перекрывая ей путь к своим воротам.

Да, Старшинов — универсал, обладающий всеми без исключения достоинствами хоккеиста экстракласса. Он счастливо сочетал в себе высокое исполнительское мастерство, игровую смекалку, позиционное чутье, самоотверженность.

О последнем качестве хочется сказать особо. Слава никогда не щадил себя, не считал синяки и шишки, постоянно рвался в бой, в гущу событий, показывая при этом филигранную технику. И совсем не случайно, что именно он чаще всего забрасывал в самых ответственных матчах самую решающую шайбу. Его характер — открытый, удалой — импонировал всем.

В хоккее, как и в других командных видах состязаний, не регистрируются личные рекорды, но наши друзья-статистики все-таки придумали их и ведут им учет. И выходит, что Вячеслав по многим показателям опередил своих коллег. Он, например, восемь раз за десять лет включался в символическую сборную мира — ни один советский хоккеист никогда больше не удостоивался такой чести. Вместе с Виталием Давыдовым и Александром Рагулиным он носит звание девятикратного чемпиона мира.

И еще один рекорд, которым нельзя не восхищаться, — рекорд его спортивного долголетия, его неутомимой жажды игры, беспредельной преданности хоккею. Ушел из тройки Женя Майоров. Ушел Борис. Кругом была одна молодежь. А Слава не сдавался. Слава по-прежнему нужен был всем: и своему родному клубу, и сборной.

Старшинов Вячеслав Иванович. Родился 6 мая 1940 г. Заслуженный мастер спорта (1963 г.). С 1957 по 1975 г. в команде мастеров московского «Спартака».

Чемпион СССР 1962, 1967, 1969 гг. Второй призер чемпионатов СССР 1965, 1966, 1968, 1970 гг. Третий призер чемпионатов 1963, 1964, 1972 и 1975 гг. Провел более 500 матчей, забил 402 шайбы.

Олимпийский чемпион 1964 и 1968 гг. Чемпион мира 1963—1971 гг. Чемпион Европы 1963—1970 гг. Второй призер чемпионатов Европы 1961 и 1971 гг. Третий призер чемпионата мира 1961 г. Сыграл на этих турнирах 78 матчей, забил 66 голов.

Итак, эти яркие индивидуальности волею и талантом Александра Ивановича Игумнова были соединены в единое звено. И оно сразу же проявило себя. Повторяю: их усилиями, их преданностью и трудом наш хоккей создал еще одну первоклассную команду. В этом непреходящая заслуга звена и его исключительное место в нашей истории.

С появлением тройки Старшинова любителям, истинным знатокам хоккея в нашей стране стало просто-напросто интереснее жить. Пока они были на льду, ни одна команда, самая сильная и титулованная, не могла считать себя в безопасности, не могла быть гарантирована от поражений и неудач. Но еще более прекрасным было то, как они побеждали.

Разумеется, у каждого свой вкус, свое видение происходящего, и совершенно очевидно, что в спорте, как и в искусстве, нужно избегать абсолютных оценок при характеристике того или иного явления. И все-таки я полностью солидаризируюсь с Всеволодом Михайловичем Бобровым, который в одной из своих статей назвал «старшиновское» звено «чемпионом и рекордсменом хоккейной красоты».

Кто их видел, тот никогда не забудет знаменитую, ни с чем не сравнимую «спартаковскую карусель» — так окрестили действия «старшиновской» тройки миллионы болельщиков. Мне же лично то, что они творили на льду, всегда хотелось сравнить с картиной воздушного боя. Действительно, Борис, Евгений, как два современных реактивных истребителя, то и дело уходили на большие развороты, выполняли, обходя защитников, замысловатые фигуры высшего пилотажа, а затем, улучив благоприятный момент, неотразимо пикировали на ворота неприятеля.

Когда они были на льду, среди зрителей не оставалось ни одного равнодушного. Игра «старшиновской» тройки, подобно пороху, воспламеняла трибуны.

Там, где только две-три минуты назад все было преисполнено академического спокойствия, вспыхивало самое настоящее сражение, зрители вскакивали со своих мест, пронзительно звенели судейские свистки, тревожный красный свет вспыхивал за воротами.

Сколько прекрасных, неповторимых мгновений подарили нам они! Сколько хоккеистов увлекли за собой! Защитники Виктор Блинов, Юрий Ляпкин, Евгений Паладьев, нападающие Евгений Зимин, Александр Якушев, Владимир Шадрин, Александр Мартынюк и многие другие — каждый из них что-то унаследовал от первой тройки, чем-то обязан ей.

Огромная созидательная работа тренеров и самих спортсменов дала великолепный результат. О «старшиновской» тройке стали говорить: «Они понимают друг друга с полуслова».

Эта характеристика была явно неточной. Спартакowцам не требовалось ни полуслова, ни полувзгляда. По тому, как и куда двигался, скажем, Евгений на площадке, как он держал клюшку, Борис уже мог с точностью до нескольких сантиметров определить, кому он собирается отдать шайбу. Майоров-старший готовился принять ее, а Старшинов, даже не взглянув в его сторону, точно;

знал или чувствовал шестым чувством, какое решение примет левый край.

На трибунах часто спрашивали, как достигается такое редчайшее взаимопонимание на поле. Многие думали, что спартаковцы предварительно разучивали свои совместные ходы во всех деталях, репетировали заранее комбинации, которым затем восхищался весь мир.

Но такое представление неверно. Хоккейный матч не музыкальное произведение, где и основную мелодию, и все вариации можно изложить с помощью нотных знаков и выучить заранее. Нет, синхронность действий этих атлетов объяснялась единством творческой мысли и мастерства, которые выросли на почве стабильного единства тройки, ее органической слитности. Блестяще проявив себя на всесоюзной арене, спартаковцы вскоре были призваны под знамя сборной страны.

* * *

Первый чемпионат мира, в котором тогда еще молодое спартаковское звено приняло участие в составе сборной СССР, проходил в Швейцарии, увы, в последнее время потерявшей вкус к хоккею. Лучшие команды планеты выступали на великолепных катках Женевы и Лозанны, трибуны которых в основном заполняли праздные туристы.

Четыре года подряд наша команда не испытывала радости большой победы. Казалось, традиции Стокгольма и Кортина д'Ампеццо стали забываться. Во всяком случае, старший тренер сборной Аркадий Иванович Чернышев и его помощник Анатолий Михайлович Кострюков не ставили перед своими подопечными никаких «сверхзадач».

Обстановка в команде была предельно спокойной. Всегда невозмутимый Чернышев перед каждым матчем говорил:

— Играйте как можете...

Спартаковская тройка отнеслась к этому призыву с предельным чувством ответственности. Вячеслав Старшинов провел тогда в ворота соперников 8 шайб, Борис Майоров — 6, Евгений — 4. Итого 18—абсолютно лучший результат среди всех звеньев сборной. «Альметовская» тройка, уже имевшая опыт выступлений на подобных состязаниях, провела 15 шайб.

Но дело не только в арифметике, хотя сама по себе она всегда показательна. Не менее важным было качество игры. Все специалисты высоко оценили его. Известный в прошлом хоккеист сборной Чехословакии, современник Всеволода Боброва Властимил Бубник писал в те дни в газете «Руде право» в одном из своих отчетов:

«Здесь, в Швейцарии, в составе команды наших советских друзей мы увидели очень интересное звено, в котором играют два брата Майоровых и Вячеслав Старшинов. Эти спортсмены, на мой взгляд, значительно усилили атакующую мощь команды, а также внесли в ее игру здоровый азарт, при этом ни в чем не уступая

уже знакомым нам игрокам в мастерстве. Появление этой интересной тройки открывает перед сборной СССР новые возможности...»

Я не случайно привожу эти слова. Знаменитый гроссмейстер мирового хоккея очень тонко уловил тогда, что значил приход в главную команду нашей страны спартаковской тройки. Он обеспечивал качественную однородность сборной СССР. К прекрасному звену Александра Альметова добавилось не менее прекрасное звено Вячеслава Старшинова.

Вспоминая Стокгольм 1963 года, где советская ледовая дружина после шестилетнего перерыва вернула себе звание сильнейшей в мире. Армейская и спартаковская тройки внесли тогда одинаковый вклад в общую копилку — по 14 шайб, а Вячеслав Старшинов стал лучшим из наших форвардов, «сделав» 8 прекрасных голов. Все они были результатом остроумных комбинаций, не раз восхищавших многочисленных болельщиков. Отточенность реакции, эмоциональность, шахматное чутье комбинационной игры, позволяющие Старшинову и его партнерам предвидеть развитие событий на несколько «ходов» вперед, — вот качества, сделавшие этих ребят героями замечательного турнира.

При этом нельзя не учитывать еще и такого факта. Тренеры сборной Аркадий Чернышев и только что ставший с ним рядом Анатолий Тарасов, желая сохранить ударную мощь уже испытанного во многих международных состязаниях звена Александра Альметова, поручили новичкам из «Спартака» труднейшую роль нейтрализации ударных троек основных соперников. У шведов — тройку Нильссона, у чехов — Бубника и Влаха, у канадцев — Маклеода и Тамбеллини. И эти важнейшие задания были выполнены ребятами блестяще.

Незадолго до того, как сборная СССР отправилась в Стокгольм, представитель спартаковской тройки Борис Майоров был единогласно избран ее капитаном. Когда прилетели в столицу Швеции, Анатолий Владимирович Тарасов сказал ему:

— Ты — вожак. Напиши в стенную газету заметку, да такую, чтоб дух захватило, чтобы задело ребят за живое!

И комсомолец Майоров выполнил это задание. Он писал о тех, кто не вернулся с войны. Кто восстанавливал ДнепрогЭС. О Юрии Гагарине... А закончил свою статью стихами, написанными специально для этого случая:

*Силы свои утروим,
Скажем открыто, друзья:
Мы из страны героев,
Нам уступить нельзя!*

Придя в сборную, спартаковцы принесли с собой прекрасный дух беспокойства, взволнованности, яростной непримиримости к равнодушию. И эти прекрасные гражданские качества они проявляли постоянно.

Отлично проявила тройка себя в 1964 году, в озаренном альпийским солнцем Инсбруке, где лучшие команды оспаривали сразу два звания — олимпийского чемпиона и чемпиона мира, а послан-

цы нашего континента к тому же и чемпиона Европы. Было из-за чего поспорить.

Старт новоиспеченных чемпионов мира — сборной СССР — на льду инсбрукского «Айсштадиона» выглядел обнадеживающим. В первом же матче они свергли с олимпийского хоккейного престола американцев. Счет дуэли оказался в нашу пользу — 5:1. Затем трудные победы над сборными Чехословакии (7:5) и Швеции (4:2). У швейцарских, немецких и финских хоккеистов мы последовательно выиграли 15:0, 10:0, 10:0.

Под занавес дуэль с Канадой. Последняя. Самая трудная. Дело в том, что страна Кленового листа в Инсбрук впервые прислала на соревнования такого ранга не клубную команду, а национальную сборную. Готовил ее выдающийся специалист хоккея Дейв Бауэр. Этому 38-летнему священнику удалось создать лучшую за всю историю этой страны любительскую команду.

К матчу с нами команда Канады пришла имея пять «чистых» побед и проигрыш от чехов со счетом 1:3. Победа над нами нужна была заокеанским спортсменам как воздух. И они клялись добыть ее.

Не ошибусь, если скажу, что встречу Канада — СССР в Инсбруке можно с полным основанием отнести к одной из самых красивых, ярких и драматичных за всю историю нашего участия в олимпийских играх.

Гонимые жаждой честолюбия, жаждой победы, канадцы с первым свистком судьи бросились на штурм, и уже на 6-й минуте первого периода их нападающий Джордж Свабрук, вылетев один на один с Виктором Коноваленко, открывает счет. Результат 1:0 в пользу канадцев продержался 25 минут «чистого» игрового времени.

— Забить во что бы то ни стало!

— Уравнять счет! — эти указания наши тренеры давали каждой смене.

Но уходит в «бой» тройка Альметова, уходит на ледовую арену следующая тройка, а на огромном световом табло по-прежнему светятся единица и ноль.

— Прибавить скорости. Их можно взять только скоростью! — кричит Анатолий Тарасов.

На площадке творится что-то невероятное. Тысячи зрителей как замороженные следят за разворачивающейся битвой. Никого не оставляет равнодушным это состязание в мастерстве, скорости и выдержке.

— Армейцы, на лед!

Они возвращаются через полторы минуты, а счет по-прежнему 0:1.

— Смена, смена!

Но и Виктору Якушеву с партнерами не удалось переломить ход поединка.

— Вперед, «Спартак»!

Стадион ахнул с новой силой, когда Старшинов и братья Майоровы закрутили свою знаменитую «карусель». В ее хитро-

сплетении не сумели разобраться и опытные канадцы. Одна комбинация следовала за другой, и каждая поражала глубиной силы, красотой и отточенностью исполнения. Развязка казалась неотвратимой, и она пришла. Евгений Майоров, получив от брата филигранно отмеренный пас, выскочил на ударную позицию и неотразимым ударом послал шайбу в сетку ворот. 1:1. Шла 11-я минута второго периода.

Такой поворот дела не устраивал канадцев. Они снова бросились на штурм, и ровно через три минуты Роберт Форэн вновь выводит свою команду вперед. Тут же у нас удаляется Олег Зайцев.

Тренеры в этот исключительно ответственный момент выпускают «старшиновскую» тройку и одного из самых могучих наших защитников. Пятеро канадцев лезут напролом, стремятся ошеломить, смять наших хоккеистов, любой ценой увеличить счет.

Любой ценой... И вот за грубость судья удаляет Брайана Канахера. В каждой из команд осталось по четыре полевых игрока. Тут-то и сказала свое решающее слово спартаковская лихость, спартаковская скорость, спартаковская отвага. Мгновенная контратака. Евгений отдает пас Борису, Борис идеально рассчитанной передачей выводит на прорыв Старшинова, и тот не упускает своего шанса. 2:2! Пронзительная сирена извещает о конце второго периода. Периода, в котором рухнули надежды канадцев.

— Вторая шайба, забитая русскими, по существу, решила исход состязания. Мои ребята не смогли оправиться от шока, вызванного ею в этой невиданной по напряжению психологической дуэли, — сказал на пресс-конференции Дейв Бауэр. (А точку в том матче поставил Вениамин Александров — 3:2!)

Мы не случайно восстанавливаем картины давно отшумевших игр. В каждой из них вклад спартаковской тройки оказывался не просто значительным, но чаще всего — решающим.

После олимпийской победы в Инсбруке о звене Старшинова говорил весь хоккейный мир. О нем говорили и писали как о произведении искусства, как о явлении значительном, как о звене, цементирующем сборную страны. И вдруг, уже после того, как эта тройка стала едва ли не самым главным героем олимпийского турнира в Инсбруке, ее постиг неожиданный и жесточайший удар. Как и у всего на свете, у него своя предыстория.

В конце 1964 года сборная Советского Союза участвовала в традиционном новогоднем турнире, так называемом Мемориале Брауна, который ежегодно проводится на катке фешенебельного американского курорта Колорадо-Спрингс. Турнир вопреки ожиданиям выдался очень тяжелым. Сборные СССР, Чехословакии, Канады играли между собой в два круга. Уступать никто не желал.

Сначала наши хоккеисты обыграли и тех, и других, но потом потерпели поражение от Чехословакии. Местная пресса с восхищением отзывалась о тройке Старшинова, выделяя ее виртуозность, синхронность и мужество. Многочисленные зрители с нетерпением ожидали решающего матча Канада — СССР.

А в предыдущем поединке наша команда понесла потери: серьезные травмы получили Вениамин Александров, Борис и Евгений Майоровы. Положение Жени осложнялось тем, что он уже страдал одной тяжелой и хронической травмой — привычным вывихом плечевого сустава. А тут, как назло, он повредил второе плечо. Это означало, что на поле он практически бы вышел безоружным, ведь в современном хоккее непрерывное силовое единоборство неизбежно, а тем более когда играешь с канадцами.

За сутки до начала состязания в нашей команде проходило собрание. Тренеры настраивали ребят на победу. Выслушав их боевой призыв, Вениамин Александров встал со своего места.

— К сожалению, я не смогу быть полезным команде, — сказал он и подробно, очень спокойно объяснил, почему он так считает.

— Что ж, убедительно, — резюмировал Аркадий Иванович Чернышев.

И Анатолий Владимирович Тарасов добавил:

— Освобождаем.

Тогда поднялся Евгений Майоров и, не вдаваясь в подробности, заявил:

— Я тоже не могу играть...

Может быть, ему стоило объяснить свое состояние более подробно. Не спорю. Но и того, что спортсмен сказал, было достаточно: все знали его страсть к игре, и ясно было, что без весомой причины ни один уважающий себя спортсмен от борьбы не откажется. Но тренеры усмотрели в его заявлении нечто оскорбительное.

— Ты уваливаешь, — сказал Чернышев.

— Бросаешь товарищей в трудную минуту, — добавил Тарасов.

Его обвинили вдруг, без всяких на то оснований, бог знает в каких грехах: эгоизме, пренебрежении интересами коллектива, зазнайстве... Нервы и природная горячность сделали свое: Женя не нашел ничего лучшего, как нагрубить и уйти с собрания.

Слов нет, поступок недостойный, заслуживающий самого серьезного осуждения. Но были в истории нашей сборной вещи и «посолонее». Однако всегда со всеми этими спортсменами тренеры сборной вели большую индивидуальную работу, боролись за их возвращение, не жалели для этого ни времени, ни сил.

После случая в Колорадо-Спрингс, о котором шла речь выше, с Женей Майоровым никто из руководителей не обмолвился ни словом. Прошло время. Были залечены старые травмы, начался новый сезон. В чемпионате страны тройка Старшинова по-прежнему творила чудеса. По-прежнему о ней с восторгом отзывались журналисты, называя троих единым целым.

Но вот незадолго до чемпионата мира 1965 года в московский «Спартак» пришла телефонограмма из Федерации хоккея: «Откомандировать в сборную В. Зингера, В. Старшинова, Б. Майорова». На этом список заканчивался. Евгения Майорова без всяких объяснений вычеркнули из него. Не был он призван под знамена главной команды страны и на следующий год, хотя о его игре в чем-

пионате страны отзывались с большой похвалой (и в устных заявлениях, и в печати) виднейшие специалисты.

«В чем дело?», «Почему нет в сборной Евгения Майорова?», «Кто виноват в бездушном отношении к выдающемуся спортсмену?» — десятки тысяч писем с этими естественными вопросами приходили в редакции различных спортивных газет и журналов. Но ответа на них не было. Да и как могли такие авторитетные, всеми уважаемые педагоги, как Чернышев и Тарасов, признаться общественности, что они поддались такому мелочному и недостойному чувству, как месть! Да, они мстили Евгению Майорову за неповолительную дерзость, которую он проявил на исходе шестьдесят четвертого, олимпийского, года в далеком Колорадо-Спрингс.

Могут спросить: а стоит ли ворошить старое? Мой ответ на это однозначен: стоит! Стоит хотя бы во имя того, чтобы предостеречь других от необдуманных поступков, от желания ставить свою гордыню, свое уязвленное самолюбие выше того святого и возвышенного, имя которому — советский спорт.

«Решительность», «непреклонность» Чернышева и Тарасова дорого обошлись в данном случае советскому хоккею. Вячеслав Старшинов остался в строю, и Борис Майоров тоже, но то, что мы называли «старшиновской» тройкой, перестало существовать. И уже никогда, ни при каких обстоятельствах, ни с какими новыми партнерами (о которых будет сказано ниже) спартаковская тройка не играла с таким ослепительным блеском, не достигала такого высокого класса, какой она демонстрировала в первенстве страны 1962 года, на чемпионате мира в Стокгольме и на Олимпийских играх в Инсбруке.

В 1965 году в Тампере место Евгения Майорова в этом звене занял армеец Анатолий Ионов. Подобное решение тренеров выглядело совершенно необъяснимым ни для представителей прессы, ни для болельщиков.

— Более нелепое сочетание трудно, кажется, придумать, — сказал один из видных наших игроков прошлого.

С этим нельзя было не согласиться. У Ионова совсем иная манера игры, иные принципы действий, чем у спартаковцев. Наблюдая за его выступлением на льду Тампере в составе «чуждого» звена, мы, журналисты, невольно вспоминали слова поэта: «В одну телегу впрячь неможно коня и трепетную лань».

Закончилось первенство мира. Хоккеисты из «Спартака» решили не унывать и доказать, что случай с Евгением всего лишь эпизод, что они сильны и прекрасны именно втроем. В заключительных матчах чемпионата страны 1965 года и в основной части следующего «старшиновская» тройка показывала великолепную игру, восторженные отклики поддерживали ее. Но, видимо, тренеры по молчаливому сговору навсегда вычеркнули Евгения Майорова из списков сборной. К его кандидатуре они больше не возвращались. Если других — и возрастом постарше, и классом явно ниже — вновь и вновь испытывали, проверяли, включали во вторую сборную, приглашали на сборы, отправляли в зарубежные поездки, то по отношению к Майорову-младшему Чернышев и Тарасов всем

своим поведением давали понять: на тебе поставлен крест. Не думаю, что, перелистывая страницы прошлого, оба этих видных педагога сумеют сохранить душевное спокойствие, когда дойдут до описываемого нами момента.

Итак, распалось, перестало существовать намного раньше времени одно из самых самобытных, самых интересных и ярких звеньев за всю историю отечественного хоккея. Да, я утверждаю — «старшиновская» тройка перестала существовать как таковая. Теперь на льду были просто великолепный Старшинов, просто несравненный Борис Майоров и кто-то третий — хороший или плохой, но всегда временный — с ними. В Любляне им оказался Виктор Якушев, ветеран московского «Локомотива». Спортсмен, который так понимает, видит и чувствует хоккей, как дано немногим. Один из ярчайших талантов. Его универсальность, способность одинаково сильно играть на любом месте и с любыми партнерами стала у нас легендой. Точно так же, как и его удивительное спортивное долголетие: Виктор провел в высшей лиге более 20 лет, ни разу даже не сделав попытки изменить своему клубу.

И вот судьба свела его на поле со знаменитым дуэтом. Ребята довольно быстро поняли друг друга. Последний же матч того чемпионата — матч со сборной Чехословакии, когда они открыли счет и за первые пять минут провели в ворота соперников три шайбы, — многие называли их большим творческим достижением.

Через неделю после победы на четвертом по счету чемпионате мира сборная страны встречалась со своими болельщиками в Политехническом музее. Отвечая на один из вопросов (задававшихся в десятках записок), Вячеслав Старшинов заявил:

— Скажу вам откровенно, товарищи: с Виктором Якушевым играть — одно удовольствие. Но всем нам очень недостает Жени Майорова.

Примерно в это же время началась новая эра в истории великой тройки. Старший тренер «Спартак» Всеволод Михайлович Бобров определил в «старшиновское» звено на правый край 19-летнего Евгения Зимины. Много ушло сил, нервов и даже здоровья у ветеранов, прежде чем они нашли общий язык с исключительно одаренным, самоуверенным и не в меру тщеславным напарником.

Но в конце концов тройка заиграла. Именно она вновь стала «главным виновником» завоевания «Спартаком» в 1967 году звания чемпиона страны. Именно она вошла целиком в состав сборной на олимпийском турнире в Гренобле, где отыграла на «пяť».

Помню, за их выступлением мы наблюдали однажды с Всеволодом Михайловичем Бобровым. Когда отличную комбинацию, начатую юным Зиминым, блестяще завершил Борис Майоров, я не удержался и произнес:

— А знаешь, теперь это снова могучая тройка.

Не отводя взгляда ото льда, Бобров задумчиво произнес:

— Могучая, да не та. Великое в хоккее, знаешь ли, рождается только один раз.

Вскоре покинул большой спорт Борис Майоров. Только Старшинов, этот «последний из могикан», не сдавался и продолжал выступать. Играл он, как всегда, блестяще, несколько лет был капитаном сборной, но теперь уже никто не говорил о тройке Старшинова. О ней вспоминали — с гордостью, любовью и наслаждением!

Глава шестая

«ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА...»

Сколько будет на земле существовать хоккей с шайбой, столько будут все, кто приближен к нему, повторять неоспоримую истину: тройка весьма сложный игровой механизм. Да, это так. И ведущие тренеры тратят немало сил, энергии, творчества для создания звена, которое способно решать многообразные и сложные тактические задачи. Ведь далеко не всегда даже три индивидуально сильных мастера могут составить истинно ударное звено. И далеко не каждому педагогу дано создать его.

В нашей стране в этом сложнейшем искусстве не имеет себе равных заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР Анатолий Владимирович Тарасов, которого с полным правом можно назвать «главным конструктором» отечественного хоккея. Этому человеку принадлежит уникальный в своем роде рекорд: за всю историю существования сборной Советского Союза, с 1954 по 1980 год, первые тройки главной команды страны были плодом его творческих усилий, его труда и мысли, его «личными» талантливыми произведениями. Сначала он подарил нам звено Боброва, в котором, между прочим, сам выступал в роли центрального нападающего; потом мы увидели великолепную тройку Александра Альметова; ее сменила дружина Анатолия Фирсова, затем — Владимира Петрова. Я уже не говорю о других тройках, выпестованных этим выдающимся педагогом, которые мы знаем по блестящим выступлениям прославленного армейского клуба — ЦСКА — и главной команды страны.

Анатолий Тарасов! Едва ли есть не только в нашем хоккее, но и во всем советском спорте фигура более колоритная, более интересная и, добавим, более противоречивая в глазах общественного мнения. В самом деле, вы без труда обнаружите одних людей, которые скажут вам о нем, что он непомерно жесток, а другие — что он человечен и добр; одних, утверждающих, что ему невероятно везет в его спортивной жизни, и других, считающих, что все в ней добыто титаническим трудом и бесконечным самопожертвованием; одних, что во время матча своими выкриками он сбивает с толку ребят, лишает их инициативы, и других, твердо знающих, что именно эта активность служила главной причиной побед его подопечных...

Но есть одно качество, которое все, кто знал и знает его, оценивают совершенно однозначно. Анатолий Тарасов — человек творческий и не умеющий удовлетворяться достигнутым. Он всегда

что-то искал, что-то находил, что-то обдумывал и проверял. Искал поточный метод тренировок, искал тактику «пять в нападении — пять в защите», искал и утверждал в хоккее полузащитников, утверждал свою систему...

Он был беспрерывно поглощен новыми идеями, отстаивал их в жизни и в своих многочисленных книгах, горячо защищал то, что любил, во что верил. Мне иногда даже кажется, что и хоккей-то у нас стал хоккеем, приобрел просто невиданную популярность именно благодаря Тарасову. Он, как никто другой, умел привлечь всеобщее внимание к своему детищу, превратить обыденное в исключительное, создать вокруг каждого матча, каждого соревнования атмосферу прекрасной творческой взволнованности.

«Хоккей» и «Тарасов» — неразделимы, немислимы друг без друга. Человек, обладающий каким-то поистине поразительным чутьем на все новое, Анатолий Владимирович еще в далеком 1946 году, когда тысячи специалистов спорта искренне доказывали, что нашей стране не нужен хоккей с шайбой, написал следующие поистине пророческие слова:

«У этой игры — большое и очень заманчивое будущее. В ней органически сплелись многие черты: неудержимая скорость, лихая отвага, красота и сообразительность, взаимовыручка, которые присущи нашему народу, являются его национальными чертами. Я уверен: настанет день, и эта игра получит у нас небывало широкое распространение, станет одной из самых горячо любимых».

Как мы знаем, этот день настал раньше, чем можно было предполагать. И в том, что это произошло, заслуга и вклад Тарасова огромны.

Однажды я спросил его, что он считает главным для создания тройки экстракласса.

— Для этого нужно очень многое, — последовал ответ. — Но одно из обязательных условий, на мой взгляд, чтобы во главе тройки был настоящий, боевой вожак. Совершенно не обязательно, чтобы это был центральный нападающий, место тут не имеет решающего значения. Важно, чтобы в тройке мы имели настоящего организатора, человека, сочетающего в себе высокие спортивные и гражданские качества.

Это определение можно с полным правом поставить эпиграфом к главе об Анатолии Фирсове и его тройке.

Думаю, что обо всех наших хоккеистах вместе взятых не написано и не сказано столько, сколько о нем одном.

Это вполне понятно: перед нами один из замечательнейших представителей не только советского, но и мирового любительского хоккея, и его популярность прямо пропорциональна тому колоссальному вкладу, который он внес в становление и развитие этой игры.

Потребовалась бы не одна книга, чтобы перечислить и объяснить все черты его спортивного характера. Но наиболее яркая, наиболее характерная из них это способность везде — в спорте и в жизни — всегда оставаться самим собой. К нему в семидесятые годы пришли огромная, слава, известность, всеобщее признание и

поклонение. А он был по-прежнему простым и сердечным. Я не знаю ни одного случая, когда бы прославленный чемпион отказался выступать перед трудящимися, дать автограф или интервью, встретиться с болельщиками.

На протяжении ряда лет товарищи единодушно доверяли ему почетную обязанность комсомольского организатора. О Фирсове говорили и в ЦСКА и в сборной: «Наш комиссар!»

За этим на первый взгляд шутивным определением скрывалось очень многое. Анатолий вел за собой коллектив, он был для каждого из товарищей мериллом совести и чести, образцом поведения, и они знали, что Фирсов никогда не солжет, не покривит душой, не спасует перед любой житейской сложностью.

Первые шаги в спорте Толя делал в спортивном коллективе завода «Красный богатырь». В 1955 году попал в детско-юношескую школу московского «Спартака», где в течение пяти с половиной лет учился хоккейным премудростям под руководством уже упоминавшегося нами Александра Ивановича Игумнова. По его предложению и настоянию Толя был принят в команду мастеров своего прославленного клуба и в ее составе дебютировал на чемпионатах страны 1961/62 годов, но в середине сезона перешел в ЦСКА. Здесь полностью раскрылся его необыкновенный талант.

В игре Анатолия поражал его набор скоростей. Именно набор. Что же это значит?

Прежде всего восхищала и поражала свойственная ему скорость мысли. Порой думалось, что игра Фирсова состоит из непрерывного ряда озарений: в горячей, напряженной обстановке, в хитросплетении острого хоккейного матча, когда все закручено вихрем единой страсти, он умел сохранить глубокое внутреннее спокойствие и, мгновенно ориентируясь, найти самое неожиданное и поэтому самое опасное для соперника решение.

Никто так быстро, как он, не умел оценить любую сложную позицию и найти наиболее точное, сильное и красивое продолжение.

Затем его характеризовала скорость исполнения того или иного приема, паса, обводки. В совершенстве овладев сложнейшей техникой современного хоккея, последовательно расширяя арсенал средств и методов ведения борьбы, он в любой ситуации чувствовал свое превосходство, свою возможность обыграть противостоящего — победить.

И в-третьих, он обладал высокой скоростью бега на коньках. Помнится, Тарасов организовал чемпионат команды по скоростному бегу на коньках. Фирсов не знал себе равных на дистанции 1000 метров. А вот на «пятисотке» был лишь десятым.

Разгадка такого удвоения была проста: новичку армейской команды пока еще явно не хватало скоростной выносливости и общефизической подготовки.

К счастью, команда ЦСКА первой у нас в стране приняла на вооружение атлетизм, как первооснову, фундамент, на котором держатся другие компоненты хоккея: и техническая оснащенность, и тактическое искусство, и волевая закалка.

В ведущем клубе страны, которым был и остается ЦСКА, Фирсов сразу попал в обстановку такого напряжения, такой ответственности, о которых прежде и понятия не имел. Все здесь было непривычно тяжело — и необходимо.

— Помню, — рассказывал мне Анатолий, с которым в дни работы над этой книгой мы встречались не раз, — как мы все объясняли пришедшему к нам в гости журналисту, чем отличается физическая подготовка армейцев от подготовки других команд. Собирают сборную. Приходят к нам динамовцы или спартаковцы и не знают, с какой стороны подступить к штанге. А мы и шайбу можем вести с этими штангами на плечах... Как говорится, в этой шутке была заключена доля правды. И немалая.

Ни на минуту не прекращались в ЦСКА поиски новых форм и методов занятий, целью которых было воспитание не просто хорошего игрока, а хоккеиста высокого международного класса.

Конечно, и в других клубах вырастали у нас большие мастера, выдающиеся исполнители. Достаточно, например, назвать имена моих бывших одноклубников Вячеслава Сташинова, Бориса Майорова, Александра Якушева, Виктора Зингера, Евгения Зимина... Наверное, мог бы проявить себя там и я. Но все-таки с армейской закалкой трудно что-либо сравнить. Скажу даже так, если «Спартак», «Динамо», «Крылья Советов» в своем роде высшие школы, то ЦСКА, несомненно, академия современного хоккея.

Помню, — продолжал он, — как тяжело мне здесь пришлось на первых порах. Поразили непривычные нагрузки, о которых прежде и понятия не имел; жесткая требовательность старшего тренера мне часто казалась жестокостью. Я считал, что он ко мне откровенно придирается, хочет избавиться от меня. Да судите сами. Нагнал я товарищей по уровню атлетической подготовки, думаю: все в порядке. Не тут-то было. Старший тренер по-прежнему находил у меня кучу недостатков и откровенно говорил о них. Я устранял их. Но Анатолий Владимирович на каждой тренировке обнаруживал все новые и новые изъяны. В конце концов это начало меня ужасно злить. Ведь я играл уже в первой сборной, обо мне писали в газетах, а в клубной команде со мной продолжали обращаться, казалось мне, как с мальчишкой. В «Спартаке» был признанным центрфорвардом, в ЦСКА поставили на край и уверяли, что здесь мое место. Потом Тарасов объявил:

— Ты не умеешь бросать шайбу.

— Если не умею, зачем же пригласили? — не без злости спрашивал я.

— Чтобы научить, как следует, — звучало невозмутимо.

Часами швырял я шайбу в борт, добивался, как мне казалось, идеальной точности и силы, а старший тренер все недовольно качал головой:

— Не так, Толя, все еще не так... Внимательней, дружище, приглядывайся к Альметову... Смотри, смотри, как работает кисть у Саши...

Пришел день, когда Тарасов оценил мои усилия. Он сказал одобрительно, подводя итог очередной тренировки:

— Ну, наконец, с броском у тебя хорошо.

Прошло минут пять, он словно бы спохватился, словно бы пожалел о минутной слабости и разразился такой тирадой:

— Собственно говоря, это «хорошо» для вчерашнего дня, а сегодня, дорогой Толя, так уже бросать нельзя. Теперь бросок форварда таких команд, в которых играешь ты, должен быть иным: не только сильным и точным, но прежде всего скрытным, совершенно неожиданным и для защитников, и для вратарей соперников.

И все началось, по существу, с начала, — продолжает свой рассказ Анатолий Васильевич, а на лице его играет добрая улыбка. Видно, что воспоминания о пережитых трудностях, о словах и требованиях, которые казались когда-то обидными, доставляют ему не боль, вызывают не досаду, а радость.

— Однажды, — признается Фирсов, — когда терпеть, на мой взгляд, было уже совсем нельзя, я спросил у Тарасова: «Вот вы ругаете меня да ругаете, говорите, все не так да не так. Что же, по-вашему, я совсем не гожусь для хоккея?»—«Ну что ты! Годишься, конечно, — заявил он, глядя на меня в упор. — Спортсмен ты способный. Но у тебя пока есть один, по моим понятиям — принципиальный, недостаток: ты играешь в современный хоккей, а настоящий спортсмен должен опережать свое время. Ты должен уже сегодня стремиться играть так, как будто живешь не в шестьдесят третьем, а, скажем, эдак в семидесятом...»

Мы не случайно привели этот взволнованный, изобилующий интереснейшими деталями рассказ ветерана. Он с предельной наглядностью показывает нам, в каких условиях, на каком фоне происходило формирование Анатолия Фирсова как игрока и личности. Вечная неудовлетворенность собой, вечная устремленность вперед, в завтрашний день — таков был закон жизни армейского клуба.

Этот закон ломал и уничтожал слабых, но сильных он закалял. И то, что вчера раздражало новичка, казалось неодолимым, в конце концов входило в кровь и плоть спортсмена, становилось неотъемлемой чертой его характера, привычкой.

Да, великих спортсменов прежде всего рождает великий труд, великая преданность спорту. Эти качества были органически присущи Анатолию Фирсову, они стали чертами его характера, его «я».

Этот поистине выдающийся спортсмен был поразительно восприимчив ко всему новому, всегда очень внимательно следил за всем, что происходит в нашем и мировом хоккее.

В самом начале своей блестящей карьеры, едва ли не на первом своем чемпионате мира, Анатолий увидел в исполнении знаменитого центрфорварда сборной Швеции Ульфа Стернера прием «клюшка — конек — клюшка». В его игре это был лишь мгновенный эпизод.

Вернувшись домой, Фирсов рассказал об увиденном Тарасову. Старший тренер армейского клуба, учитывая необычайную ловкость и смышленность своего подопечного, сказал:

— Швед подсказал тему. А наше дело с тобой — воплотить ее в произведение.

И они принялись за реализацию задуманного. Суть его состояла в следующем: хоккеист, владеющий шайбой, вдруг пронесит клюшку над шайбой, как бы теряя ее, и, усыпив этим обманном жестом внимание соперника, тут же, немедленно, подталкивает шайбу вперед, к клюшке. Технически это очень сложно. В отношении Фирсова такое предложение усложнялось тем, что он играл на левом краю и, стало быть, «удобной» правой ногой он мог подтолкнуть шайбу вроде бы только к борту, не к воротам — по кратчайшей прямой.

И тем не менее через неделю-другую после задуманного Фирсов уже с блеском применил этот финт в очередном матче чемпионата страны. И подталкивал он шайбу не правым, а левым коньком, что в еще большей степени озадачивало соперников.

Впоследствии освоенный прием получил широкую известность и использовался Анатолием с максимально высоким коэффициентом полезного действия. Пытались его повторить и многие другие советские хоккеисты, но по-настоящему это не удалось никому. Финт «клюшка — конек — клюшка» навсегда остался в истории отечественного хоккея «фирменным блюдом» Анатолия Фирсова.

Прошло еще немало лет. Учитывая возросшую плотность современных оборонительных порядков и высокое искусство действия защиты, нападающие лучших команд мира отработали и стали эффективно применять сильнейшие броски по воротам с дальних дистанций. Это очень успешно делали чешские, шведские, финские форварды.

Но одним из самых заметных, самых ярких выразителей новой тактики выступил, к нашей всеобщей радости, не кто иной, как Анатолий Фирсов. Мгновенно уловив существо нового, насущное требование времени, он стал главным героем «стрельбы с закрытых позиций».

В одной из своих статей, написанных накануне ухода из большого спорта, прославленный мастер советского футбола, один из лучших вратарей современности Лев Яшин писал:

«Только тот, кто способен годами сохранять трепетность ожидания каждой встречи, для кого, несмотря на ранги, звания, заслуги, опыт, любой матч — это праздник, радость, кто до последнего дня сохраняет в себе мальчишескую радость к мячу, достигает настоящих высот».

Когда я читаю и перечитываю эти замечательные строки, то обязательно вспоминаю Анатолия Фирсова. За сезон он проводил свыше ста матчей в составе сборной страны и своего клуба, и каждый из них был всегда по-своему сложен, каждый требовал максимального расхода энергии.

— Как относился он к таким нагрузкам? — спросили мы однажды у Анатолия Владимировича Тарасова.

— Переносил их прекрасно. Нет, «переносил» не то слово. Он буквально рвался в бой, искренне радовался предстоящему состязанию, жил ожиданием его. А когда я говорил, что он должен отдохнуть и по этой причине в очередном матче участвовать не будет, на меня всегда смотрели недоумевающие, обиженные и пе-

чальные глаза Анатолия. Он даже представить себе не мог и не хотел, что команда выйдет без него на лед.

В ходе каждого матча Фирсов охотно принимал силовую борьбу. При его средних, отнюдь не богатырских физических данных, при его великолепной скорости и уникальной технической разносторонности подобное могло показаться несколько странным. Но тот, кто знал этого мастера «изнутри», легко находил объяснение подобным действиям. Во вкусе Фирсова к жесткой игре проявлялось его понимание законов развития хоккея, чувство времени: он прекрасно знал, что, как бы ни затягивалось решение вопроса о встрече советских хоккеистов с канадскими профессионалами, она неизбежна, более того — не за горами. И Фирсов сам, исподволь готовился к грядущим испытаниям. Верный ученик Тарасова, он, играя сегодня, жадно постигал и настойчиво осваивал хоккей будущего.

На чемпионате мира 1967 года в Вене тренеры сборных Швеции и Чехословакии взволнованно предупреждали своих подопечных: «Внимание! На льду Фирсов!»

Подобные случаи не единичны. Перед матчем сборных СССР и Канады (он был заключительным на турнире в рамках X зимних Олимпийских игр в Гренобле) старший тренер наших соперников Джек Мак-Леод, в прошлом один из лучших нападающих знаменитого клуба НХЛ «Торонто мэйпл лифс», разбирая со своими игроками предстоящую встречу на макете, неизменно повторял:

— Я прошу обратить особое внимание на этого неуправляемого Фирсова.

Мак-Леод как в воду глядел. Анатолий в том напряженном матче забил два решающих гола — открыл и закрыл счет.

А через несколько дней, выступая по Советскому телевидению перед миллионами болельщиков, Аркадий Иванович Чернышев, всегда максимально осторожный в оценках, заявил:

— После Всеволода Боброва я считаю самым выдающимся хоккеистом нашей страны Анатолия Фирсова.

Итак, Фирсов Анатолий Васильевич. Родился 1 февраля 1941 г. Заслуженный мастер спорта (1964 г.). Центральный и левый крайний нападающий московского «Спартака» (1958—1961 гг.) и ЦСКА (1961—1974 гг.).

Чемпион СССР 1963—1966, 1968, 1970—1973 гг. Провел 474 матча, забил 339 голов (в ЦСКА — 409 матчей и 332 гола). Обладатель Кубка СССР 1966—1969, 1973 гг.

Олимпийский чемпион 1964, 1968 и 1972 гг. Чемпион мира 1964—1971 гг. Чемпион Европы 1964—1970 гг. Сыграл на этих турнирах 67 матчей, забил 66 голов. Лучший бомбардир чемпионатов мира 1967 (11 голов), 1968 (12 голов), 1969 (10 голов) и 1971 (11 голов).

В 1967, 1968 и 1971 гг. был признан ЛИХГ лучшим нападающим чемпионатов.

Первое время у себя в клубе Фирсов был включен в тройку, которую возглавлял Валентин Сенюшкин. Был он на четыре года старше Анатолия, в армейской команде выступал с 1953 года и

считался здесь старожилом. На льду уже давно проявил себя как хороший, умный тактик, умело снабжающий партнеров голевыми передачами.

Другим партнером по тройке оказался Леонид Волков, уроженец города Горького. Начав играть в местном «Торпедо», он уже с 1957 года «прописался» в ЦСКА (Леонид был на семь лет старше Фирсова), прошел здесь замечательную школу.

Несомненно, что Анатолий Владимирович Тарасов подключил к этой паре опытных, закаленных в турнирных сражениях хоккеистов Анатолия Фирсова не случайно. Он правильно рассчитал, что два этих спортсмена, не числившиеся никогда в звездах первой величины, не будут сковывать талантливого новичка, не будут психологически довлеть над ним, и в то же время помогут быстрее «найти себя» в прославленном коллективе, обрести уверенность, отшлифовать мастерство.

Этот замысел полностью оправдался. Уже в шестьдесят втором году в нашей печати стали появляться лестные оценки по адресу способного дебютанта. А когда на следующий сезон ЦСКА вернул себе титул чемпиона, газета «Советский спорт» в итоговом обзоре писала:

«Очень прочным оказался сплав молодости и опыта в звене, где ветераны В. Сеньюшкин и Л. Волков играют с молодым А. Фирсовым. Последний растет буквально на глазах...»

Оценка журналиста оказалась справедливой. Два спортсмена из этого звена были приглашены в сборную страны.

Итак, в нашей главной команде появилась новая тройка: Леонид Волков — Виктор Якушев — Анатолий Фирсов.

О Викторе Якушеве, этом поистине уникальному мастеру, уже сказано в этой книге немало, но к его образу, к описанию его выдающихся спортивных качеств хочется возвратиться еще раз. Партнерами его в сборной страны в различное время были Евгений Грошев, Игорь Деконский, Виктор Пряжников, Станислав Петухов, Николай Снетков, Виктор Цыплаков, Александр Альметов и Вениамин Александров, Леонид Волков, Анатолий Фирсов, Вячеслав Старшинов, Борис Майоров. Итого—12. Думаю, что этот «рекорд перемещений» еще долго не будет побит в нашем хоккее. Любопытный сам по себе, он свидетельствует о том, что этот хоккеист, навсегда связавший свою судьбу с московским «Локомотивом», в любой ситуации, при самой различной раскладке сил оказывался необходимым, очень нужным нашей сборной команде. И главное — нужный всем, с кем его сводила судьба. О нем с глубоким уважением говорили такие асы советского хоккея, как Александр Альметов, Вячеслав Старшинов, Анатолий Фирсов, Борис Майоров. Говорили как об идеальном партнере.

В самом деле, у этого спортсмена было так много достоинств, что, право, порой и не знаешь, как их перечислить, какие выделить прежде всего.

Вероятно, на первый план следует поставить то, что он великий труженик хоккея. Не знал устали ни на тренировках, ни в ходе состязания.

Если же говорить о чисто технических навыках, то здесь не может не восхищать любого знатока его превосходная игра в пас. Тонкий тактик, великолепно понимающий и чувствующий игру, он поразительно верно и искусно дирижировал действиями партнеров. Причем делал это так просто, так естественно, так неброско, что ни зритель, ни соперник порой не замечали, что именно Якушев ведет товарищей.

Если бы меня попросили определить одним словом самое впечатляющее достоинство этого большого мастера, я бы, пожалуй, из всего нашего речевого многообразия выбрал бы в качестве наиболее подходящего такое слово, как надежность.

Якушев чрезвычайно строго и, я бы сказал, жестко действовал в обороне. С ним очень просто и спокойно было играть. Когда Виктор на площадке, защитники без боязни оставляли свою зону и смело рвались вперед.

Надежность Якушева постоянно проявлялась и в том, что с площадки его удаляли крайне редко. Чувство ответственности перед командой для этого спортсмена всегда было выше личных обид и кажущегося естественным желанием «рассчитаться».

На правом краю во вновь созданной для сборной тройки выступал товарищ Фирсова по клубу и по звену Леонид Волков. Этот небольшого роста, необыкновенно юркий хоккеист не выделялся на фоне своих именитых партнеров по ЦСКА. Но тренеры главной команды страны решительно остановили свой выбор на нем. Единодушно проголосовали за Леонида Волкова члены президиума Всесоюзной федерации хоккея.

Если попытаться определить амплуа этого спортсмена с точки зрения теории, Леонид был, конечно, игрок «подыгрывающего» плана. Он всегда много и упорно работал над тем, чтобы создать наилучшие возможности для своих партнеров. Это бескорыстие иногда даже перехлестывало через край: видишь отчетливо с высоты трибун, что Леня может бить, может и должен попытать счастья, но нет — следует передача. Однако через мгновение ты ловишь себя на мысли, что поступил этот скромный нападающий исключительно правильно: защитники были уверены, что удар произведет именно Волков, и он уже имитировал замах, но в последнее мгновение следовала умная, тонкая передача партнеру, тоже выбравшему очень удачную позицию, и — поражающий бросок.

Да, именно в силу этого бескорыстия, а также благодаря достаточно высокой технике паса, хорошему видению поля и зрелому тактическому мышлению этот спортсмен оказывался счастливым соавтором гола!

Но это не означало, что право поражать чужие ворота он предоставлял только другим. В боевом списке ЦСКА и нашей сборной есть шайбы, посланные им в сетку в самые ответственные моменты стратегически важных матчей.

Думаю, что подключение Фирсова к этим партнерам было не делом случая, как пытаются представить некоторые историографы нашего хоккея, а далеко, умно и точно рассчитанной акцией

Анатолия Тарасова. Он прекрасно видел уже в ту пору, какой истинно яркий самородок этот спортсмен.

— Это алмаз, но еще далеко не обработанный,— сказал о своем молодом ученике старший тренер ЦСКА, выступая перед коллективом редакции журнала «Спортивная жизнь России».

В олимпийском Инсбруке тройка Виктора Якушева получила самую высокую оценку тренеров и прессы. Виктор Якушев к тому же стал лучшим бомбардиром чемпионата, проведя в ворота соперников 9 шайб. По 6 шайб оказалось на счету Леонида Волкова и Анатолия Фирсова. Им обоим вскоре было присвоено звание заслуженных мастеров спорта СССР, а Виктор Якушев уже носил его — за победу в Стокгольме, одержанную год назад.

Следующий чемпионат мира, в Тампере, звено, таким образом, встретило полностью титулованным.

В целом же результат этого звена — 34 гола (в Тампере Леонид Волков и Виктор Якушев провели по 4 шайбы, Анатолий Фирсов — 5) в двух турнирах самого высокого ранга, т. е. в среднем по 17 голов за чемпионат. Показатель довольно высокий.

И все-таки объективности ради следует отметить, что это звено при всем уважении к каждому спортсмену, составляющему его, нельзя было даже в самые лучшие минуты назвать идеальным.

С каждым разом все более отчетливо проглядывалось различие в методах и формах ведения борьбы, в уровне подготовки, особенно скоростной, в подходе к решению сложнейших тактических задач. И, конечно, при всей индивидуальной исключительности Виктора Якушева сказывалось неудобство его эпизодических подключений к связке Волков — Фирсов из армейской команды.

То, что произошло далее, наша пресса в свое время объяснила так: повзрослевший, пользующийся авторитетом, признанием и славой Фирсов добровольно ушел из тройки Сенюшкина (с которым он был связан большой личной дружбой) и взял шефство над двумя молодыми армейцами — Владимиром Викуловым и Виктором Полупановым.

Звучало все это, может быть, и привлекательно, но... было далеко от истины. Большой хоккей не детский сад, где послушных ребят из старших групп просят взять шефство над озорными малышами. Нет, все в современном спорте подчинено его строгим и четким законам.

В 1965 году Анатолию Фирсову исполнилось 24 года — пора расцвета и возмужания. Он был уже заслуженным мастером спорта, олимпийским чемпионом, двукратным чемпионом мира и обладателем еще многих громких титулов. Но дело, в конце концов, не в них. К этому времени стало совершенно ясно, что у нас — не в ЦСКА, не в сборной, а вообще в хоккее — появился поистине выдающийся мастер. Те, с кем он начинал играть в армейском клубе, с кем разделил радости и награды первых побед, у кого, наконец, многому научился на первых порах, в какой-то момент отстали от лидера и уже не годились для выполнения тех задач, которые мог выполнять он.

Все это прекрасно понимали наши ведущие специалисты, и

в первую очередь Анатолий Владимирович Тарасов. Еще после Олимпиады в Инсбруке он заявил:

— Фирсов — игрок необыкновенного дарования. Вокруг него, на его исполнительской основе, может быть создана трюйка такого звучания, какого еще не знал наш хоккей.

Поиском достойных партнеров к столь замечательной «основе» и был занят старший тренер ЦСКА. Вскоре выбор его остановился на Полупанове и Викулове.

Володя Викулов — коренной москвич. В хоккее, с шайбой он начал играть в детско-юношеской школе ЦСКА в 1961 году, когда ему едва исполнилось 15 лет, а уже через три года, в 1964-м, по предложению Анатолия Тарасова был принят в команду мастеров. К тому периоду он в основном сформировался как игрок и проявлял свои лучшие качества, демонстрируя отменный пас на любой скорости, внезапный, точный бросок, очень высокое искусство обводки, за что еще в юношеской команде Володя получил прозвище «слаломист». В бытность этого прекрасного спортсмена игроком ЦСКА и сборной его часто называли «самым хитрым» нападающим советского хоккея. Ходы и действия Викулова на поле, действительно необычно острые, были всегда совершенно неожиданны для соперника.

Викулов Владимир Иванович. Родился 20 июля 1946 г. Заслуженный мастер спорта (1967 г.). ЦСКА.

Чемпион СССР 1964—1966, 1968, 1970—1973, 1975 гг. Обладатель Кубка СССР 1966—1969 и 1973 гг. Финалист Кубка 1976 г. Второй призер чемпионатов СССР 1967, 1969, 1974 и 1976 гг. Провел 414 матчей, забил 233 гола.

Олимпийский чемпион 1968 и 1972 гг. Чемпион мира 1966—1971 и 1975 гг. Второй призер чемпионата мира 1972 г.

Сыграл на этих турнирах 71 матч, забил 51 гол.

Спортивный путь его напарника Виктора Полупанова очень схож. Правда, начал он свое хоккейное образование в детской школе «Динамо» в 1958 году, но через три сезона перешел в ЦСКА, а еще через три года, день в день с Викуловым, был определен в команду мастеров.

Есть хоккеисты, которые как бы рождены для тонкой маневренной борьбы, как, например, Вениамин Александров. Есть другой тип игрока, рвущегося в «ближний» бой. Люди моего поколения прекрасно помнят, как уверенно себя чувствовал в этой стихии Михаил Бычков из прославленной московской команды «Крылья Советов» середины пятидесятых годов.

Сила и своеобразие Виктора Полупанова заключались в том, что он прекрасно понимал все самые сложные комбинационные ситуации и наряду с этим был блестящим мастером ближнего боя, мастером добивания шайб и силовой борьбы в любой точке поля, мастером точного и сильного броска по воротам с любых дистанций. Одним словом, он восхищал своей разносторонностью.

Полупанов Виктор Андреевич. Родился 1 января 1946 г. В 1964—1971 гг.—в команде мастеров ЦСКА, 1972—1973 гг.—в «Крыльях Советов» (Москва).

Чемпион СССР 1964—1966, 1968, 1970, 1971 гг. Второй призер чемпионатов СССР 1967 и 1969 гг. Провел 293 матча, забил 154 гола (ЦСКА—263 матча, 150 голов). Обладатель Кубка СССР 1966—1969 гг.

Олимпийский чемпион 1968 г. Чемпион мира и Европы 1966 — 1968, 1970 гг. Сыграл на этих турнирах 28 матчей, забил 20 голов.

Итак, к шестидесяти пятому году в армейском клубе сложилась ситуация, когда один выдающийся мастер советского хоккея явно перерос в своем развитии товарищей по тройке, а двое молодых, физически и технически великолепно подготовленных мастера, по существу, не имели постоянного места в основном составе.

Анатолий Владимирович Тарасов уже давно заметил, что эти трое словно бы созданы друг для друга. Вот почему сразу же после победного возвращения сборной СССР с чемпионата мира в Тампере он вызвал к себе Анатолия Фирсова и сказал:

— Ну вот что, дружище, пора нам с тобой думать о будущем...

Такое предисловие означало, что предстоит сделать какой-то решительный шаг.

Но Тарасов не спешил с объявлением решения. Он очень убежденно говорил о той большой ответственности, которая ложится на плечи каждого, кто пришел в большой спорт, кому доверено на стадионах мира защищать честь страны, представлять силу и молодость своего народа. Потом перешел к делу.

— Я знаю,— сказал он,— что ты привык к своему звену в клубе. Знаю, что ты очень дружишь с Валею Сенюшкиным и, поверь мне, одобряю и ценю ваши отношения. Тем не менее тебе придется оставить это звено.

— Почему? — заволновался собеседник.

— Потому, что ни Валентин Сенюшкин, ни Леонид Волков уже ничего не смогут прибавить к своей игре. Они стоят на месте, сдерживают и твой рост, мешают тебе проявить себя в новом качестве. А ведь в клубе подросли настоящие хоккеисты. Я имею в виду Викулова и Полупанова. Как бы они не пересидели в запасе... Могут потерять вкус к игре, к нашим таким нелегким тренировкам. Но главное: я вижу за вашей молодой тройкой прекрасное будущее. Понимаешь — прекрасное!

— Что ж, кто же будет против прекрасного... Я согласен,— проговорил, улыбаясь, Фирсов.

На следующий день Анатолий Владимирович Тарасов объявил о своем решении на общем собрании команды ЦСКА.

Позже, много лет спустя, Анатолий Васильевич Фирсов, рассуждая о путях создания «настоящих» атакующих звеньев, говорил мне:

— Многое в хоккее прояснилось для меня теперь. Поистине гениально сказал поэт: «большое видится на расстоянии». Старательно, любовно (я не боюсь употребить такое слово по отношению к этому суровому на вид человеку) создавал Тарасов нашу тройку. Когда на занятиях было очень трудно или когда что-либо не получалось, он говорил нам:

— Старайтесь, старайтесь, ребята. Ведь скоро вам предстоит

играть не только на первенство страны, но и на первенство мира; готовьтесь же показать не просто хорошую игру, а ошеломляющую.

Своей постановкой сверхзадач, своей страстью азартного игрока и рассудительностью мудреца он заставлял нас сегодня верить в то, о чем мы вчера боялись даже мечтать.

Думаю, что подобный подход, помноженный на предельно высокую требовательность, на изо дня в день растущие нагрузки, перераспределен сравнительно быстрый творческий взлет этого маленького спортивного коллектива. Уже в первых турах первенства страны, в котором определялся чемпион СССР 1966 года, «три мушкетера», как называли их болельщики, показали игру такого высокого класса, что сразу заставили заговорить о себе и зрителей, и многочисленных специалистов, и прессу.

— Как, каким образом вы добились такого быстрого прогресса?— спрашиваю я Анатолия Васильевича.

— Виктор и Володя,— отвечает он,— прекрасные партнеры. Мне, право же, неловко было слышать и читать в ту пору восторженные статьи и очерки журналистов с бесконечными упоминаниями о моем вкладе в становление молодого звена. Неловко, потому что мои юные партнеры дали мне не меньше, чем я им. Если у меня было несколько больше опыта выступлений в ответственных соревнованиях, шире арсенал технических элементов и навыков, то у них — больше задора, страсти, желания как можно ярче проявить себя, как можно быстрее догнать меня. Это заставляло и самого «наставника» — так называли меня в ту пору — быть все время начеку, на высоте, серьезнее и основательнее готовиться к матчам. И в конце концов мы все вместе перешли на режим качественно новых нагрузок, продолжая изо дня в день учиться друг у друга.

Такова философия созревания этого звена. Нам все-таки придется учитывать большую скромность Фирсова. Безусловно, на первых порах его катализирующая роль в становлении тройки была огромна. Да она, пожалуй, сохранялась неизменно все годы ее существования. Недаром же ее болельщики называли не иначе, как «фирсовской», хотя в центре выступал Виктор Полупанов, а Анатолий всегда занимал место на левом крыле. Но он всегда был ее реальным вожаком.

Наступил новый, шестьдесят шестой год. В разгаре был чемпионат страны. Тройка Фирсова по-прежнему продолжала радовать своей свежей, мощной игрой. Но перспективы ее оставались неясными. Федерация хоккея СССР и руководство команды не спешили объявлять состав сборной на очередной чемпионат мира. Верными кандидатами считались тройка Альметова, тройка Старшинова (где имелось одно вакантное место). Далее начинались проблемы. То ли привлекать в команду динамовское звено с Владимиром Юрзиновым и Станиславом Петуховым, а Фирсова вновь подключать к спартаковцам, то ли доверить место в сборной молодой армейской тройке в полном составе.

Эти сложнейшие вопросы, поставленные жизнью, решались...

три месяца. Да, в течение всего этого долгого срока тренеры так и не смогли прийти к окончательному решению. Только за день до отлета сборной в Любляну стало ясно: едут Фирсов со своими новыми напарниками.

Стоит ли после этого удивляться, что ребята после пережитых волнений долго не могли прийти в себя и не показали в Любляне в целом той игры, на которую были способны! Результат этой тройки выглядел относительно скромно: Викулов забил 4 шайбы, Фирсов — 3 и Полупанов — 1. Но все-таки эксперимент был полностью оправдан, цель достигнута: они, как никогда ранее, почувствовали свою силу. Это сказалось уже в играх первенства страны, продолжавшегося после возвращения сборной из Любляны. Но особенно ярко их зрелость и мастерство проявились на следующем форуме сильнейших команд планеты, собравшихся в Вене.

То был 1967 год — год пятидесятилетия Октября, полувековой юбилей Советского государства. Люди нашей страны каждый свой шаг сверяли с этой датой, делали все от них зависящее, чтобы достойно отметить ее. Не отставали и спортсмены. К каждому состязанию на международной арене готовились они с особым подъемом, чтобы гордо реял над чужими стадионами флаг нашей Родины.

Упорно готовилась сборная СССР по хоккею с шайбой. Уже четыре раза подряд — в Стокгольме, Инсбруке, Тампере, Любляне — доказывала она свое превосходство над всеми соперниками, и это «постоянство» последним изрядно надоело. Задолго до начала турнира мировая пресса писала, что сборные Канады, ЧССР, Швеции дадут чемпионам серьезный бой, предвещала нашим хоккеистам неизбежное поражение.

Но этого не произошло. Сборная Советского Союза выступила просто блестяще. Она на пять очков обошла второго призера, показав игру исключительно высокого класса. Специалисты единодушно утверждали, что никогда за всю свою многолетнюю историю, ни до этого, ни после, наша главная команда не представляла собой такой грозной и монолитной силы.

Показательно, что в этой поистине блестящей команде, где были собраны выдающиеся исполнители, лучшей оказалась тройка, Викулов — Полупанов — Фирсов. И наша, и зарубежная пресса единодушно назвала ее «коллективным героем чемпионата».

Прежде всего, поражала ее результативность. Анатолий Фирсов и Виктор Полупанов забили по 11 шайб, Владимир Викулов — 6. Итого 28 голов из 58. Для того времени это был в нашей сборной абсолютный рекорд.

Эта исключительно высокая результативность была следствием большого мастерства, высокой игровой активности, неумемной энергии, хорошей спортивной злости.

Серия решающих встреч здесь началась в конце марта. 25-го играли Чехословакия — Канада, Швеция — СССР. Забегая вперед, напомним, что судьба чемпионской короны решалась лишь в следующем туре, когда шведы и чехи сыграли вничью, а советские спортсмены победили канадцев. Поэтому подавляющее большин-

ство спортивных обозревателей, специалистов, любителей хоккея у нас и за рубежом решающим, принципиальным матчем нашей сборной признали ее драматическую дуэль со сборной Канады.

Но тренеры нашей ледовой дружины, и особенно Тарасов, считали и считают иначе.

— Ключ к развязке был в матче со шведами, — говорит и сейчас, спустя много лет, Анатолий Владимирович. — Мы очень боялись их, ибо играем со скандинавами традиционно сложно. Кроме того, исход встречи был очень важен для нас в психологическом плане, так как создавал морально-волевой фон для борьбы с канадскими хоккеистами. Победа над Швецией открывала нам «чистую воду» к победе, поражение крайне обостряло и запутывало ситуацию...

А теперь восстановим события протокольно.

Игра началась атаками шведов. Они пытаются организовать силовое давление в нашей зоне. Звено Старшинова с трудом сдерживает атаки тройки Нильссона.

4-я минута. Шведы не выдерживают напряжения матча, и их нападающий Бенгтссон наказывается двухминутным штрафом. Наши хоккеисты великолепно разыгрывают «лишнего», и через 62 секунды Александр Альметов открывает счет — 1:0.

Очередная смена — выходит тройка Полупанова. Сам центральный нападающий и его партнеры действуют блестяще. За их перемещения порой невозможно уследить. И Викулов, и Фирсов то и дело прямо, по кратчайшей, рвутся к воротам, изумляя искушенных венских зрителей фейерверком хитроумных, совершенно неожиданных комбинаций. Испытанная, славящаяся своим ладнокровием защита скандинавов на этот раз в явной растерянности. Подопечные всемирно известного тренера Стрёмберга не могут предугадать большинство ходов молодежного звена. Вот Викулов — завладел шайбой, к нему бросаются два защитника, но он в этот миг неуловимым движением, совершенно без подготовки отдает пас Полупанову, и тот резким «шелчком» делает счет 2:0. На трибунах гремит овация. И чтобы не повторяться, скажу сразу: вся игра «полупановского» звена в этом матче проходила под аплодисменты трибун.

16-я минута первого периода. Шведы предпринимая яростные попытки переломить ход встречи, спасти ее. Они начали затяжной штурм.

— Фирсов с ребятами, на лед! — командует Чернышев. Они, подобно вихрю, устремляются в контратаку. Викулов выводит Фирсова на идеальную позицию. Тот безукоризненно имитирует бросок, затем неожиданно обыгрывает своего опекуна и, оставшись один на один с Холмквистом, на огромной скорости обыгрывает шведского вратаря. 3 : 0!

Первый перерыв. Команды уходят на отдых, а огромный ледовый дворец гудит как растревоженный улей. В пресс-центре необычайное оживление. Все международные телефоны заняты.

— Русские показывают чудо. Шведы просто не готовы к такой игре; они, подобно растерявшимся детям, не знают, как бороться.

с пасом советских спортсменов, с их скоростью, с их виртуозностью, — передает один из журналистов...

Второй период. На 5-й минуте звено Альметова увеличивает счет. Оно же доводит его до 5 : 1 и 6 : 1. Снова — на отдых.

После перерыва советские спортсмены с еще большей энергией бросаются в бой. Шведы, несмотря на то, что проигрывают нам пять шайб, продолжают сражаться с вызывающим восхищением мужеством. Временами кажется, что им вот-вот удастся переломить ход этого так неудачно сложившегося для них матча.

Но тут в дело вмешивается «комсомолия» — так назвали «полупановскую» тройку наши болельщики на трибунах, потому что все в ней были членами ВЛКСМ, а Анатолий Фирсов к тому же совсем недавно был единодушно избран комсоргом сборной.

Комбинация Фирсов — Викулов — Полупанов — 7: 1.

Бесподобный сольный проход Фирсова — 8: 1.

Стремительная, редкая по красоте комбинация Фирсов — Полупанов — Фирсов — Викулов — 9: 1. С таким разгромным счетом «Тре крунур» не проигрывала.

Все обозреватели отметили решающий вклад в победу тройки Фирсова. Такую же оценку получило звено и после матчей со сборными Канады и Чехословакии. Два ее игрока — Анатолий Фирсов и Виктор Полупанов — были признаны лучшими бомбардирами чемпионата (по 11 шайб каждый), а Анатолий Фирсов к тому же по решению ЛИГХ получил титул лучшего нападающего чемпионата. «Самыми сильными в самой сильной за всю историю команде» назвал это звено в своем интервью с одним из советских журналистов сразу после окончания чемпионата в Вене Анатолий Тарасов. Поясняя это заявление, он говорил:

— Эта тройка выиграла на льду «Штадтхале» все свои игровые отрезки во всех без исключения семи встречах, она добилась семи побед и набрала 14 очков. Это трио забросило больше всех шайб — почти столько же, сколько все наши остальные нападающие и защитники вместе взятые, и в то же время пропустило меньше шайб, чем их товарищи по команде.

От себя добавим, что связка Викулов — Полупанов — Фирсов играла в Вене против любого соперника вдохновенно, творчески, с необыкновенным подъемом. Они были буквально неуправляемы, и не нашлось тогда защитников ни у канадцев, ни у чехов, ни у шведов, ни у американцев, ни в каких-либо других командах, которым бы оказалось по плечу сдержать натиск этих трех форвардов. Все крупные специалисты мирового хоккея дружно, в один голос признавали, что такому звену, играющему в совершенно необычной манере, в непривычном и не поддающемся разгадке тактическом ключе, противостоять практически невозможно.

Если чемпионат мира 1967 года в Вене прошел под знаком абсолютного, подавляющего превосходства сборной СССР, то олимпийский турнир в Гренобле, где разыгрывалось сразу три комплекта золотых медалей, оказался для нее необычайно сложным и предельно нервным испытанием.

1968 год. Почти на треть изменился за один сезон состав на-

шей сборной. Звание первой тройки главной команды страны и формально, и фактически получило звено Викулов — Полупанов—Фирсов. И оно полностью оправдало это высокое звание, вновь показало прекрасную результативность — 20 шайб (Фирсов—11, Полупанов — 7, Викулов — 2). И опять его лидер заслуженный мастер спорта Анатолий Фирсов признан авторитетнейшей группой руководителей ЛИГХ лучшим нападающим.

Достоинно играли и его партнеры. В результате в трех чемпионатах мира звено, выступая в неизменном составе, добилось выдающейся результативности — 56 голов.

Что же характерно и показательно для этой тройки, что отличало ее игру в целом?

Рождение тройки по времени совпало с тем периодом, когда неугомный, не знавший никогда покоя Анатолий Владимирович Тарасов разрабатывал и внедрял в практику свою знаменитую «систему», возникшую и представшую перед нами как новое слово в стратегии и тактике современного хоккея. Что же означал этот термин на практике?

Обычно пять игроков любой хоккейной команды, находившиеся на льду, строго делились на двух защитников и трех нападающих. Тарасов замахнулся на этот «нерушимый» распорядок. Увлеченный идеей, во-первых, усиления защитных возможностей команды и, во-вторых, поиском новых вариантов развития наступления, он предложил хоккеистам новые функции. Он «выдумал» для хоккея своего стоппера, центрального защитника, которому вменялось в обязанность находиться на самом горячем участке обороны — на «пяточке» у собственных ворот. В углах площадки теперь могли и должны располагаться полузащитники, хавбеки. Их двое — левый и правый. И нападающих в «системе» значилось не трое, а всего двое. Два крайних форварда, которые получали теперь дополнительный оперативный простор. Хавбеки при этом составляли второй эшелон атаки, и на место центрального нападающего подключался тот, кому это будет удобнее. А если надо, вперед могли устремиться оба. Такое построение несло на себе степень определенного риска, но не очень большого: сзади всегда оставался и прикрывал тылы команды стоппер.

Новая расстановка хоккеистов на площадке породила и новые, не известные прежде и поэтому особенно «неудобные» для соперника варианты игры. Но самое главное — она раскрывала новые перспективы перед спортсменами, создавала новый ритм атаки и новый тип хоккеиста.

Так вот, к чемпионату 1967 года «тройка» Фирсова (я ставлю это название сейчас в кавычки, ибо для данной ситуации оно уже условно) глубоко освоила и осмыслила «систему» и стала блестяще применять ее на практике. Этому, разумеется, способствовал исключительный состав исполнителей. В качестве стоппера выступал Александр Рагулин, хавбеки — Эдуард Иванов и Виктор Полупанов, форварды — Владимир Викулов и Анатолий Фирсов.

«Система», освоенная выдающимися мастерами, давала ряд преимуществ. Во-первых, в действиях спортсменов все чаще и ча-

ше стала проявляться ошеломляющая соперников внезапность. Она во многом достигалась именно тем, что довольно часто на переднюю линию выходил Эдуард Иванов. Виктор Полупанов в этот момент оказывался в углу поля, за ним следили защитники, и никто из соперников не ожидал, что прямо перед их воротами возникнет другой центральный нападающий. Соперники, знавшие силу Полупанова в атаке, внимательно контролировали его и... упустили Иванова. Естественно, что все это создавало постоянное численное превосходство в атаке и усиливало эффект неожиданности.

Владели «системой» почти все игроки армейского клуба. Но Викулов, Полупанов и Фирсов выполняли на льду все, что от них требовалось, чуть-чуть быстрее, чем даже их более опытные товарищи в других звеньях. У них было больше передач вообще и особенно много передач острых, больше приемов обводки, больше игровой активности, стремительнее темп. Быть может, в каждом из названных элементов это превосходство выражалось не очень большими величинами, но в сумме оно давало сильный игровой эффект. Преимущество тройки росло не в арифметической, а в геометрической прогрессии.

Но у каждого даже очень сильного и разносторонне подготовленного звена обязательно имеется свой «конек». У полупановцев это — завершающая стадия атаки. Вот где была их стихия, вот где с особым блеском, с неизменным вдохновением проявлялся их незаурядный талант!

Все четверо, где бы они ни находились: в углу поля, за воротами, неизменно действовали так, что угрожали воротам. Это, конечно, не значит, что, получив шайбу, они немедленно производили бросок. Но они постоянно держали соперников в напряжении, заставляли действовать с предельным напряжением, изматывая их силы.

Если же подвести итог в целом, то сила и слава тройки Викулов — Полупанов — Фирсов, созданной и выпестованной Анатолием Тарасовым, заключались в том, что ее в высочайшей мере современная физическая и тактическая подготовка опиралась на такую же современную тактическую систему. И уж никак не удержаться от сожаления по поводу того, что интересные, подлинно новаторские идеи замечательного педагога, увы, забыты сегодня и в ЦСКА, и в сборной, не находят своего логического продолжения.

Говорят, прекрасное не забывается. И поистине никогда не изгладится из памяти всех, кто любит хоккей, кто предан этой игре и по-настоящему знает ее, величие, сила и красота тройки Викулов — Полупанов — Фирсов.

После победы в Гренобле о звене Полупанова заговорили с еще большим восхищением. Ему предвещали долгую, счастливую жизнь. Но рок разрушения уже веял над ним. В 1969 году Полупанов не поехал в Стокгольм, на очередной чемпионат мира. Вместо него играл динамовец Александр Мальцев, спортсмен необычайно яркого дарования. Сыграли уверенно: Фирсов забил 10 шайб и в третий раз подряд (случай беспрецедентный в истории) был

признан ЛИГХ лучшим нападающим чемпионата, дебютант Мальцев — 5, Викулов — 2. Но знатоки, наблюдавшие за этой тройкой, признавая ее силу и класс, единодушно говорили:

— И все-таки что-то не то....

Сейчас, с дистанции времени, нам остается лишь подтвердить этот вывод. Никто никого не мог заменить в этой тройке. Она была неповторимой.

К счастью, воля тренеров вновь соединила ребят на чемпионате мира 1970 года. И словно бы настала вторая молодость. Опять их игра была признана блестящей, опять они внесли решающий вклад в общую победу: Викулов—10 шайб, Фирсов — 2, Полупанов — 2. Обозреватели газет, радио и телевидения, как и прежде, отдавали дань их великолепному мастерству. И никто не мог тогда предполагать, что великая тройка пропела на швейцарском льду свою лебединую песню.

Первым выбыл из строя Виктор Полупанов. К дуэту Фирсов — Викулов был вновь подключен Александр Мальцев. Они играли блестяще. Фирсов провел 11 шайб, Мальцев—10, Викулов — 6. Но опять это были всего лишь три великолепных мастера, собранных на время вместе, а не то неразрывное творческое целое, что создается годами.

На следующий сезон Анатолий Владимирович Тарасов предпринял смелую попытку оживить былое — вместе с Фирсовым и Викуловым стал играть уже знаменитый Харламов. Последний забил тогда 9 шайб, Викулов — 5 и Фирсов — 2. Но опять тройка выглядела красивым, но временным сооружением.

С тех пор прошло уже более десяти лет, и вот недавно, работая над этой книгой, мы встретились с Анатолием Фирсовым на его квартире. Великий хоккеист подтвердил, что лучшие дни его спортивной жизни связаны с Викуловым и Полупановым. Долго мы говорили об этих замечательных хоккеистах, обо всем, что связано с ними. Неожиданно Анатолий подошел к магнитофону. Спросил:

— Не возражаете против ромansa?

— Конечно, нет, — ответил я.

В комнате, утопающей в розовом свете, упоительный бас Штоклова выводил бессмертные, всегда хватающие за душу слова:

*Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная,
Ты у меня одна заветная —
Другой не будет никогда!*

И когда мелодия смолкла, Фирсов почти сразу, без какого-либо перехода повторил уже в который раз:

— Все самое яркое, самое красивое и интересное, самое настоящее связано у меня с Витей Полупановым и Володей Викуловым.

И тогда мне подумалось, что старинный русский романс, прозвучавший только что, был не чем иным, как эпиграфом к этому признанию.

ЗНАК ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА

Книга, давно задуманная и начатая, подходит к своему естественному завершению, но мне иногда кажется, что у нее не может быть конца, как нет его и не может быть у нашего хоккея. Волна идет за волной. И каждая приносит с собой новые имена, новые события, победы и радости.

Всего лишь три с половиной десятилетия назад мы начали изучать азбуку новой для нас игры. А сегодня? Есть ли смысл подробно останавливаться на том, что происходит сейчас? Пожалуй, нет — ведь это знает каждый.

И все-таки, что же представляет собой советский хоккей в настоящее время? Задумывались ли мы с вами когда-нибудь всерьез над этим вопросом, пытались ли найти точный ответ на него?

Хоккей с шайбой стал нашей национальной игрой. Его полюбили, его знают миллионы советских людей. Достаточно вспомнить, как во время олимпийских игр и чемпионатов мира до самой глубокой ночи горят окна почти во всех домах больших и малых городов: люди сидят у телевизоров, люди болеют за наших! Их не устраивают ни второе, ни тем более третье место — только победа!

Время летит. И вот периодически на страницах наших газет и журналов, в книгах прославленных спортсменов и тренеров проскальзывает один и тот же вопрос: какая тройка сильнее — «бобровская» или «фирсовская», «гурышевская» или «старшиновская»?

Правомерны ли такие сравнения, оправданны ли попытки соизмерить силу спортсменов, выступавших в разные периоды нашей спортивной истории? На наш взгляд, абсолютно неоправданны и неправомерны. Каждый, кто берется за подобное занятие, уподобляется человеку, с ученым видом рассуждающего о том, какой самолет лучше: тот, что изобрели и построили братья Райт, или только что обновивший все мировые рекорды грузоподъемности Ил-86.

Смею утверждать: среди ведущих, прославленных наших троек, выступавших в различные периоды истории сборной страны, не было лучших и худших. Каждая была — не побоимся этого слова — великой и непревзойденной для своего времени. И еще одно важное обстоятельство, о котором нельзя забывать: каждая вобрала в себя, использовала в полном объеме богатейший опыт своих славных предшественников. Этого большого преимущества не имели лишь те, кто выступал на мировой арене как первопроходцы.

Иными словами, тройки Всеволода Боброва, Алексея Гурышева, Александра Уварова олицетворяли собой ту пору, когда мы только познавали хоккейный мир и утверждали себя в нем. Тройки Александра Альметова, Вячеслава Старшинова, Анатолия Фирсова стали порождением прекрасной эпохи нашего «хоккейного ренессанса». Им выпало большое счастье после перерыва, длившегося с 1957 по 1962 год, вернуть нашему хоккею славу сильнейшего среди любителей. Они выполнили эту задачу с честью. С помощью этих прекрасных спортсменов и их соратников по сборной команде

страны, их трудом, их мужеством, их великолепным искусством хоккей с шайбой стал, скажем без преувеличения, нашей национальной гордостью.

В ту прекрасную пору, когда наша главная команда, словно сказочный экспресс, неслась по ослепительной трассе славы, делая победные «остановки» в Стокгольме, Инсбруке, Тампере, Любляне, Вене, Гренобле, у одного из самых выдающихся наших мастеров, Бориса Майорова, спросили:

— Хотели бы вы встретиться с одной из команд НХЛ?

— Если говорить откровенно, нет, не хотел бы. Зачем? У нас свой хоккей, у них свой, — последовал ответ.

Для Бориса Михайлова, Владимира Петрова, Валерия Харламова подробный вопрос уже просто-напросто не существовал. Вполне закономерный, логический ход событий привел к тому, что прямые, казавшиеся нам всем долгое время параллельными, скрестились, две могучие силы сошлись в горячем, взволновавшем всю планету споре. И миф исключительности, непобедимости, превосходства американско-канадского профессионального хоккея пал под ударами советских клюшек. Стало ясно, что советский хоккей — «абсолютный» чемпион мира. Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов явились наиболее яркими, наиболее достойными и характерными выразителями этого качественно нового периода, этой новой эпохи в истории советского хоккея, когда весь земной шар стал свидетелем его ошеломляющих побед, увидел его лицо, исполненное достоинства и отваги. Образно говоря, можно утверждать, что эта тройка на сегодня — знак высшего качества нашего хоккея.

Как же шли к грандиозной вершине три обыкновенных московских мальчишки?

Борис начал так, как начинали тысячи его сверстников — с очаянных поединков во дворе своего большого старого дома на Хорошевке. Начинать «хоккеиться» еще ранней осенью, когда асфальт им заменял лед, а потрепанные теннисные мячи — шайбу.

С первыми морозами начиналась большая игра — улица на улице, ЖЭК против ЖЭКа. Регламента не устанавливали, и подавляющее большинство тех прекрасных своей бесхитростностью матчей оканчивалось с баскетбольным счетом.

Как бы там ни было, в отличие от Боброва, от Альметова и даже от Фирсова хоккей вошел в жизнь, в сознание Бориса Михайлова с самого раннего детского возраста. И он влюбился именно в эту игру — раз и навсегда.

— Хочу стать настоящим хоккеистом, — признался он своей сестренке Тане, едва ему исполнилось 10 лет.

И начался путь к осуществлению детской мечты. Сначала на нем встретился восхитивший мальчишек своей преданностью и бескорыстием «дядя Ваня» — Иван Иванович Хапилин, добровольный наставник их дворовой команды, первый в жизни Михайлова тренер. Был он энтузиастом и свой огонь души, свое серьезное, осмысленное отношение к спорту передал ребятам. Именно после его уроков пришел Борис к очень важному выводу, которым поделился

со своим закадычным другом Женей Мишаковым, впоследствии заслуженным мастером спорта, чемпионом мира и олимпийских игр:

— Знаешь, хоккей — это серьезное дело.

— А ты думал!..

Мишаков был старше Бориса на три года. Он сыграл в судьбе Михайлова исключительную роль, задолго до многих признанных педагогических авторитетов открыв в своем угловатом с виду товарище исключительную одаренность.

Именно по настоянию и рекомендации Мишакова Михайлов стал выступать в одной из клубных команд «Трудовых резервов». Здесь произошла еще одна важная в его жизни встреча — с профессиональным тренером Михаилом Федоровичем Кузьминым. Бориса он научил высокой требовательности к себе, умению «держаться» режим, правильно строить индивидуальные тренировочные занятия.

Прошло время, и вслед за Мишаковым Борис попал в «Локомотив». Без всякой сенсационности, скромно поднимаясь по сложной иерархической лестнице клуба, он в конце концов стал одним из резервных игроков первой команды. Достижение не такое уж маленькое, если вспомнить, что и исполнилось ему тогда всего 16 лет. Выступления в составе столичных железнодорожников многие дали любопытному подростку. Ему, например, довелось выступать против вскоре ушедших из большого спорта обладателей олимпийского золота, мировых чемпионов: Алексея Гурышева, Альфреда Кучевского и некоторых других «звезд» первого поколения.

Чем глубже погружался Борис в заботы и радости хоккея, тем все чаще его взор, его мечты обращались к ЦСКА — этой признанной кузнице выдающихся мастеров. И вот сердце екнуло от радости: однажды Михайлову предложили посещать занятия в знаменитом клубе.

— Танечка, мне повезло! — поделился он в тот день радостью со своей любимой младшей сестренкой.

Но до «везения» было еще далеко. Шли дни, недели, месяцы, а Борис все оставался одним из многих: его просто-напросто не замечали. А тут подвернулось приглашение в саратовскую «Энергию», выступавшую тогда по классу «Б». И он согласился. А на все отговоры отвечал шуткой:

— Ничего, Гагарин тоже начинал с Саратова...

И все-таки потом, много лет спустя, когда Михайлов уже стал тем Михайловым, которым восхищался весь мир, я не раз читал в посвященных ему статьях и очерках, что саратовские годы — это «потерянные годы», отступление назад, что ли.

Сам Борис придерживается на этот счет прямо противоположного мнения. Он считает этот шаг поворотным в своей спортивной биографии, началом восхождения. Что ж, с этим можно согласиться. Только геометрическая прямая кратчайший путь между двумя точками. В жизни же, в творчестве, в муках самоопределения иногда внешне удаляясь от выбранной цели, человек на самом деле значительно приближается к ней.

Что же мог дать город на Волге ему, побывавшему в тренировочных залах ЦСКА, отыгравшему не один матч за первую мужскую команду «Локомотива», испившему не один глоток из чаши мудрости столичного хоккея? Отвечаю на эти вопросы так: выступление в дружной, молодой, лишенной какой-либо амбициозности команде «Энергия» подарило ему ни с чем не сравнимые ценности: ощущение самостоятельности, спортивной определенности и безусловной нужности игре. И еще: три года в этой команде он проработал под руководством замечательных педагогов: Анатолия Степановича Гаврилина и Роберта Дмитриевича Черенкова. Первый покорило его необыкновенной душевностью, заставил верить в себя, второй приучил к повышенным нагрузкам, привил любовь к технической виртуозности.

Как многое значит в нашей жизни, когда рядом есть настоящий, искренний друг, который верит в тебя, борется за тебя, помогает тебе! Такой надежной точкой опоры в жизни Михайлова был Женя Мишаков. Уже став игроком основного состава ЦСКА, он продолжал заботиться о своем партнере по дворовой дружине и уговорял тренера московского «Локомотива» Анатолия Михайловича Кострюкова поинтересоваться судьбой Бориса. И мальчишка с Хорошевки вернулся в родную столицу возмужавшим, знающим, почему фунт лиха и, несмотря ни на что, верящим в свое будущее.

Именно поэтому, уже играя в высшей лиге, защищая цвета столичных железнодорожников, он продолжал всей душой стремиться в ЦСКА. И летом шестьдесят седьмого года Михайлов очутился на армейской тренировочной базе в Кудепсте. Ослепительно голубое небо, синее море, красивые, благоустроенные пляжи. Но все это было не для них. Четырехразовые тренеровки, в которые бросил новичков Анатолий Тарасов, не на шутку озадачили и, чего там хитрить, испугали Михайлова. К концу сборов, подавленный морально и, казалось, опустошенный физически, он пришел к Борису Павловичу Кулагину, и преодолевая стыд, попросил:

— Отпустите обратно в «Локомотив».

Но второй тренер, мудрый, опытный человек, уже увидел то, что еще не видели и не понимали многие. Поэтому сказал твердо:

— Никуда мы тебя не отпустим. Терпи и — будешь в основном составе.

Терпи... Терпение. Может быть, это одно из самых ценных качеств, которые необходимы тем, кто выбрал для себя путь в современном большом хоккее. Отметая минутную слабость, Борис все больше втягивался в непривычный пока для него и естественный для ветеранов армейского коллектива ритм работы. Молодой, сильный, прекрасно, казалось бы, подготовленный физически, Михайлов поначалу после каждого тренировочного дня замертво сваливался в постель. Но постепенно организм начал втягиваться. Борис преодолел самого себя. И Кулагин был прав: вскоре новичок стал играть в основном составе. Труд, помноженный на талант, рано или поздно прорастает долгожданным плодом изобилия. Настал момент, и весь мир увидел яркость и великолепие этого спортсмена — одного из сильнейших в нашем хоккее за всю его историю.

На ледяном поле он прежде всего проявлял себя как боец — несгибаемый, стойкий, не боящийся никого и ничего. Врезаясь в гущу защитников, он всегда боролся за шайбу, за гол, за победу. Отличаясь отменной результативностью, в самых сложных, самых запутанных ситуациях смело брал ответственность на себя, хотя всегда был готов успех и славу разделить со своими партнерами.

Уже играя в основном составе ЦСКА и сборной страны, Михайлов еще долго словно бы слышал обижающий шепот трибун: «Нет, Борис не смотрится...»

Так говорили те, кто не мог понять силу великой простоты и рациональности, которыми были отмечены его действия на льду. Это откровенно огорчало и беспокоило спортсмена. Ему всегда остро нужен был контакт со зрителем, взаимопонимание. А публика ограничивалась какое-то время просто уважением. «Знатки» говорили друг другу: «Ничего в нем нет, кроме упорства...»

Между тем ничего не было несправедливее такой оценки. На самом деле с первых дней пребывания в «высшем обществе» Михайлов проявил себя как исполнитель, приверженный импровизации чуждой обыденности, прямолинейности. Он уходил от идеальных, стандартных ситуаций, зато всегда как рыба в воде чувствовал себя во время возникающих на лоле тактических «беспорядков». Вот защита соперников отразила натиск его тройки, всем кажется, что на этот раз атака не получилась, захлебнулась, исчерпала себя. И вдруг — гол! Его автор или уж обязательно соавтор — Борис. Внешняя «корявость», угловатость, нетипичность его действий опять обманули соперников, и он заставил их поплатиться за это.

В одном большом и по-своему очень интересном очерке я прочел о Михайлове, что он решительно не хотел уметь то, что умеют и элегантно исполняют другие. Но, дескать, в паутину его неумения попадали и вязли в ней самые бдительные защитники.

Красиво сказано, но... совершенно неверно. Борис Михайлов был виртуозом хоккея в самом высоком смысле этого слова. Он умел делать все, что умели делать его прославленные партнеры и товарищи. Но вот в его арсенале были поистине уникальные приемы и методы ведения атаки, уникальные тактические ходы, поражающие своей глубиной, неожиданностью, смелостью. Их он и применял в решающих ситуациях.

В течение многих лет он был бессменным капитаном ЦСКА и сборной СССР. Это высокое доверие Борис оправдывал делом. Он обладал исключительным умением заечь партнеров, повести их за собой, передать им свою неистребимую жажду борьбы и победы. И это было далеко не случайно. На протяжении всей своей долгой жизни в большом спорте он сохранил то ни с чем не сравнимое ощущение молодости, когда каждая забытая шайба — в радость, когда каждая игра — важная или неважная — будоражит, по-человечески интересуется, захватывает все твое существо.

Вот такой он. *Михайлов Борис Петрович. Родился 6 октября 1944 г. Заслуженный мастер спорта (1969 г.). Правый крайний нападающий. В 1962—1965 гг. — в «Энергии» (Саратов), в 1965—*

1967 гг.— в московском «Локомотиве», в 1967—1980 гг.— в ЦСКА.

Чемпион СССР 1968, 1970—1973, 1975—1979 гг. Провел около 500 матчей, забил 427 шайб.

Олимпийский чемпион 1972 и 1976 гг. Чемпион мира 1969 — 1971, 1973—1975, 1977 и 1980 гг. Сыграл на этих турнирах более 100 матчей, забил 107 шайб.

Признан лучшим нападающим чемпионата мира 1973 г.

Всего на внутренних и международных состязаниях забил 576 шайб — абсолютный рекорд среди всех поколений советских хоккеистов.

Его напарник Владимир Петров тоже прошел трудным путем к признанию и славе.

Володя родился и вырос в подмосковном городе Красногорске, где издавна живет любовь к нашему русскому хоккею, или, как его называют теперь, хоккею с мячом. Старший брат, Юрий, играл в основном составе команды мастеров «Зоркий» — предмета всеобщей любви и поклонения горожан.

Володя поначалу тоже искренне сохранял верность красногорским и семейным традициям. Но постепенно увлекся «шайбой».

— Эта игра привлекала меня прежде всего своим содержанием и четкой приверженностью к силовому единоборству, — объяснял эту метаморфозу Петров.

Еще двенадцатилетним мальчишкой он попытался перейти «на новые рельсы». Приехал в Москву, в старинный Петровский парк, где знаменитые игроки и тренеры проводили набор в детскую школу «Динамо». Среди сотен своих сверстников Володя тогда ничем не выделился, более того — его просто-напросто не приняли.

Разочарованный, морально сраженный, он вернулся в Красногорск. Но в таком возрасте печали рассеиваются быстро. Тем более что удовольствий было больше чем достаточно. Он снова выходил на лед во главе своей школьной команды, часто побеждал на лыжне, а летом были отчаянные сражения на футбольном поле, хитросплетение теннисных поединков, молниеносность баскетбольных матчей, опьяняющая радость единоборств на борцовских коврах. Но, подхваченный вихрем разносторонних увлечений, он никогда, ни на одну минуту не забывал о предмете своего поклонения, о своей мечте — хоккее с шайбой.

От рождения твердый, даже, если сказать откровенно, упрямый, он решил вновь попытать счастья и во второй раз отправился в Москву, но уже не на стадион «Динамо», а на ледовую площадку «Красный Октябрь», относившуюся к владениям столичного клуба «Крылья Советов».

Теперь мы подошли к весьма знаменательному событию в жизни Владимира Петрова. К событию, о котором мало кто знает, о котором до обидного мало говорят и пишут. На этот раз его экзаменатором оказался сам Алексей Гурышев — великий бомбардир советского хоккея. Именно этому выдающемуся мастеру мы обязаны открытием и утверждением таланта Петрова.

— У тебя игра обязательно пойдет!

Как важно услышать слова участия и поддержки от любого человека, а тем более от кумира! Думаю, что «экзаменационная оценка», проставленная Гурышевым, сыграла значительную роль в судьбе юноши, которого уже в том же, 1965 году мы увидели в основном составе мастеров «Крылышек».

Два года он возглавлял здесь тройку, в которой на флангах выступали Владимир Городецкий и Владимир Марков. Потом, несколько лет спустя, многие историографы нашего хоккея, видные тренеры и товарищи Володи утверждали: засверкал он только в ЦСКА.

Я категорически против этих безапелляционных утверждений. Во-первых, не грех вспомнить, что звено Городецкий — Петров — Марков на протяжении двух сезонов объявлялось высшим тренерским советом кандидатом в сборную, что само по себе не требует комментариев. Во вторых, не следует забывать, что знаменитый армейский клуб и его тогдашний старший тренер Анатолий Тарасов никогда не брали «непроверенный товар». Большая заслуга столичного клуба «Крылья Советов» состоит в том, что он дал Владимиру Петрову полную возможность проявить себя, заявить во всеуслышание о своей талантливости, о своих неисчерпаемых возможностях. Именно благодаря этому он и оказался в свои 19 лет в боевом составе ЦСКА.

Здесь он не сразу, но довольно быстро вырос в мастера экстракласса, который умел на льду делать все, и притом делать блестяще!

Он, бесспорно, один из лучших центральных нападающих не только нашего, но и всего мирового хоккея, о чем, к слову говоря, не раз писала скупая на похвалы канадская пресса. Владимир одинаково хорошо и нападал, и защищался. А его бросок? О нем не зря говорили: «сильнейший в мире». Бросок Петрова даже при промахе играл свою роль: он наводил страх даже на самых стойких, самых испытанных вратарей и защитников. Когда пущенный им «снаряд» с характерным гудением проносился мимо игроков и врезался в борт, издавая звук упавшего на наковальню молота, не одни уста произносили с облегчением: «Ну, на этот раз пронесло...»

Как и его товарищи, Петров был на льду сугубо индивидуален. Его манера всегда выступать перед зрителем «крупным планом», широта, даже размашистость каждого его жеста, непримиримость к обидчикам, мальчишеская задиристость — все было у него сугубо петровским, по-своему уникальным, неповторимым.

Он чувствовал это и — сознательно или подсознательно — уходил от каких-либо сравнений и параллелей. Заменяв в тройке Александра Альметова, всегда выступавшего под номером «9», Володя тут же выбрал себе ни к чему не обязывающий «16». И — сделал его для себя счастливым, а для нас, болельщиков, — бросающимся в глаза, запоминающимся.

Петров Владимир Владимирович. Родился 30 июня 1947 г. Заслуженный мастер спорта (1969 г.). С 1965 по 1967 г. — в команде «Крылья Советов» (Москва), с осени 1967 по /1980 г. — в ЦСКА.

Чемпион СССР 1968, 1970—1973, 1975—1979 гг. Провел свыше 400 матчей, забил 362 шайбы.

Олимпийский чемпион 1972 и 1976 гг. Чемпион мира 1969—1971, 1973—1975, 1977—1980 гг. Сыграл на этих турнирах более 100 матчей, забил 82 шайбы и еще 40 — в различных международных состязаниях.

На левом краю в этом звене выступал Валерий Харламов. В отличие от двух своих партнеров, он от начала и до конца приверженец армейской школы. В 1962 году принят был в ДЮСШ при знаменитом клубе, а ровно через пять лет переведен в команду мастеров. Казалось бы, путь — прямой, биография — красивая и безоблачная. Но это только с виду. Знатокам же хорошо известно, что, когда в 1965 году Тарасову первый раз предложили посмотреть Валерия, он вскипел:

— До каких пор, черт возьми, наша хоккейная ДЮСШ будет поставлять нам таких «коньков-горбунков», как Харламов?!

И в состав категорически отказался его брать — даже на роль запасного. А немногим меньше чем через полтора десятилетия все виднейшие хоккейные специалисты, включая тренеров американско-канадской национальной лиги (НХЛ), единодушно назвали возмужавшего Харламова одним из лучших или даже самым лучшим хоккеистом своего времени.

Не ищите в этой метаморфозе элементов сказочности, схожести с «чудом». Валерий Харламов всего добился трудом и — в еще большей степени — силой характера, силой мужества. В те дни, когда он в хоккейном мире был еще «никем», многих отпугивало от новичка его явно не хоккейное телосложение и угловатость движений. Прошли годы, и эти же качества, а особенно последнее, стали жирными линиями, подчеркивающими высшую спортивную исключительность его натуры.

Сколько раз мои коллеги-журналисты пытались объяснить односложно, в чем величие и популярность Харламова. Одни писали, что он снискал себе славу филигранной техникой владения шайбой, другие видели это в отточенном мастерстве катания на коньках, в удивительной скорости и маневренности по ледяному полю, третьи — в идеальной выверенности его паса.

Но в том-то и дело, что односложно Харламова не объяснишь.

— Он сам порой не знает, что сделает в следующее мгновение, — говорили тонкие знатоки. И Валерий им не возражал, только загадочно улыбался. Думал про себя: «...если уж я не знаю, то каково же тем беднякам защитникам, что выступают против меня?» Охотно верю в возможность такого рассуждения: ведь кроме всего Валерий был очень добрым, исключительно тонко чувствующим человеком.

Величие Харламова как спортсмена, может быть, наиболее полно и ярко проявлялось в его отношении к игре. Есть хоккеисты, которые великолепно, броско, зрелищно-привлекательно играют против слабых соперников, но заметно снижают, становятся «невидимыми» в решающих матчах. Есть, наоборот, исполнители, выступающие во всем блеске своего мастерства в решающих встречах, но считаю-

щие ненужным делом утруждать себя в поединках, исход которых почти ясен еще до того, как они начинаются.

Валерий Харламов никогда, ни при каких обстоятельствах не опускался до уровня «среднячка», в соревновании любого значения он был всегда одинаково великолепен, всегда — в порыве вдохновения.

Есть такое немного торжественное старинное выражение, рожденное в мире театра, — «служение искусству». В нем выражено понимание творчества как высокой, благородной миссии, самоотверженного выполнения гражданского долга. Служение искусству хоккея — вся жизнь Валерия Харламова.

Об исключительной верности Харламова хоккею говорит и одна из самых трудных и героических страниц его биографии. Дважды — в 1972 и 1973 годах — Валерий подавляющим большинством голосов журналистов признавался лучшим хоккеистом страны. В апреле 1976 года его назвали лучшим форвардом очередного чемпионата мира, проходившего в польском городе Катовицы. А через месяц он попал в автомобильную катастрофу.

Наверное все, кто любит хоккей, помнят, как мы, многоликая армия болельщиков, единодушно переживали за Харламова. Обрывали телефоны, спрашивали друг у друга, встречаясь на трибунах:

— Ну, что с Валерием, очень плохо?

— Будет он еще играть?

Ответить на этот вопрос было невероятно трудно: врачи определили двухлодыжечный перелом голени правой ноги, перелом двух ребер, сотрясение мозга, а также еще множество мелких ран и тяжелых ушибов.

— На мой взгляд, он уже вряд ли вернется на лед, — сказал еще в самом начале лечения один из консультирующих Харламова профессоров.

Но Валерий вернулся, причем в такие сжатые сроки, что привел в изумление даже самых оптимистически настроенных врачей. И когда он первый раз появился на льду, все еще в гипсе, но уже с клюшкой в руках, его товарищи по клубу, ничуть не стесняясь своих чувств, устроили Харламову овацию. Прошло еще несколько месяцев. Валерий вышел в составе ЦСКА на очередной матч со столичными мастерами «Крылья Советов» и через несколько минут, уйдя своим знаменитым рывком от преследования, забил гол. Тогда 15 тысяч зрителей в единодушном порыве вскочили со своих мест, и их восторженная овация долго гремела под сводами ледового дворца как своеобразный гимн мужеству и преданности спорта.

Харламов Валерий Борисович. Родился 14 января 1948 г. Заслуженный мастер спорта (1969 г.). С 1967 по 1980 г. — в команде мастеров ЦСКА.

Чемпион СССР 1968, 1970—1973, 1975—1979 гг. Провел свыше 400 матчей, забил 293 шайбы.

Олимпийский чемпион 1972 и 1976 гг. Чемпион мира 1969—1971, 1973—1975, 1978—1980 гг. На этих турнирах забил 89 шайб.

Ему еще было далеко до сорока, когда новая автокатастрофа

безвременно вырвала его из жизни. Это произошло накануне отлета сборной за океан, на розыгрыш Кубка Канады. И это крупнейшее соревнование, привлекшее внимание всей планеты, началось с минуты молчания в память о великом хоккеисте. Стояли в безмолвии десятки тысяч зрителей, замерли в строю прославленные мастера клюшки Канады и Соединенных Штатов Америки, Чехословакии, Швеции, Финляндии. Стояли понуриив головы вчерашние товарищи Валерия по сборной страны — его испытанные партнеры и молодые ученики. Стояли, отдавая долг чести памяти одному из прекрасных героев мирового спорта.

Обычно когда теперь говорят об этой тройке, то вспоминают ее необыкновенно быстрый взлет и представляют дело чуть ли не так, будто ее никто не создавал и все произошло вроде бы само собой. На самом деле ничего нет несправедливее и неправильнее этого утверждения. Рождение этого звена стало результатом долгого и мучительного творческого поиска, результатом большой педагогической работы, проделанной Анатолием Владимировичем Тарасовым.

На исходе были счастливые для нашего хоккея шестидесятые годы. «Старая гвардия» начинала редеть. Распалась знаменитая тройка Александра Альметова — ушел ее лидер, ушел Константин Локтев. Только несдающийся Вениамин Александров еще оставался в строю, не желая подчиняться времени.

Вот тогда-то и начал думать беспокойный Тарасов о тройке, которая способна будет не только заменить ветеранов, но и, взяв от них все самое лучшее, самое ценное, решительно пойти вперед. Таким образом, ставка у старшего тренера ЦСКА и тренера сборной сразу была на высший класс! С этой меркой он и стал подходить к подбору игроков, которые стали бы в дальнейшем началом нового звена.

Первым в этом построении на правом краю получил место Борис Михайлов. На левом играл великий Александров, а вот центрального нападающего «главный конструктор» не мог подыскать долго. Пробовал несколько раз Мишакова (знал о его дружбе с Борисом, учитывал это), ставил вместо него Блинова, Смолина, но каждый раз говорил самому себе и своим ближайшим помощникам:

— Нет, это не то...

Потом пришло озарение: Петров. Тарасов «вынул» Володю из другой тройки, и уже через короткий срок о связке Александров — Петров — Михайлов заговорили в Москве.

Однако психология слияния трех разноплановых хоккеистов в единый боеспособный коллектив — явление необычайно сложное, тем более если человеческие характеры всех трех уже сформировались, если у каждого есть свой взгляд на игру в целом, на взаимодействие с партнером.

Вениамин Александров, этот прославленный ас советского и мирового хоккея, «последний из могикан», составлявших прекрасное звено, оказался плохим — или, скажем мягче, недостаточно терпеливым — наставником молодежи. Он не мог и не хотел прощать

Петрову с Михайловым их ошибки, часто вспыхивал по каждому поводу.

Анатолий Тарасов прекрасно видел несбалансированность этой линии, но не спешил с переменами. И в этой тренерской неторопливости был, оказывается, свой глубокий смысл. Когда кто-либо из ближайших помощников старшего тренера, например Борис Павлович Кулагин, торопил с принятием решения по этой тройке, Анатолий Владимирович неизменно говорил:

— Не спешите. Во-первых, как бы они ни ругались, Вениамин учит их уму-разуму, учит основательно, вводит в мир сокровенных технических тонкостей. А во-вторых, пусть поживут молодые немного в «тесноте», пусть потоскуют, помечтают о самостоятельности — тогда летаться им лучше будет.

Вот, оказывается, какой тонкий расчет был у Тарасова. Даже в начальном периоде он прекрасно понимал, что назревает чудесное открытие. Не по воле счастливого случая, не в силу какого-то благоприятного стечения обстоятельств, а в результате очень тонкой, мудрой педагогической работы рождалось звено, которому суждено было вскоре стать в прямом и переносном смысле первой тройкой советского хоккея.

Сейчас, когда все, что связано с ней, уже стало достоянием истории, когда о Харламове, Петрове, Михайлове написаны сотни статей, очерков, несколько книг, автор видит свою задачу в том, чтобы постараться создать цельный образ этой неповторимой линии атаки, попробовать объяснить читателям и себе, что подняло ее над многими другими.

Так в чем же действительно была их сила? Я думаю, прежде всего, в современной, более того — в обгоняющей свое время трактовке игры. Что я имею под этим в виду? Умное, высокоинтеллектуальное построение «боевого порядка», где главное — озадачить соперника, заставить его действовать в максимально невыгодных условиях, предложить ему столько загадок, чтобы он просто физически не успел с ними справиться, — таково было первое и основное творческое правило «петровцев». И второе: немедленное разгадывать и пресекать все уловки противника.

Неповторим, ни с кем не сравним был стиль их игры вообще и стиль ведения атаки особенно. В начале сороковых годов в лучших футбольных командах страны — сначала в тбилисском, а потом в наиболее законченной форме в московском «Динамо» — была принята новая тактика, получившая «кодовое» название «организованный беспорядок». Суть ее заключалась в стремительной смене мест нападающими во время атаки, в беспрестанном обмене функциями, что, как правило, приводило в полное замешательство защиту соперников. Недаром же именно московское «Динамо» исключительно легко, убедительно выиграло чемпионат 1940 года — последний предвоенный чемпионат.

Когда я смотрел на «петровскую» тройку, то неизменно думал: да ведь это она, может быть сама того не подразумевая, перенесла эту тактику на лед! Действия звена в целом и каждого из спортсменов, составляющих его, были практически непредсказуемы. Бо-

лее того, иногда казалось, что центральным нападающим здесь играет Харламов или Михайлов... И заслуга в достижении такой страшной для соперников «нестабильности» во многом принадлежала лидеру звена. Безупречная, разносторонняя физическая подготовка в сочетании со сверхвысокими скоростными качествами партнеров позволили Володе Петрову стать центром совершенно нового типа, первоклассным блуждающим хоккейным форвардом. Он то вел ожесточенное единоборство с защитниками почти на самой линии ворот, то сражался у лицевого борта, а затем вдруг резко уходил на фланги, и мы видели его проносщимся на огромной скорости вдоль бортов или непримиримо сражающимся в одном из углов площадки.

Три хоккейных Фигаро, конечно же, устраивали постоянно эти «представления» на льду не ради забавы, все в их поступках и действиях было подчинено высшей цели — успешному развитию атаки, взятию ворот, победе!

Игра классных команд в наши дни развивается настолько стремительно и жестко, что, казалось бы, давно пора позабыть про всякое образное ее содержание. Но когда на лед выходили эти трое, перед нами разворачивались картины, исполненные красоты.

Когда анализируешь причины творческой исключительности этого звена, то невольно вспоминаешь очень важную «деталь»: и на поле, и за пределами поля все трое были поразительно дружны. Они не расставались друг с другом на учебно-тренировочных сборах, куда выезжали их команды. Больше того, часто и свои кратковременные отпуска они тоже проводили совместно, расширяя круг общегития присутствием жен и детей.

Многих удивляла подобная неразрывность в общем-то очень разных в игре и в жизни людей. Но разгадка этого была в общем проста: во-первых, всем им была свойственна необычайная душевность, истинно русская широта и терпимость характера, а во-вторых, всех их объединяла в неразрывное братство жившая в них в одинаковой — превосходной — степени благоговейная преданность хоккею. А с некоторых пор для каждого из них это драгоценное понятие «хоккей» неизменно ассоциировалось с образом двух других партнеров.

Сила и искренность их дружбы не раз подвергались суровым испытаниям, но каждый раз они проходили сквозь них с честью.

15 марта 1969 года звено Михайлов — Петров — Харламов дебютировало на чемпионате мира в Стокгольме и сразу утвердило за собой славу первой тройки главной команды страны. С тех пор она в неизменном составе выступала в составе сборной СССР (в качестве ее ударной силы) на двух олимпиадах, десяти чемпионатах мира, на многих других крупнейших международных турнирах. Более десяти сезонов вместе — плечо к плечу. Такого постоянства, такого примера творческого долгожительства не знала и не знает ни одна тройка нашего и мирового хоккея.

Часто говорили, что каждый из спортсменов, составляющих это звено, настолько велик сам по себе, что неудивительна и грозная сила тройки. Такие «теоретики» считали, что рождение «петровско-

го» звена всего лишь навсего результат удачного сложения. Словно желая дать нам в руки аргумент огромной доказательной силы, Анатолий Владимирович Тарасов разъединил эту тройку: Харламов стал играть в связке Викулов — Фирсов, а к Михайлову и Петрову подключил Юрия Блинова. По общему признанию, оба звена на Олимпиаде в Саппоро сыграли несколько ниже своих возможностей. А перед чемпионатом в Праге в том же году новый старший тренер сборной Всеволод Бобров вновь соединил Михайлова, Петрова и Харламова в одно целое, и «древо», посаженное, выпестованное Тарасовым, дало такие всходы, о которых можно было только мечтать.

Сила и величие этой тройки заключались в том, что здесь не было никакого деления обязанностей и амплуа, не было подыгрывающих и основных, не было «статистов» и «звезд»: в линии атаки плечо к плечу стояли три хоккеиста самого высокого международного класса. Каждый из них знал и умел в хоккее все, хотя каждый решал задачи по-своему и каждый имел свой характерный «почерк», который нельзя было спутать ни с кем.

Творческое разнообразие каждого вырасталось, переплавлялось в единый спортивный почерк тройки. На льду Канады, Швеции, Чехословакии, Финляндии, ФРГ, Югославии, Австрии, Японии, а также других стран мира они выступали как лучшие представители советского хоккея, его утвержденного в отчаянных ледовых сражениях могущества, его великолепных побед!

Поколение Всеволода Боброва, Александра Уварова, Алексея Гурышева не могло даже мечтать о встречах с канадскими профессионалами. Поколение Александра Альметова, Бориса Майорова все еще сомневалось в возможности и целесообразности поединков с лучшими игроками страны Кленового листа. Борис Михайлов, Владимир Петров, Валерий Харламов были в первой шеренге тех, кто памятной осенью семьдесят второго скрестил клюшки с лучшими игроками НХЛ. Эти встречи открыли новую эпоху в истории мирового хоккея и совершили подлинную революцию в общественной оценке реального положения вещей. После серии сентябрьских встреч 1972 года, проведенных нашей сборной за океаном, национальный герой Канады, ее знаменитый форвард Морис Ришар, известный всей своей стране по прозвищу «Золотая ракета», писал, что страна, воспитавшая таких игроков, как Валерий Харламов, Владимир Петров, Борис Михайлов, уже только в силу этого может и должна быть провозглашена великой хоккейной державой.

Таковыми и останутся эти хоккеисты в нашей памяти и в наших сердцах — рыцарями без страха и упрека, утверждающими своим великолепным искусством державность советского спорта!

Оглавление

От автора	3
Глава первая. Традиции начинаются с них	5
Глава вторая. «Батальон особого назначения».	28
Глава третья. На крыльях победы	41
Глава четвертая. На рубеже двух эпох	51
Глава пятая. «Мы из страны героев...».	69
Глава шестая. «Гори, гори, моя звезда...».	96
Глава седьмая. Знак высшего качества	115

Леонид Борисович Горянов

РЫЦАРИ АТАКИ

Заведующий редакцией *В. Л. Штейнбах*. Редактор *Т. В. Зубова*. Художник *В. Я. Черниевский*.
Художественный редактор *А. Ю. Литвиненко*. Технический редактор *Т. Ф. Евсеника*.
Корректор *З. Г. Самылкина*

ИБ № 1452. Сдано в набор 28.03.83. РВП Подписано к печати 19.10.83. А 03282. Формат 60X90/16.
Бумага тип. № 2. Гарнитура «Литературная». Высокая печать. Усл. п. л. 8,0. Усл. кр.-
отт. 8,5. Уч.-изд. л. 9,63. Тираж 50 000 экз. Издат. № 6911. Зак. 292. Цена 60 коп.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 101421, Москва, Каляевская
ул., 27.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

60 КОП.

